

**«Российские Ученые Социалистической Ориентации»
ВОРОНЕЖСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО МАРКСИЗМА**

Выпуск 17

**Воронеж
Издательство «Цифровая полиграфия»
2024**

ББК 87.3(0) 6-60
УДК 32.000.101+327.3
А43

Научный редактор – д.ф.н., проф., С.И. Рудаков
Редакторы – Солодовникова Т.Г., Карасева Е.С.

А43 **Актуальные проблемы современного марксизма. Выпуск 17.**
Сборник статей / Под редакцией С.И. Рудакова – Воронеж.
Издательство «Цифровая полиграфия», 2024 г. – 122 с.

ISBN 978-5-907669-58-1

В 17 выпуске сборника собраны материалы известных ученых, общественных деятелей, посвященные актуальным вопросам развития современного общества.

Сборник рассчитан на научных и партийных работников, а также всех тех, кому не безразлична судьба России.

© Коллектив авторов, 2024

Оглавление

Предисловие	4
Зюганов Г.А. Прекратить олигархическое разграбление	5
Чен Эньфу Демократический социализм и его отличие от социализма с китайской спецификой	10
Захар Прилепин Наша элита по-прежнему состоит из больших спрутообразных мафиозных сообществ	21
Шахназаров К.Г. В социализме – будущее	46
Загайтов И.Б. Динамика механизма функционирования общественных отношений	48
Шевченко В. Чернозем – важнейший энергетический ресурс	72
Первушина В.Н. Право как этносоциокультурный феномен в академических теориях правопонимания	83
Рудаков С.И. О китайском новаторском марксизме	103
Чигарев Г.Г. К вопросу о генезисе и смыслах теории общего блага	109
Брагин А.А. Без марксистского подхода получите Гомункула. Выступление на круглом столе в Мосгордуме на тему нового школьного учебника по истории 14 ноября 2023 года	134
Дубровских А.А. Проблема преодоления противоречия между физическим и умственным трудом в теории и практике французских маоистов	136

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 17 выпуске содержатся материалы, посвященные актуальным проблемам современного общественного развития. Со времени 16 выпуска многое изменилось. Прошли президентские выборы, продолжается СВО, совершен ужасный террористический акт в Красногорске. Нарастает не только политическое, но и идеологическое напряжение в мире. Нужны новые обобщения и выводы.

В этом сборнике – статьи, в которых содержатся крупницы нового миропонимания. Развитие научной историко-материалистической картины мира – таков путь к ответам на жгучие вопросы современности.

Материалы 17 выпуска будут полезны и практикам политического процесса, и теоретикам, исследующим современные проблемы.

Прекратить олигархическое разграбление!
Выступление на пленарном заседании Государственной Думы
Федерального Собрания РФ 27.02.2024

Зюганов Г.А.
Председатель ЦК КПРФ,
Руководитель фракции КПРФ в Госдуме ФС РФ

– Уважаемые депутаты!

Прошу внимательно выслушать. Речь пойдёт о Послании президента. У меня есть все его восемнадцать посланий с полным их анализом. Нынешнее носит исключительно принципиальный характер, оно состоится в условиях войны, которую объявили всем нам, всему Русскому миру. В обстановке, когда против нас введены такие санкции, с какими не сталкивалось ещё ни одно государство. И это происходит на фоне президентских выборов, которые во многом определяют перспективы всей нашей политики.

Президент В.В. Путин за 20 лет четырежды менял свою стратегию. Он укреплял государственность, боролся с терроризмом, пытался реализовать программу остановки вымирания страны. Сейчас он реализует задачу полного суверенитета на основе самодостаточности. Я поддерживал эту стратегию, но официально заявляю: если бы вы к нам прислушались, войны, которую нам сегодня объявили, не было бы. Потому что мы предлагали абсолютно конструктивный путь развития, позволяющий максимально использовать фундамент, который создала Советская власть, и уверенно двинуться вперёд.

Сейчас идёт война потенциалов. И в своём интервью Такеру Карлсону глава государства особо это подчеркнул. Но мы все понимаем, что наш финансово-экономический потенциал в пятнадцать раз меньше, чем у США и НАТО. **И в рамках того курса, который нам навязал ельцинский режим, мы эту войну выиграть не в состоянии. Потому что этот курс препятствует наращиванию нашего потенциала \подчеркнуто нами – С.Р.\.**

Но ведь мы выигрывали и не такие войны! Ленин расколотил Антанту. Сталин провёл две индустриализации и разгромил Гитлера. После этого Советская страна первой отказалась от продуктовых карточек и продемонстрировала свои великолепные космические достижения.

Сегодня перед всеми нами встают три вопроса. И я бы хотел, чтобы президент, завершая подготовку своего послания, посмотрел сегодняшнее обсуждение и обратил на эти вопросы внимание.

Первый и главный вопрос. Чтобы добиться реального экономического роста, надо иметь темпы развития выше мировых. У нас десять лет подряд был 1 %. В прошлом году мы вышли на 3,5 %. Но сейчас вновь наблюдается замедление. Потому что как только вышли на темпы, превышающие среднемировой уровень, финансово-экономический блок правительства урезал всё, что связано с реальным производством, поднял процентную ставку по кредитам до 16 %, обесценил рубль на 80 % и ограничил монетизацию 53 %. Ни в одной стране мира ничего похожего нет! Если такая политика продолжится, то можно обещать что угодно – вы всё равно не сможете добиться стабильного роста больше чем на процент в год. И будете постоянно отставать.

В таких условиях вы не сможете никого победить. Хотя на фронте можно одолеть врага. Дай бог здоровья всем ребятам, которые сейчас сражаются с нацизмом и бандеровщиной. Сегодня на заседании фракции я поручал продемонстрировать видеоматериалы о том, какие объёмы гуманитарных грузов мы поставляем нашим военным.

Второй вопрос. Надо остановить вымирание и обнищание в богатейшей стране мира. У нас 20 миллионов нищих. Си Цзиньпин поставил задачу избавить Китай от этой беды. Составил график, определил ответственных. И 800 миллионов человек вышли из нищеты. Там больше никто не находится за чертой бедности. А в нашей, более богатой стране доходы растут только у олигархов, которые даже в условиях войны не хотят платить нормальные налоги.

Надо всё сделать, чтобы прекратить олигархическое разграбление государства и граждан! И это третий из важнейших

вопросов. Масштабы этого разграбления просто невиданные! За два года из страны выкачали 300 с лишним миллиардов долларов. Этот разбой можно остановить одним решением.

Все три названных вопроса стоят ребром. Их необходимо решать как можно быстрее.

С чего начинать их решение? Конечно, с производства и промышленности. Но структура правительства не соответствует сложившимся проблемам и вызовам. Мы это видим. Вот недавно президент показал прекрасный пример, посетил рабочий коллектив Казанского авиационного завода имени Горбунова, осмотрел великолепный самолёт – стратегический бомбардировщик-ракетоносец Ту-160М. Но этот самолёт мы на конвейер поставили в 1984 году! Да, он и сегодня лучший. Но это значит, что за 40 лет более совершенная машина у нас так и не создана.

В советское время мы 50 экземпляров машин такого класса выпускали за год только на этом заводе. На пяти волжских авиационных заводах производили 30 видов и типов машин мирового класса. И в них не было ни одного иностранного болта. Для того чтобы наша авиация действительно возродилась и заработала на полную мощность, я бы давно восстановил три министерства: авиационной промышленности, электроники и станкостроения.

Бабаков, выступая в эфире у Соловьёва, вспомнил, что в СССР выпускали по миллиарду подшипников в год, а сейчас делаем лишь 30 миллионов. Но при таком положении дел вы не в состоянии ни с кем конкурировать! Что касается станков, то здесь та же самая картина. Мы можем и обязаны решить эти проблемы. И мы предлагаем решение. Посмотрите Программу Харитонова. Её писали представители Академии наук, лучшие специалисты. В ней 47 пунктов, каждый из которых подкреплён конкретными проектами законов, проектом бюджета развития.

Ещё один чрезвычайно важный вопрос – планирование. Никто сложную машину без плана никогда не делал и не в состоянии сделать. В 2013 году вы пошли нам навстречу, приняли закон «О стратегическом планировании». Но он, по сути, не работает.

Принимаем бюджет на три года и каждый год его корректируем. Стране необходим чёткий финансовый и экономический план хотя бы на 6-10 лет. Это решение давно перезрело.

Также необходимо изменение финансово-кредитной политики. Вот вы проголосовали за соответствующие решения, касающиеся оборонных предприятий, – и там завертели все станки и машины. Но там частного бизнеса почти нет и быть не может. В большой и холодной стране он не в состоянии решать общенациональные проблемы. Частное партнёрство с государством – да. Большие инфраструктурные проекты – да. Но частный капитал не может решать задачи, связанные с обороноспособностью и безопасностью государства. Его интересует прибыль, а для нас главное – развитие страны и благополучие граждан.

Нельзя не сказать и о Государственном банке. Он обязан отвечать за поддержку экономики, за стимулирование производства. И не может заниматься таргетированием, сжимая денежную массу, раздувая инфляцию, парализуя весь промышленно-производственный сектор, включая малый бизнес.

Налоги. Ну сколько можно игнорировать наше требование о введении прогрессивной шкалы налогообложения! Введите наконец нормальную ставку прогрессивного налога! Она позволит принципиально увеличить фискальную нагрузку на богачей и уменьшить её для малоимущих! Можете взять за основу хоть американскую модель, хоть китайскую. Они обе эффективно работают. И вы получите огромные дополнительные ресурсы для решения стоящих перед страной проблем.

Образование и наука. В этом зале каждый третий представляет научное сообщество, школы, вузы. Важнейшие предложения по вопросам науки и образования постоянно вносят Мельников, Кашин, Афонин, Новиков, Смолин, Останина. Огромный вклад в эту работу принадлежит нобелевскому лауреату Алфёрову. Это люди с богатейшим педагогическим опытом.

Сегодня главная проблема в этой сфере – кадровая. Всё острее ощущается нехватка учителей математики, физики, русского

языка. А ведь это важнейшие предметы с точки зрения стратегических интересов страны! Что касается профтехобразования, вы его буквально искромсали на куски. Коломейцев здесь блестяще раскрыл эту тему. Рассказал, как строили «Ростсельмаш» и как рядом с ним вырастала социальная, научная, образовательная инфраструктура. Кто же не даёт принять соответствующие решения сегодня?

Пойдите на военные заводы! Наш депутат генерал-лейтенант Соболев их все объехал. Первый вопрос, который там ставят: нет фрезеровщиков, слесарей, наладчиков, компьютерщиков – их негде взять. Но их можно подготовить! И с решениями, которые позволят сделать это в кратчайшие сроки, медлить больше нельзя!

Что касается финансовой сферы. НДС давно пора заменить налогом с продаж. И тогда новые технологии будут развиваться быстрее. Надо отменить бюджетное правило – оно задушило экономику. Огромные деньги куда-то складываются, уходят, обесцениваются. А обещанных результатов нет. И не может быть при такой финансовой политике.

И о сбережении народа. Надёжная социальная защита многодетных семей, принципиальное увеличение социальных выплат «детям войны», гарантированное горячее питание для всех школьников – это вопросы, решение которых «партия власти» продолжает бойкотировать. Я хотел бы, чтобы в своём Послании президент сказал, что мы их наконец решим. Ну сколько же можно мириться с вымиранием страны! По полмиллиона теряем каждый год. Русские области вымирают ударными темпами.

Необходимые ресурсы для решения этих проблем у России есть. Надо принимать политическое решение. Нужно вспомнить и о том, что в апреле правительство будет отчитываться в этом зале о своей работе. И этот отчёт вновь заставит нас задуматься о том, что вызовы, с которыми мы столкнулись, требуют корректировки политической системы. Я ничего не имею против «Новых людей», но хочется действительно услышать от них что-то новое. А вместо этого вижу, как надувают за сумасшедшие деньги пузырь, в

котором нет ничего. Я это видел в 1990-е годы, когда вот так же надували Ельцина. И это обернулось для страны катастрофой.

Давайте не будем повторять опасных ошибок! У нас готовы и Избирательный кодекс, и Трудовой кодекс, и закон, связанный с формированием Конституционного собрания. Есть абсолютно мирный, демократический способ ремонта политической системы. Мы будем поддерживать все конструктивные решения. И хотелось бы, чтобы выборы помогли нам исправить ситуацию в стране к лучшему!

**Из книги Чен Эньфу «Китайский новаторский марксизм»
Глава 2. IX. Демократический социализм и его отличие от
социализма с китайской спецификой**

В последние годы влияние демократического социализма постепенно расширяется в Китае. Некоторые ученые считают, что демократический социализм – это «демократическая модель» социализма, капитализм в сфере производства и социализм в сфере распределения, и что он более продвинут и превосходит научный социализм, и должен быть направлением и коннотацией будущего развития социализма с китайской спецификой. В связи с этим нам необходимо всесторонне рассмотреть демократический социализм и, в частности, прояснить теоретические различия и практические различия между демократическим социализмом и социализмом с китайской спецификой. Это крайне важно для нас, чтобы диалектически понять демократический социализм и впитать некоторые его разумные элементы, придерживаясь при этом направления социализма с китайскими особенностями.

1. Что такое демократический социализм

Демократический социализм – это капиталистическая реформистская идеология, которая преобладает в западных обществах с XX века. Это зонтичный термин для обозначения международной идеологии Социал-демократической партии

Второго Интернационала и была основана Бернштейном. В наше время демократический социализм существует не только как теоретическая, но и как практическая форма. Социал-демократические партии долгое время находились у власти или в ротации во многих западных капиталистических странах и оказали глубокое влияние на ход развития современного мира.

Демократический социализм претерпел три основные исторические трансформации, когда капитализм переходил от свободного конкурентного капитализма к частному монопольному капитализму, от частного монопольного капитализма к государственному монопольному капитализму и от государственного монопольного капитализма к международному монопольному капитализму.

Первый переход, отмеченный бернштейновским ревизионизмом, был от левого крыла марксизма к правоцентристской теории. Демократический социализм первоначально назывался социал-демократией. С точки зрения исторического развития, социал-демократия уходит своими корнями в научный социализм. До 1890-х годов социал-демократия была, по сути, революционной доктриной и школой мысли в рабочем движении, в которой доминировали марксисты. Теоретически она представляла собой радикальную критику буржуазного государства и капиталистической системы и выступала за свержение буржуазии различными революционными средствами, ликвидацию капиталистической частной собственности и создание социалистической общественной системы. На практике социал-демократы больше занимались парламентской деятельностью и профсоюзной работой, стремясь улучшить положение рабочего класса с помощью социального законодательства и экономической борьбы. С изменениями в капитализме и смертью Маркса и Энгельса Берштейн в социал-демократической партии Германии открыто выставил знамя правого оппортунизма и ревизионизма, став тем самым ревизионизмом, который критиковали Люксембург и Ленин.

В своем шедевре «Предпосылки социализма и задачи социал-демократической партии» Бернштейн систематически пересматривал марксизм. Он утверждал, что развитие демократической политики в современных капиталистических странах уменьшило неизбежность больших политических катастроф и что Социал-демократическая партия должна осуществить постепенный и мирных переход от капитализма к социализму только путем парламентской борьбы. Из-за центристской позиции Каутского, главного лидера партии, который критиковал как левых, так и правых, правоцентристский ревизионизм вскоре стал знаменем для различных реформистов и оппортунистов в международном рабочем движении, оказывая большое влияние на теоретическую и пропагандистскую работу Второго Интернационала и его партий-членов и во все большей степени доминируя в практике социал-демократов и профсоюзов. Поскольку ревизионистские идеи постепенно брали верх, социал-демократические лидеры в большинстве воюющих стран во время Первой мировой войны поддерживали и даже присоединялись к собственным правительствам, что привело к распаду Второго Интернационала и расколу в международном рабочем движении, причем Коммунистическая партия и социал-демократы с тех пор шли разными путями.

Второй переход, отмеченный Гетеборгской платформой Социал-демократической партии Германии, был сдвигом от левоцентристской доктрины к правой. В период между двумя мировыми войнами ревизионизм на практике стал теоретической основой социал-демократического большинства. В этот период, хотя Социал-демократическая партия на практике полностью перешла к реформизму, она все еще сохраняла большую часть традиционных марксистских идей в своей теории и программе, создавая уникальную ситуацию, когда революционная теория марксизма использовалась для того, чтобы обелить реформистскую практику Социал-демократической партии. После Второй мировой войны социал-демократические партии в Западной Европе в

основном приняли политические правила буржуазной парламентской демократии и больше не скрывали, что являются реформистскими партиями, и, таким образом, им больше не нужно было использовать марксистские слова и фразы для создания фасада. Чтобы подчеркнуть свою оппозицию сталинской модели социализма и выделить ценность демократии, социал-демократы заменили социал-демократию на демократический социализм в качестве собирательного термина для обозначения практических принципов своих партий.

Гетеборгская программа, принятая в 1959 году, теоретически изложила принципы, на которых основывался демократический социализм в послевоенный период: открытое мировоззрение, превращение из рабочей партии в народную, вера в парламентскую демократию, четкое отличие от коммунизма защита индивидуальных свобод, смешанная экономика, наполовину государственная и наполовину частная, настаивание на социальной справедливости и взаимопомощи только посредством улучшений и т.д. Наиболее ярким аспектом этой программы было то, что она провозглашала, что демократический социализм «коренится в христианской этике, гуманизме и классической философии», что «фундаментальными ценностями» социализма являются «свобода, справедливость и взаимопомощь» и что «социализм – это непреходящая задача борьбы, защиты и самоиспытания в свободе и справедливости». Это полностью разорвало сохранившиеся мировоззренческие и теоретические связи демократического социализма с марксизмом и отказалось от веры в «конечную цель» коммунизма и его «историческую необходимость», как утверждал марксизм, тем самым сделав Гетеборгскую программу символом второй трансформации демократического социализма. Таким образом, Гетеборгская программа стала символом второй трансформации демократического социализма.

Третий переход, отмеченный «Третьим путем», был переходом от правой к полуэкстремальной правой теории. После Второй мировой войны, когда престиж либерального капитализма был

подорван, а кейнсианство было настолько распространено, что даже сама буржуазия не верила, что сможет продолжать существовать без социалистических улучшений, европейские социал-демократические партии пришли к власти и провели ряд политик, направленных на смягчение противоречий между трудом и менеджментом и создание в Европе государства всеобщего благосостояния. В результате разрушения производственных мощностей войной и введения системы социального обеспечения, противоречия, связанные с падением нормы прибыли и недостаточным эффективным спросом, были смягчены и демократический социализм показал свою ценность по сравнению с либеральным капитализмом. Однако к середине 1970-х годов, когда разрушенные войной производственные мощности капиталистических стран были полностью восстановлены, а развитие производительных сил вновь поставило капитализм перед лицом кризиса перепроизводства, западные страны, особенно США, впали в стагфляцию, и кейнсианство было поставлено под сомнение. Традиционный демократический социализм государства всеобщего благосостояния, основанный на кейнсианстве, который стремился к полной занятости и всеобъемлющим гарантиям благосостояния, был неустойчивым.

В конце 1970-х годов неолиберализм, или неоконсерватизм, представляющий крупную монополистическую буржуазию, начал контрнаступление против демократического социализма. Он заменил кейнсианство неолиберальной экономикой, дерегулировал национальную экономику, в которой доминировал крупный монополистический капитал, активно продвигал приватизацию, ограничил права профсоюзов и сократил социальное обеспечение. Перед лицом агрессивного неолиберального наступления демократический социализм оказался в сложной ситуации из-за отсутствия эффективного ответа. В этой ситуации социал-демократические партии в странах должны были выживать через изменения, пытаясь выйти из затруднительного положения и достичь своей цели возвращения к власти путем активных

теоретических инноваций и корректировки политики в изменившихся условиях. Таким образом, родился «Третий путь». «С Третьим путем» демократическая социалистическая теория развилась в современную социал-демократию. Современная социал-демократия с ее акцентом на социальную демократию стремится открыть «третий путь» европейского развития между демократическим социализмом и неолиберализмом. «Третий путь» продолжает изначальный лозунг демократического социализма, а именно создание общества свободных и равных людей. Однако перед лицом неолиберального давления «Третий путь» предлагает новую интерпретацию этих ценностей. Она подчеркивает, что равенство людей – это не равенство в результате индивидуального обладания богатством, а равенство возможностей для людей добиваться богатства и прав. На практике «Третий путь» снижает важность собственности, отказываясь от принципа государственной собственности в пользу смешанной экономики с разнообразными формами частной собственности; он отвергает высокие налоги и политику социального обеспечения традиционного государства всеобщего благосостояния и выступает против государственного вмешательства в экономику. «Позитивное» государство всеобщего благосостояния. Молодые лидеры, такие как Герхард Шредер из Социал-демократической партии Германии и Тони Блэр из Лейбористской партии Великобритании, победили старших лидеров своих партий и пришли к власти, придав «Третьему пути» сильный неолиберальный привкус. По сути, это полудемократическая социалистическая, полунеолиберальная, полужесткая правая теория и политика. Однако последние всеобщие выборы или опросы общественного мнения в Германии, Франции и Великобритании показали, что правящие лидеры социал-демократических партий в этих трех странах ушли или собираются уйти и что полужесткие правые, которые выступают за так называемый «третий путь», потерпели поражение в конкуренции с неолиберальными крайне правыми.

Мы можем видеть из долгосрочного развития и эволюции демократического социализма, что от социал-демократии, которая изначально была синонимом социализма, к демократическому социализму, который подчеркивает политическую демократию больше, чем экономическую демократию, к «третьему пути», который подчеркивает экономическую свободу больше, чем политическую демократию, демократический социализм шаг за шагом стал общим защитником и частичным улучшителем установленной системы капитализма. Вопреки мнению многих реформаторов о том, что преобладание «Третьего пути» в Европе указывает на то, что Европа движется ближе к научному социализму, «Третий путь» указывает на то, что демократический социализм в целом движется вправо под влиянием неолиберализма. Демократический социализм стоит перед беспрецедентной дилеммой в защите интересов рабочих и среднего класса, а нынешняя фаза капитализма стала гораздо более нелиберальной, недемократической и несправедливой в своих уступках демократическому социализму, усилении политики власти, военной экспансии и экономического грабежа вовне, и олигархии, поляризации и идеологического контроля внутри.

2. Разница между демократическим социализмом и социализмом с китайской спецификой

В последнее время в нашей стране возникла волна мышления, утверждающая, что китайские реформы на самом деле проводятся по образцу демократического социализма. В этом контексте, чтобы достичь единства теории и практики, демократический социализм должен получить легитимность путем отказа от руководящей роли марксизма и введения идеологического плюрализма; путем реформирования политической системы и установления парламентской демократии; путем отказа от статуса общественной собственности как главного органа и переименования Коммунистической партии в Социалистическую партию и т.д. Некоторые ученые даже утверждали, что только демократический социализм может спасти Китай. Появление этого направления

мышления вызвало путаницу: некоторые соглашаются с тем, что демократический социализм имеет много общего с практикой социализма с китайской спецификой, и утверждают, что в Китае следует продолжать проводить демократические социалистические реформы. Что делать с этим мнением? Необходимо прояснить теоретическое противопоставление и практическое различие между демократическим социализмом и социализмом с китайской спецификой, а также прояснить существенную разницу между ними.

Существенные различия между демократическим социализмом и социализмом с китайской спецификой в основном сводятся к трем пунктам.

Первый – придерживаться ли руководящей позиции марксизма. Демократический социализм выступает против марксизма как единственной руководящей идеологии, за плюрализм в мировоззрении и руководящей идеологии, а также за разнообразие в составе и источниках социалистической мысли. В качестве источников и состава мысли они берут христианскую доктрину, Декларацию прав человека Французской революции, этику Канта и мысль эпохи Просвещения, диалектическую философию истории Гегеля, ревизионизм Бериштейна, кейнсианскую экономику и т.д. сплавляя разнообразные идеологические взгляды в одно целое и называя это «плюрализмом» и «демократией идей».

Социализм с китайскими особенностями выступает за использование основной социалистической системы ценностей с марксизмом в качестве ее души для руководства различными общественными тенденциями и социалистической практикой. Марксизм, как научное мировоззрение и методология, является теоретической основой социалистического движения и должен занимать руководящую позицию в практике социализма с китайской спецификой. Руководствоваться марксизмом – значит сочетать универсальные принципы марксизма с реальностью современного этапа Китая, направлять практику социализма с китайской спецификой, изучать новые ситуации, обобщать новый опыт и решать новые проблемы. Марксизм – это открытая, научная

система, которая продвигается вперед с развитием науки и практики сильной и продолжительной жизнеспособностью.

Во-вторых, поддерживать ли основной статус общественной собственности на средства производства. Демократический социализм считает, что социализм может быть достигнут без изменения капиталистической частной собственности на средства производства, и утверждает, что структура основной массы средств производства не является критерием для измерения природы общества. Он выступает за систему «смешанной экономики», в которой государственные предприятия, частные предприятия и другие экономические компоненты сосуществуют на основе сохранения системы частной собственности, а также системы распределения богатства и доходов на основе распределения капитала.

Социализм с китайской спецификой считает, что решающее отличие социализма от капитализма с точки зрения базовой экономической системы заключается в структуре общественной собственности на средства производства (Дэн Сяопин), с общественной собственностью на средства производства, которая доминирует как по качеству, так и по количеству, и государственной экономикой, которая играет ключевую роль в укреплении страны, обогащении народа и строительстве социализма и является социалистической экономической основой надстройки Коммунистической партии, такой как правящее правительство (слова Цзян Цзэминя). Хотя Китай еще не в состоянии достичь полной общественной собственности на средства производства из-за неразвитых производительных сил, важно поддерживать доминирующее положение государственного сектора при развитии различных частных экономик. Только придерживаясь статуса государственного сектора как опоры рыночной экономики, мы можем действительно улучшить систему распределения богатства и доходов, основанную на распределении труда, достичь всеобщего процветания, честности и справедливости, действительно реализовать ориентированную на

людей научную концепцию развития, чтобы добиться здорового и быстрого развития национальной экономики.

В-третьих, поддерживается ли руководство партии рабочего класса. Социалистические партии под разными названиями отрицают природу рабочего класса, отвергают принцип демократического централизма и открыто заявляют, что их партия – это сообщество людей с разными убеждениями и идеями, не классовая партия, а «партия всех». Они утверждали, что из-за изменений в производительных силах рабочий класс утратил свою ведущую роль движущей силы истории и что социализм будет возглавлен теми социальными классами, которые возникли в ответ на развитие производительных сил, а не рабочим классом. В то же время, в соответствии со своими идеями демократизации и плюрализма, они выступали против негатива.

Однопартийная система во всех случаях выступает за буржуазную многопартийную государственную систему с ротационным правлением. Что касается принципа организации партии, они выступали против демократического централизма и отстаивали принцип безусловной демократии внутри партии, без необходимости строгой организационной дисциплины.

Социализм с китайской спецификой поддерживает природу Коммунистической партии как авангарда рабочего класса и принцип демократического централизма, а также ее руководство делом социализма. Перед лицом новой научно-технической революции рабочий класс остается представителем требований развития передовых производительных сил и воплощением передовых производственных отношений, остается носителем исторической миссии свержения капитализма и построения социализма и коммунизма. В новой ситуации, когда возникли и сосуществуют многочисленные социальные классы, Коммунистическая партия должна по-прежнему сохранять свою природу авангарда рабочего класса и всецело полагаться на рабочий класс. На современном этапе практикуется система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической

партии, а демократический централизм является основополагающим организующим принципом и организационной системой Коммунистической партии и ее правящего государства, а также политическим руководством для правильного ведения различных отношений внутри и вне партии.

В-четвертых, придерживаться или нет цели коммунистической борьбы. Отказавшись от цели коммунистической борьбы, демократический социализм исходит из буржуазных рациональных и этических принципов, таких как свобода, равенство, справедливость и взаимопомощь, и предлагает, что целью демократического социализма является борьба за систему социальной справедливости, свободы и демократии и мир во всем мире. Они считают, что первопричина различных бед и противоречий капиталистического общества кроется не в фундаментальной экономической и политической системе самого капитализма, не в существовании классовой эксплуатации и угнетения, а в нарушении так называемых рациональных и этических принципов человечества в целом. Чтобы решить проблемы капитализма, не нужно заменять фундаментальную капиталистическую систему, а просто постоянно совершенствовать ее в соответствии с вышеупомянутыми принципами.

Социализм с китайской спецификой придерживается сути и принципов социализма, заключаются в освобождении производительных сил, их развитии, устранении эксплуатации, ликвидации поляризации и достижении всеобщего процветания, и, в конечном счете, в достижении коммунизма на основе социализма, в котором производительные силы значительно развиты. Это длительный процесс исторической эволюции и институциональных инноваций.

Следует отметить, что тот факт, что социалистическая демократическая система еще не совершенна, заставил некоторых людей в обществе, которые не понимают социализма и недовольны реальностью в Китае, провести параллель между капитализмом и демократией – и социализмом и диктатурой. Если мы будем просто

критиковать лицемерие демократического социализма, не совершенствуя нашу социалистическую демократическую систему, то мы никогда не сможем искоренить почву демократического социализма в нашей стране. Одним из оружий критики демократического социализма является возможность того, что построение социализма в нашей стране последовательно достигает больших успехов в плане политической демократии, социального равенства и экономического развития, чем страны, где правят социал-демократические партии, в полной мере демонстрируя превосходство социализма по сравнению с капитализмом. Мы вполне способны сделать это в новой ситуации, когда Центральный комитет партии выдвинул научную концепцию построения гармоничного социалистического общества, а национальная экономика развивается хорошо и быстро. И если мы пойдем горбачевских демократических социалистических реформ, это неизбежно приведет к глубокой катастрофе для страны и ее народа, и Китай не должен повторять ту же ошибку.

**Наша элита по-прежнему состоит из больших
спрутообразных мафиозных сообществ**

Из интервью для «Бизнес Online»

Захар Прилепин,

российский писатель и публицист

«На Украине какая-то часть их элиты уже ждет момента, чтобы можно было сказать: «Все, пора прекращать. У нас 500 тысяч человек на кладбище зарыты. Надо заканчивать». Конечно, если бы мы начали в 2014-м, ничего подобного бы не случилось. Мы бы зашли в Киев, была бы пара стычек. Но такого огромного числа погибших удалось бы избежать», – говорит писатель Захар Прилепин, который после покушения на его жизнь все еще проходит реабилитацию в одной из больниц Нижнего Новгорода.

«БИЗНЕС Online» он рассказывает о самочувствии сегодня, рассуждает о том, был ли шанс избежать большой войны в Европе, почему президент Украины Владимир Зеленский уже не «смешной комик», а власть прощает возвращенцев типа бизнесмена Михаила Фридмана, а также анализирует марш и смерть основателя ЧВК Вагнера Евгения Пригожина».

– Вы уже говорили, что планы террористов в отношении вас не сняты. Не появился ли страх, что они будут пытаться повторить? Или к вопросам жизни и смерти у вас по-прежнему философское отношение, о чем вы писали, например, в книге «Некоторые не попадут в ад»?

– Ощущение предопределенности даже усилилось. В каком-то смысле появился фатализм. Как говорят русские люди, Господь присмотрит, Господь управит. В прежние времена я хоронил товарищей через какие-то промежутки времени. Потом все дорогие мне люди были выбиты один за другим. Переход из одного состояния в другое происходит настолько быстро, что вообще перестает восприниматься как трагический. Так может случиться в любую секунду. Раньше я об этом особо не думал.

В свое время у меня был товарищ Воха. Он командовал батальоном «Спарта» после гибели Моторолы. Я его как-то спросил: «Воха, а ты не боишься?» Даже не про смерть, не про войну, а про что-то другое. И он говорит: «Я боюсь только одного: как я в глаза посмотрю Бате (в смысле Захарченко) и Мотороле». Я тогда подумал, что это офицерская поза. Понятно, что он за нее отвечал на 200 процентов, но мне показалось, что это просто красивая формулировка.

А сейчас я живу с совершенно твердым ощущением, что надо так дожить оставшийся срок, чтобы спокойно встретиться там с Графом, со Злым, со всеми моими ближайшими товарищами и ни в чем не испытать стыда перед ними. Я назвал два имени. На самом деле их гораздо больше. И это чувство основное. А обо всем остальном я не переживаю. Как говорил старик Лимонов, смерть – это профессиональная болезнь человека.

– К сожалению, на территории России терактов становится все больше...

– На самом деле терактов гораздо меньше, чем могло быть.

– Но все равно все чаще погибают люди, в том числе известные, наносятся удары по объектам, включая знаковые, такие как Крымский мост. Беспилотники прилетают не только на приграничные территории, но даже в Москву. Этому можно эффективно противодействовать? Или это неизбежная реальность нынешней России, которая находится в состоянии военного конфликта?

– Я думаю, что наши друзья из спецслужб рассказали бы, какое количество терактов на самом деле замышляется и сколько они предотвращают. Мы знаем, например, о Владимире Соловьеве. Но я уверен, что участники Крымской весны, донбасской войны, СВО находятся в зоне риска. В зоне риска офицеры, военкоры. Конечно же, ищут Сашу Коца, Женю Поддубного, Семена Пегова, Диму Стешина. Я не сомневаюсь, что им звонят на личные телефоны, угрожают.

В зоне риска много людей, которые сейчас в Донецке, Луганске, на передовой. Но и в те времена, когда боевая деятельность была не такой насыщенной, как сейчас, значимых людей непрестанно искали. С 2014 года кто-то пропадал, кого-то находили убитыми. Как работали киевские спецслужбы в Донбассе до 2022-го, так они теперь работают на территории России. Это их метод. Таким образом, они пытаются компенсировать боевое, военное, этническое, национальное унижение: вот нам обидно, и сейчас мы кого-нибудь убьем.

– В последние дни внимание всего мира приковано к Ближнему Востоку, всех поражает жестокость с обеих сторон. Но ненависть между евреями и арабами имеет глубокие корни. А почему украинцы, с которыми мы когда-то были почти как сиамские близнецы, пришли к лютой ненависти к нам? Для этого имелись предпосылки в наших отношениях изначально? Или при желании любой народ можно превратить в русофоба, а из Украины сделали «анти-Россию» именно потому, что это

наш ближайший сосед и с его помощью хотели ослабить и РФ, и славянское братство?

– Последнее заключение самое правильное. Конечно, зерна вражды есть всегда в любом народе. Они либо всходят, либо нет. Но можно взять любой этнос, любой народ, любую нацию и в течение года, двух, трех, четырех, пяти накрутить до необычайных степеней. Можно привести к восстанию даже этносы, живущие на территории России. Мордву, чувашей, чукчей, чеченцев, с которыми мы воевали очень жестко. А если включить телевизионные, радиийные и прочие медийные источники и зарядить лидеров общественного мнения, так называемых ЛОМов, которые будут с утра до вечера подсовывать людям фотографии и говорить о русских: «Смотрите – повесили, смотрите – убили, смотрите – расчленили», – любой человек (через зрение, слух) начнет насыщаться русофобией.

Так иногда бывает и в обычных отношениях между людьми. Соберутся подружки, и давай на ухо говорить одной из них, которой они «желают только добра», какой у нее хреновый муж. Она его вроде любит. А они: «Да ты посмотри, что он творит, да он такой, да он сякой». И все это накручивается, накручивается. В обратную сторону это, может быть, реже, но тоже работает, когда собираются мальчишки и говорят: «Господи, да кого ты себе нашел?».

Так и русофобия легко моделируется. Люди должны понять: история вообще вещь кровавая. Всегда происходят какие-то столкновения. Люди не идеальные. Они по природе своей грешники. Деньги, власть, земля, передел – все это порождает конфликты. Но когда нации находят в себе внутренние силы для их преодоления, они выстраивают большие, мощные государства, империи и взаимно обогащают друг друга. Не грабят, а обогащают. Когда приток происходит снаружи, тогда мы получаем современный Татарстан, современную Чечню и все остальные наши республики. Они понимают, что у них не маленький уголок земли, а вся российская земля тоже их. Ты свой и на Дальнем Востоке, и в Калининграде, и на Кавказе. Вся территория России – пространство твоего обитания. Это же круто!

А если говорить об украинцах, то они вбили себе в голову очень странную историческую мысль. Как говорили в фильме «Бриллиантовая рука», на его месте должен был оказаться я. Они же, по сути, такие же, как и мы. На Украине живут в основном те же русские люди. Но имперскую государственность выстроили мы. Украинцы тоже могли ее создать. Они имели для этого все шансы. Но им помешали поляки, османы, нахождение в пространстве дикого поля и все остальное.

А Москва сориентировалась и смогла выстроить сначала Московское царство, потом русское царство, потом империю и расплзлась, как квашня. Конечно, у украинцев возникло ощущение, что они могли сделать то же самое. Тем более что с XVII века они начали участвовать в этих процессах. Они тоже наследники и владельцы всего того, что происходило в Российской империи после присоединения к ней.

Но, вместо того чтобы думать, как все нормальные украинцы от Хмельницкого до Ковпака и маршала Рыбалко, современные киевские власти выбрали маргинальный путь. Это путь интеллектуального аппендикса: «Москали нас обокрали, вот если бы победил Мазепа или Петлюра, мы бы тогда взяли и Варшаву, и Москву».

Мне в свое время в Киеве говорили: «Вы родились в киевской колыбельке и прокляли своего отца или мать». Я уж не помню, кем точно меня попрекали. Но даже если мы и родились в киевской колыбельке (хотя колыбелька изначально была новгородской), это ничего не меняет. Пространство-то общее. И если мы там родились, так давайте договоримся.

Я украинцев понимаю. Но путь, который они выбрали, ведет в никуда. Я об этом написал еще зимой 2014 года, когда начался майдан. Я тогда писал, что вы не сможете отпилить себя двуручной пилой от РФ. От России сбежать невозможно. Она всегда будет рядом. Вы всегда будете находиться в ее контексте. Либо вы принимаете его и снова становитесь богатыми владельцами империи, либо будете находиться в постоянном конфликте с Москвой, который никогда в истории не заканчивался для малорусского украинского этноса хорошо. Он всегда заканчивался плохо.

– Почему на современном этапе вражду стали раздувать между украинцами и русскими, а не русскими и белорусами, например? Масштабы народов разные?

– Мы помним, что в Беларуси два года назад был настоящий майдан и Александр Лукашенко чуть было не проиграл. Пусть на меня никто не обижается, но пока в Минске был майдан, Александру Григорьевичу московская сторона подсовывала договор за договором о сотрудничестве. Он все подписывал и говорил: «Все будет хорошо». И теперь мы видим такого Лукашенко, который нам нужен.

То же самое мы могли сделать и с Виктором Януковичем, если бы он оказался чуть покрепче. И была бы сейчас Украина по отношению к нам, как Беларусь. Но Янукович оказался слаб. Лукашенко вышел с сыном и автоматом и удержал ситуацию. А если бы он не проявил твердость, то в Беларуси было бы то же самое, что и на Украине. Вся это литовско-польская пропаганда работала на всех мощностях. Я в свое время тоже очень много писал о том, что мы потеряли Украину и рискуем потерять Беларусь. Но в последний момент ситуацию удалось спасти, и мы получили золотую Беларусь. А могли получить такого же врага, как Украина.

– Как вы думаете, посеянная между русскими и украинцами вражда навсегда или у нас есть шанс замирились? В конце концов, в истории немало примеров, когда после войн народы мирились.

– В украинском случае не надо даже смотреть на другие исторические примеры. Можно смотреть на собственные украинские примеры. У нас очень любят говорить: «Посмотрите, какие маленькие украинские территории присоединились к России в XVII веке. Вот пусть украинцы только на эти несколько областей и рассчитывают». Но мы сами себя выставляем дураками, потому что мы с самого начала не смогли отвоевать все пространство Украины, те территории, которые занимали малороссы. Правобережье не захватили. Оно осталось под Польшей, там был правобережный гетман Дорошенко. Война до полного взятия Киева

продолжалась 80 лет. Это не шуточки. Все началось в 1654 году, когда Хмельницкий воевал, а заканчивала Екатерина Вторая с разделом Польши.

Потом была Гражданская война, затем Сталин взял Правобережье. Мы бьемся за эти территории очень долго, но всегда отыгрываем в нашу сторону. В течение 400 лет мы забираем обратно пространство, которое наше, родовое. От нас его все время пытаются отрезать и унести – к османам, венграм, румынам и где-то закрепиться. Но это невозможно. Эти территории не оторвешь от России. Да, это долгие и болезненные процессы, потому что мы тянем к себе обратно свое и своих братьев. А Европа, сотни рук тянут наших собратьев в другую сторону, обрывая им кушаки и чубы. Но рано или поздно украинцам придется замирииться с нами.

– А почему со спецоперацией мы тянули до 2022 года? Почему не начали ее на несколько лет раньше? Надеялись договориться с Западом, не понимали глубины наших расхождений, копили силы? А может, причина в торможении российских элит, глубоко интегрированных в западную жизнь?

– Наша элита была не готова к противостоянию с Украиной с самого начала, с 2014-го, и до начала СВО. Поэтому в течение 2022-2023 годов мы наблюдали исход той самой российской элиты, которая была сформирована самим Владимиром Путиным. А кем же еще? Путиным эта элита, очевидно, была любима и почитаема. У президента и Александр Волошин был советником до самого начала СВО, и Анатолий Чубайс был где-то рядом. Я называю наиболее известные фамилии. Но эта огромная разнообразная компания, у которой есть второй, третий, четвертый слой. Это и была наша Россия, путинская.

Путин совершенно убежденно строил либерально-западническое государство, будучи абсолютно уверенным в том, что сможет договориться с Западом, Европой, потому что им это выгодно. Президент рационально рассуждал, что раз мы нужны европейцам (они же не идиоты), то мы с ними должны

договориться. Мы же им предлагали и «Северный поток», и «Северный поток – 2» и так далее.

Но степени безумства Запада Путин не просчитал. И в какой-то момент он понял, что Европа просто не договороспособна, потому что ею рулит Америка. Суверенность Европы была преувеличена в глазах Путина и нашей элиты. Они ее переоценили до бесконечных степеней. Когда Путин осознал, что никакой суверенности Европы нет, началась переориентация России. Теперь наши друзья – это Китай, БРИКС, Северная Корея, африканские диктаторы и латиноамериканские партизаны. Все те, кого мы «кинули» в 1991 году.

Что касается элиты, которую сформировал наш президент, то он ее сам и наказал. Воссоединением с Крымом. Существует такой миф: за день до принятия Крыма в состав Российской Федерации Путин собрал основных государственных мужей, своих бояр и сказал им: «Мы собираемся Крым принимать в состав России. Кто за, кто против?» За столом сидели 12 человек или 22. Неважно. Но все высказались против, сославшись на то, что это объективно невозможно. Путин выслушал всех и сказал: «Вас услышали, берем».

Таким образом, он «кинул» всю элиту, у которой жены, дети, тещи, недвижимость, вклады, собаки находились за рубежом. Элита тут же схватилась за голову и начала кричать: «Блин, что делать?» Все же понимали, что санкции будут введены уже послезавтра и нужно срочно выводить с Запада все активы. Но Путин рассуждал как: «Я вас предупреждал: не надо ничего хранить на Западе. Я вам прямым текстом это говорил. Вы думали, что я шучу? Но я не шучу».

Тогда Путин показал, на что он способен, и я заново полюбил своего президента. Первый раз это произошло, когда он провел стремительную и блистательную вторую чеченскую кампанию. А после Крыма я опять понял, что это мой президент. Это в качестве ответа на вопросы тех, кто периодически говорит, что Прилепин был когда-то против Путина, а теперь за него.

Когда взяли Крым, наши элиты перезагрузились и сказали: «Но Донбасс мы не можем взять. Это будет перебор». И на самом деле тогда мы к этому были не готовы. Мы же не сразу достигли

экономического состояния, которое имели к 2022 году. Хотя на Западе были убеждены, что, когда они выведут свои компании из России, мы просто рухнем. Но этого не произошло. Возможно, раньше таких рисков было больше.

Хотя сам Путин сказал, что Донбасс надо было брать еще в 2014 году. Вопрос сложный, мы не знаем всех деталей этой истории. Но если бы мы начали на 8 лет раньше, то, конечно, сломали бы украинскую армию влет. И Киев взяли бы уже через месяц. Однако история не знает сослагательного наклонения.

– Если все-таки предположить, получается, что если бы мы начали действовать раньше и быстро взяли Киев, то и большой войны в Европе удалось бы избежать?

– Я думаю, что все равно было бы колоссальное сопротивление огромных масс населения Украины. Я циничную вещь скажу, но характер не был бы сломлен. Нельзя очень быстро взять столицу и переломить настроения в обществе, половина которого была против России. К тому времени на Украине проживали под 40 миллионов человек. Из них 20 миллионов не принимали нас вообще.

Да, мы могли посадить в Киеве пророссийского президента, какого-нибудь Виктора Медведчука. Но через четыре года получили бы ровно то же самое, что и 8 лет назад. Эта история очень быстро поломалась бы, потому что и у нас не имелось бы заряда на зачистку территории в широком смысле, и у украинцев было бы ощущение, что мы не можем. Слом противника в конечном итоге происходит только военным путем. История, увы, не предлагает других вариантов.

Что было бы, прости, Господи, за все грехи, с Чеченской Республикой, если бы война с ней длилась 8 лет? Но Кадыров-старший сказал: «Все, хорош, нельзя столько хоронить людей. Россия огромная, и мы не будем с ней воевать».

Я уверен, что после всего произошедшего на Украине какая-то часть их элиты уже ждет момента, чтобы можно было сказать: «Все, пора прекращать. У нас 500 тысяч человек на кладбище зарыто. Надо заканчивать». Конечно, если бы мы начали в 2014 году, ничего подобного не было бы. Мы бы зашли в Киев,

была бы пара стычек. Но такого огромного числа погибших удалось бы избежать.

– Как думаете, а киевский режим и обычные украинцы понимают, что Запад, активно помогая Украине, использует их в своих целях?

– Как только произойдет военная победа, как только будет взят Киев, тогда это можно замерять, потому что в каких-то вещах люди сами себе не признаются. Так устроен человеческий мозг. Пока вокруг одна реальность, ее воспринимают соответственно. Но как только обстоятельства меняются, все сразу начинают говорить: «Ну, конечно, я давно понимал, что сопротивление бесполезно и что мы с русскими братья».

У людей ничего никогда не бывает навсегда. Человек достаточно изменчивое существо. Мы это проходили и на своих примерах. Во время перестройки все были убеждены в одном. Как поначалу любили Михаила Горбачева! А лет через пять все полюбили Бориса Ельцина. Еще через несколько лет Ельцина уже ненавидела почти вся страна. Те же самые люди (я их прекрасно помню), которые говорили, что Ельцин – настоящий мужик и все в таком духе, спустя годы повторяли: «Я всегда говорил, что это пьянь и он предаст Россию». Человек очень быстро забывает то, как он рассуждал раньше. И украинцы тоже забудут.

– А на что, по-вашему, рассчитывает Зеленский, которого могут выбросить на обочину? Или он уверовал в свою значимость на международной арене, примеряя на себя образ то ли Фиделя Кастро, то ли Че Гевары?

– Я думаю, что для Зеленского вопрос игры уже не стоит. Он играл в самом начале. Но сейчас он уже не смешной комик. Александр Андреевич Проханов по этому поводу давно сказал достаточно жестко: «Если он такой смешной, что же вы его никак не победите?» Если Зеленский комик, если он такой забавный, так идите и победите его. А он везде ездит, так или иначе договаривается с основными мировыми лидерами, трясет за пиджаки, а они ему отсыпают.

Зеленский стал серьезным противником, который обладает неплохой нервной системой. Да, Путин пообещал его не убивать. Но Путин завтра может и передумать. Тем не менее, Зеленский приезжает то в Херсон, то еще куда-то, ходит, понтуется. Нормальный противник. Его надо воспринимать всерьез. Мы перехохотали над нелепыми хохлами в 2014-2016 годах. А-а, да кто они такие, да что там у них? Тогда они действительно были плохо вооружены, армия у них была не сформирована. Но за считанные годы Украина создала такую мощь!

А мы опять начинаем себя накачивать. Посмотрите, какой смешной украинский наступ! Вот они наступали, наступали, взяли две деревни с останками! А мы много понаступали на Купянск, Авдеевку? Мы тоже наступаем полтора года от Донецка. Хохлы смешные! Они наступают, а у них не получается! Но и у нас не все получается. А может быть, мы вообще никуда не идем? Поэтому надо как минимум перестать подхохатывать.

**– И как вы оцениваете нынешнюю ситуацию на фронте?
50 на 50?**

– Можно сказать, что ситуация сегодня 50 на 50. В силу огромных вложений в Украину. Помощь Запада посчитать невозможно. С другой стороны, нам сейчас что-то прислала Северная Корея...

– Как на украинском конфликте отразится война на Ближнем Востоке? Поставки вооружений от Запада киевскому режиму сократятся?

– Ситуация на Ближнем Востоке уже отражается на украинском конфликте. Конечно, долларов можно напечатать сколько угодно. Но заводы и фабрики, которые производят смертоносное оружие, не резиновые. Склады пустеют. Сейчас братья-арабы и прочие наши друзья будут отвлекать мир от украинской проблемы. Да простит нас Господь все милостивый, но чем сильнее и ярче будет разгораться ближневосточный конфликт, тем меньше русских, татарских, чеченских и других наших парней, наших людей погибнет под Авдеевкой и Купянском.

– На недавнем заседании клуба «Валдай» Владимир Путин сказал, что СВО – это не территориальный конфликт, что нам еще Сибирь с Дальним Востоком осваивать и осваивать. Какие в таком случае наши конечные цели?

– Я не знаю, у кого какие конечные цели. У меня конечная цель – вся Украина. А потом уже можно сказать, что это не территориальная история. Победители решают, какая это была история. С политической точки зрения я могу понять подход, когда заранее начинают говорить, что это не территориальный конфликт. Но с пропагандистской точки зрения он мне непонятен и неприятен. Я это очень простыми вещами объясняю. Вот у нас накачивается история про Донбасс, что русский Донбасс отдали Украине. Как будто Украина – это какая-то Мексика. Украина – это Киев, мать городов русских. Это Чернигов, где происходило действие русского эпоса «Слово о полку Игореве», это Белая Церковь, это огромные пространства, вписанные в нашу прапамять. Кому мы отдали Донбасс? Киеву? Но это же смешно! Это то же самое, как отдать Донбасс Ростову, Петербургу. Это не имеет никакого значения, потому что это русская земля.

Но всех накачали мыслью: «Донбасс отдали Украине». Какой Украине отдали?! Что вы, ей-богу?! Это все русское пространство, и мы на него всё претендуем.

Если говорить, что Донбасс отдали Украине, значит, мы предполагаем, что есть чуждое нам государственное устройство, которое нам не принадлежит, что нам принадлежит только Донбасс, а все остальное – нет. А Полтава тогда кому принадлежит?! Я не пойму. Гоголевская Полтава кому принадлежит?! Мы Полтаву Гоголю отдали?! Она по соседству находится с Донбассом! Донбасс не входил в Украину, Одесса не входила, а Полтава входила! А раз Полтава входила, она не наша теперь?! А Чернигов, если входил в Украину, не наш теперь?!

Я не люблю эту логику. Она мне кажется какой-то безумной. Эта максима парадоксальна. Но мы никак не можем из нее выйти. Да Чернигов тоже наш, и Сумы наши, и Житомир! Там Владимир

Короленко родился и, по-моему, Олег Кошевой. Это все наше! Это территориальное противостояние, потому что эта земля святая! Ее нельзя отдавать! Киево-Печерская лавра стоит на земле! Там лежит Илья Муромец. Там, где стоят православные храмы и памятники Ленину, – это наша земля!

– Но задача России, очевидно, ставится более широко – не только ликвидировать Украину как антироссийское образование, но и Запад поставить на более скромное место в мировой системе.

Запад сам встанет на более скромное место. И не только Запад, но и бывшие республики Советского Союза, когда поймут, что мы победили и за контакты с нами им ничего не будет. И риторика Прибалтики сменится радикально. Все поймут, что Россия может все. И это хорошо. Нас это не развратит.

– В мире уже происходят серьезные перемены. Расширяются БРИКС, ШОС, мы поворачиваемся к тем, от кого в свое время отвернулись, включая упомянутых вами латиноамериканских партизан. Но насколько за время СВО мы приблизились к нашим глобальным целям?

– Мировые процессы действительно активизировались очень сильно. Но на Россию сегодня тоже внимательно смотрят, не отыграет ли она назад. Вот недавно мы провели большой саммит наших африканских друзей. Они настроены максимально радикально. Особенно, когда уходят из-под камер, они тут же начинают говорить: «Мочите этих американцев с европейцами!». Африканцы к этому готовы и морально, и политически.

Готовы ли мы? Вот в чем вопрос. Да, мы показали, что можем перестраивать мир. Но когда мы начнем его всерьез перестраивать, когда начнем сами перестраиваться, тогда все поймут, что у нас нет обратного пути. Как и у Зеленского нет обратного пути. До вершины мы пока еще не дошли. Когда мы на нее вступим, тогда каток покатится и на Зеленского, который будет в ужасе стоять и смотреть на эту мощь.

– И тогда его выбросят на обочину?

– Он тогда сам окажется на обочине.

– **В связи с конфликтом на Ближнем Востоке, у нас в стране подчеркивают, что Россия на Украине действует иначе. На Западе эту разницу опять не замечают?**

– Когда мы говорим о Западе, мы должны его разделять. Есть западные СМИ. Французские, итальянские, испанские и все остальные. Они контролируются США. В них все равно каждое утро будет выходить 100 процентов обложек о том, что Израиль находится под атакой варваров, а прекрасная Украина затаптывается русским монстром. Это неизбежно. Но есть низовая часть населения Запада, которая какие-то вещи видит, начинает догадываться, раздражаться. Тем более что они живут плохо. С точки зрения социальной.

Поэтому мы видим такие процессы, когда политикам даже в Польше, которая казалась тотально антирусской, для переизбрания приходится вводить антиукраинскую риторику. На каком-то этапе это может сыграть в нашу пользу. Но, возвращаясь во власть, эти политики начинают действовать точно так же, как раньше, потому что европейские правительства находятся под контролем США.

Поэтому надеяться на перезагрузку отношений с Европой не стоит. Даже с Грецией, которая в целом прорусская страна. Но сегодня это одно из радикальных государств, которое помогает Украине всем, чем может. Притом что с греческим населением мы договорились бы очень быстро. Но им этого не позволяют, как и всем остальным. И даже если 90 процентов граждан Чехии, Испании, Италии, Франции будут за нас, это ни на что не повлияет. Все равно органы власти, поставленные США, и вся система будут держать народ в узде, так как реальной демократии там нет. Если бы она была, вся проамериканская власть в Европе была бы снесена целиком на первых же выборах всех уровней. Но это невозможно.

И это должно быть понятно в России, потому что представление о том, что в Европе кого-то выбирают, что там разные медиа, разные точки зрения – это все бредятина, которая у нас культивировалась 30 лет. С ней надо расставаться. Но у нас люди до сих пор не понимают, что такое Европа и как она устроена.

Если бы подольше длилось противостояние с Западом, а люди не гибли, это было бы идеально».

– Все-таки возможно ли, что через какое-то время Россия начнет опять взаимодействовать с Западом?

– А мы и так взаимодействуем. Во-первых, идут бесконечные переговоры, какие-то западные компании потихоньку возвращаются в Россию. Вот если бы подольше длилось противостояние с Западом, а люди не гибли, это было бы идеально. Тогда мы бы уже не смогли отвертеться и вернуться к ситуации, которая началась после 1991 года.

Сейчас российская власть не собирается заканчивать противостояние с Западом. Наше возвращение в его объятия невозможно и в силу упертости Зеленского. Пока мы его не победили военным способом, на Запад мы не вернемся. А когда мы победим Зеленского военным способом, мы и сами не захотим возвращаться на Запад. Потому что мы будем уже в другой весовой категории, и сами себя будем воспринимать иначе. И все те из Азии, Африки, Латинской Америки, БРИКС и так далее, кто сомневался, глядя на нас, сомневаться перестанут. Они предложат нам такие условия взаимодействия, что никакой Запад нам уже не понадобится.

– Повлияла ли СВО на российское общество? Можно ли сказать, что мы становимся другими? Или наши люди в большинстве своем по-прежнему живут отдельно от того, что происходит на фронте?

– Сейчас у нас вырастает молодежь, подростки, в которых так или иначе встраиваются молекулы патриотизма, новые знания. Представляете, какая часть людей в России имеет мужей, отцов, братьев, родственников, соседей, которые прошли через СВО? У каждого семья – 4-8 человек. Этот эффект, конечно, даст о себе знать через какое-то время. Жены, матери, которые, возможно, не были патриотичны или были даже антипатриотичны, как я знаю по бойцам своего подразделения, которые выносили на себе раненых, включаются тоже. Они знать не знали ни про какую Украину, ни

про Донбасс. Но сейчас они включаются. Это сообщество, эта страта людей формируется и затвердевает.

Какая-то часть населения по-прежнему находится вне СВО. Когда случаются ключевые моменты, те, кто находился вне, так и будут вне. Те, кто находится в контексте, еще сыграют определяющую роль. Плюс-минус то же самое было, когда шла бесконечная чеченская война. Огромное количество людей находились вне этого контекста и плевать на него хотели. Вся наша уехавшая после СВО певческая элита тогда продолжала петь в «Голубых огоньках» и смотрела на войну сквозь пальцы.

А офицеры, прошедшие Чечню, сейчас генералы. Бойцы стали офицерами. В Донбассе ведь не только мобилизованные воюют. Эта часть общества уже тогда поняла, что на Западе друзей у нас нет, что та же Британия всегда вложится в любую террористическую деятельность против России, и не надо по данному поводу переживать. Этих людей немного, но они уже давно все выводы сделали. И когда сегодня спрашивают, откуда у нас появилось столько патриотов, я отвечаю, что они были воспитаны еще в прошлой военной кампании, когда несли своей крест.

– Давайте вернемся к российской элите, точнее к ее части. В одном из интервью вы говорили, что в губернаторском корпусе произошли перемены. Главы регионов стали более патриотичными, у них нет недвижимости за рубежом. Чем вы это объясняете? Повлияли школы губернаторов Сергея Кириенко?

– Кириенко нельзя не похвалить. Он сам находится под всеми западными санкциями. При этом Сергей Владиленович проводит на передовых столько времени, сколько не проводит ни один из наших невоенных лидеров. Регулярно попадает под обстрелы, очень близко сошелся с полевыми командирами, ратует за них в кремлевских кабинетах. Об этом, как правило, никто не знает. Он эту информацию не популяризирует и даже не сливает куда-то. Хотя мог бы. Я об этом говорю не потому, что мне шепнули люди

из высоких кабинетов, а потому что рассказывали военкоры и командиры из окопов.

Естественно, что Сергей Кириенко подобным образом выстраивает и новые политические элиты. Стараются, по крайней мере. Но не только Кириенко, вся мировая конъюнктура выстраивает новую политическую элиту России. Сегодня ты не пойдешь в губернаторы, руководствуясь представлениями о своем будущем, какие были у кандидатов в губернаторы в 1995 или 2005 годах, потому что сегодня, возглавив регион, ты не станешь богатым владельцем острова в каком-нибудь море. Ты просто будешь пахать как сумасшедший. И тебя еще будут вызывать на ковер к президенту, где он будет драть тебя за уши.

Вот у нас в Нижнем Новгороде совсем недавно мэром был Олег Кондрашов. Он сделал что-то такое слишком увлекательное, что-то приватизировал, перераспределил. Возбудили уголовное дело. Сейчас он в Латинской Америке. И я думаю, что процентов 50 наших бывших мэров из 90-х годов живут где-нибудь за океаном.

А сегодняшние управленцы понимают, что они не успеют долететь до Латинской Америки, у них не будет шанса никуда улететь. Во-первых, они и там будут под санкциями, а во-вторых, система уже перестроена. Поэтому сегодня в губернаторы идут с другими представлениями.

Я это понял на простом примере, когда сам учился в школе губернаторов. Я тогда написал в своем блоге, что те, кто собирается в губернаторы и мэры, надеются управлять каким-нибудь нефтяным городком, а им будут предлагать Алчевск или что-нибудь подобное. Написал и забыл, что вся школа губернаторов подписана на мой блог. Приезжаю, они на меня смотрят и говорят: «Знаешь, Захар, напрасно ты так», – и показывают мне список, где уже 60 человек записались на работу на только что присоединенных новых территориях. Они говорят, что все стоят в очередь, чтобы работать в Мелитополе, Счастье и так далее.

Они понимают, что другого пути у них нет. Раз они пришли работать, то петлять сегодня уже не получится. Если ты пришел в

эту систему, то будешь работать на любых условиях, на любых территориях, которые входят в состав России. «Молодых ребят так воспитали, а потом им сказали: «А теперь у нас другие правила игры. Мы воюем против Запада, мы Запад ненавидим, а дружим с Северной Кореей».

– А наши элиты в более широком понимании разве не продолжают смотреть на мир западными глазами? Разве они не надеются, что «фарш можно повернуть обратно», как вы говорили в интервью нам год назад?

– Наши элиты по-прежнему смотрят на мир западными глазами. На днях в Россию приехал Михаил Фридман. Это очень серьезный знак. А куда из Израиля улетел Чубайс? Где он приземлился?

– Может, в Латинскую Америку? Или Прибалтику?

– А может, в Петербург. Но это не имеет никакого значения. Окончательное место их приземления будет определять мировая ситуация, атмосфера и конъюнктура. Все иллюзии наших релокантов, что Россия рухнет, что у нее обвалится экономика и что они вернуться к нам в качестве управленцев, финансистов и новых отцов РФ, обанкротились. Основная их часть примет другую конъюнктуру – политическую, экономическую, финансовую. Если мы отладим новую Россию с африканскими диктаторами и латиноамериканскими партизанами, то они встроятся и в эту систему и найдут в ней себе место.

– Однако сейчас звучат призывы, что в отношении таких, как Фридман, надо возбуждать уголовные дела за помощь ВСУ, поддержку Украины и так далее. Володин вообще предложил отправлять некоторых релокантов в Магадан.

– Володин говорил про Макаревича*. Но это как царь решит.

– А вы как считаете, надо ли тем, кто уезжал из страны и критиковал ее из-за СВО, позволять снова зарабатывать в России? Или все-таки в Магадан? И верите ли вы в искренность релокантов, поухавших звезд, всех этих Милохиных, Моргенштернов* и прочих, которые вдруг

прозрели и стали говорить, что в Америках не так хорошо, как они думали, что они хотят на Родину? Правда, тот же Милохин, вернувшись в Россию, опять сбежал в Дубай, как только перед ним замаячила служба в армии.

– Мы реагируем на фигуры, которые нам вбрасывают в инфополе. Даня Милохин, Моргенштерн*. Но я напомним, что через Верхний Ларс после начала СВО уехали 1,5 или 2 миллиона человек. В разные другие стороны уехали еще 2-3 миллиона. Сейчас, я уверен, почти все они либо уже вернулись, либо находятся в процессе возвращения. Более того, Россия даже предлагает некоторым из них серьезные условия для возвращения. Например, айтишников и других важных специалистов стараются в частном порядке переманить в РФ и дают гарантии, что в армию их не призовут.

Да, мы можем шумно реагировать на эти процессы, но Россия ведет себя таким образом в силу рациональных причин. Зачем терять 2-3-4 миллиона граждан, которые были просто одурманены? Они одурманены даже не либеральной пропагандой, а самим нашим либеральным государством. Молодых ребят так воспитали, а потом им сказали: «А теперь у нас другие правила игры. Мы воюем против Запада, мы Запад ненавидим, а дружим с Северной Кореей». При этом сами еще недавно «мочили» Северную Корею и говорили, что Запад – это вершина цивилизации. Мы сами воспитали нашу молодежь в искаженных понятиях. Что теперь с нее спрашивать?

Что касается Фридмана, других крупных экономистов, они будут приносить какие-то подношения царю в самом широком смысле, нашей власти. И станут говорить: «Я здесь накосячил, винюсь, но я вот это, это и это готов вложить туда-то, туда-то и туда-то». Они же не просто возвращаются, садятся дома в кресло и включают телевизор.

Они приезжают, начинают общаться с соответствующими органами, которые их допрашивают, составляют какие-то бумаги, передают их в вышестоящие инстанции. Это серьезные огромные политические и экономические процессы, в которые включены миллионы людей и куда нас не допустят.

Мы можем шумно реагировать на таких, как Милохин. Я тоже раздражен, что подобные люди возвращаются. Но что мы можем сделать? Попытаться сорвать концерт какого-нибудь условного иноагента? Иногда мы этого добиваемся. Но в целом мы не справимся с этими процессами. Даже самые отмороженные турбопатриоты со временем это поймут. А окончательным сигналом нам станет отмена статуса иноагента каким-нибудь тихим указом. Тогда будет очевидно понятно, что вся эта история закрыта и все мило прощены. Однажды, думаю, так и случится.

Для того чтобы сменить ситуацию в нашей культуре, точнее в антикультуре, нужна специальная войсковая операция».

– То есть вас не удивляют такие ситуации, как с концертом на Красной площади по случаю годовщины воссоединения новых территорий с Россией, где среди прочих выступали Хабиб, «Руки вверх!», но не было представителей Донбасса?

– Те, кого вы называете, не выступали против СВО.

– Да, но, например, Аким Апачев очень удивился, что не было никого от Донбасса, и написал в телеграм-канале, что это все равно что не пригласить именинника на его день рождения.

– Наша элита, включая шоу-бизнес, по-прежнему состоит из больших спрутообразных мафиозных сообществ. Они кормят сами себя. И никакие Акимы Апачевы, Юлия Чичерина или группа «Зверобой» им не нужны ни для чего. Они сами споют и спляшут. Они поняли, что правила игры изменились, что обратно эту историю уже не открутишь, и начали петь и плясать за большую великую Россию. Лично мне это все отвратительно. Но я устал по данному поводу раздражаться. А что думает об этом власть, я не знаю.

Для того чтобы сменить ситуацию в нашей культуре, точнее в антикультуре, нужна специальная войсковая операция. Я не шучу. Каким-то решением министерства культуры или еще каких-то ведомств это не отменяется. Это же, повторю, огромная спрутообразная мафиозная структура, прокручивающая миллиарды государственных денег.

Годовщина присоединения новых территорий с Россией. Огромный государственный концерт. Представляете, какие там

бабки крутятся?! И все те люди, которые находились вокруг этого бабла до 2021 года, так там и остались. С теми, кто сразу после СВО выступал против, тоже работают. Звонят, например, Сереже Лазареву и говорят: «Сережа, ты дурак, что ли? Ты что наговорил? Извинись, скажи все наоборот». И Сережа говорит: «Россию нельзя отменить».

– Или Дима Шепелев, который сначала критиковал Россию, потом поехал в Мариуполь и теперь ведет телепередачу про животных на канале «Россия-1».

– Или Дима Шепелев. Кто угодно. Я напомним, что, когда началась СВО, в марте был большой концерт по случаю воссоединения Крыма с Россией. Тогда знающие люди мне сообщили, что 90 процентов наших суперзвезд отказались в нем участвовать. Самые значимые имена сказали «нет». Даже Пелагеи не было, хотя она вся такая патриотка. А спустя год на подобных предприятиях все те же самые лица уже появились, потому что за год их проработали, и они не считают возможным лишать себя всех этих доходов и пускать на опустевшие места Юлию Чичерину, Акима Апачева и подобных персонажей.

– **То есть о искренности таких людей говорить не приходится?**

– Не хочу обидеть Пелагею. Просто на прошлогоднем концерте ее никто не видел, хотя многие ждали. Обо всех тоже не скажу. Но в целом у этой системы, конечно, нет никакой искренности. Я очень болезненно отношусь к тому, что они сейчас являются лицом русского сопротивления. Хотя в 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 годах и даже в 2022-м их никто не видел в таком качестве даже. Другие люди выступали в этом качестве. Большинство из них сегодня никуда не приглашают. Кого-то куда-то изредка зовут, что-то происходит. Скажем, Джанго какой-то грант получил. Но перезагрузки системы не произошло.

– **А как долго надо проводить войсковую операцию, о которой вы говорите? Сколько нужно времени, чтобы перестроить русскую культуру и взрастить новую культурную элиту? 20-30 лет, как считает режиссер, ваш друг и коллега Эдуард Бояков?**

– Для перестройки русской культуры, может быть, и нужно 20-30 лет. Но войсковую операцию можно провести за полгода.

– **И как ее проводить? Перезагрузить образование, телевидение, другие медиа?**

– Да, это большие процессы. Надо перезагрузить все медиа, радиостанции, концерты. Ничего сложного нет. Все они так или иначе работают в том числе в финансовой системе государства. В каждую такую организацию специальным декретом усаживается на отдельно приставленный стульчик так называемый комиссар, который подписывает бумагу, что он является ответственным за контент, поставляемый конкретной радиостанцией и так далее.

И эти комиссары, обладая определенными полномочиями, настаивают на том, чтобы руководители данных институций медленно, поступательно или резко и обвально заменили один контент на другой. Это все достаточно быстро можно сделать. Хватит, условно, 30 комиссаров. Как в 1917 году, когда у нас сначала не было ни нужного количества управленцев, ни умений, но привлекли людей, и они в меру своих убеждений все быстро перезагрузили. Подобным образом можно поступить и сейчас.

Конечно, начнутся претензии типа: «Опять пришли кровавые большевики». Но такие вещи происходят везде. На Западе, в Америке, где угодно. Там тоже есть свои институты, которые можно назвать комиссарами. И если ты начинаешь идти поперек установок, формулируемых государством, тебя быстро обвиняют в каком-нибудь экономическом преступлении или еще в какой-нибудь лаже, например, объявляют педофилом. И ты быстро теряешь свое место.

Думаю, у нас тоже все очень быстро сориентируются и скажут: «Конечно, мы всегда хотели с утра до вечера ставить Джанго. А Макаревича* не хотели ставить никогда».

– **Во время выборов в Госдуму в программе вашей партии вопросы культуры были на первом месте. Но в депутаты вы не пошли. А в министры культуры вы пойти не хотели бы?**

– Я не хочу в министры культуры. Тем более что министр культуры не определяет такие вещи.

– А кто определяет? Царь?

– Конечно. Мы все нападаем на Ольгу Любимову. Но у нее тоже возможности ограничены. Вероятно, она могла бы сделать больше. Но не может прыгнуть выше своей головы. У нас есть государь, есть определенные системы, которые не любят радикальных решений. Президент этого не любит. Та система, которую он выстроил, в целом его удовлетворяет. Она у него работает. У него есть вот эти музыканты-плясуны. Да, сначала они вели себя некорректно и не захотели поддержать СВО. Но система их медленно переориентировала, перезагрузила, передала, и все они стали поддерживать СВО. И когда теперь говорят, что система не работает, в ответ звучат возражения: «Как не работает? Вот, пожалуйста, они все пришли, выступили и спели!» – «Да они не искренни!» – «Почему не искренни? Теперь искренни. Система работает».

– Не могу не спросить о Евгении Пригожине, с которым вы были близки. Когда весной он стал все более откровенен в своих выступлениях, многие наблюдатели воспринимали это с большим удивлением. В июне, когда случился марш или мятеж (в зависимости от трактовок), был настоящий шок. Через два месяца – крушение самолета. Также много интерпретаций: отомстили, подставили, происки врагов и так далее. А как вы, находясь в больнице, наблюдали за этими перипетиями? Какие испытывали эмоции?

– Человеческие, болезненные. Мне импонировал этот человек. Несмотря на все оговорки. Но мы все с оговорками. В Пригожине я видел настоящую историческую фигуру. Я об этом прямо говорил при его жизни. Я гордился нашими длинными взаимоотношениями. Они были принципиально важны для меня, и они могли расширяться и сужаться. Пригожин был крутой. Яркий, деятельный, бесстрашный, честный и равный самому себе. Потому что многие изображают, а он был настоящим историческим персонажем.

Что касается марша. Мы не знаем всех деталей, нюансов и механизмов этой истории. Но если любой здравомыслящий человек задумается, то поймет, что нельзя целую армию вывезти с территории СВО просто так. Нужны какие-то договоренности внутри офицерского состава, логистика движения огромного количества транспорта, оповещение всей иерархии сверху донизу. Конечно же, все спецслужбы России об этом были так или иначе осведомлены, генералитет, из которого один Сергей Суровикин оказался самым виноватым. Но там далеко не им одним все заканчивалось. Администрация президента на самых разных уровнях, люди, причастные к правительству, были в курсе. Это была история, где было задействовано огромное количество лиц, одна часть которых была уверена, что президент сыграет за них, а другая – что за них.

Это не Пригожин что-то там придумал. Вот иногда говорят, что Пригожин проснулся с утра и сказал: «Все, идем». И куда-то там пошел. Конечно, все не так происходило. Человек, который 7 переворотов совершил в Африке и был ближайшим контактером президента, так рассуждать не мог. Пригожин, может быть, и был беспредельщиком, но не до такой степени. Он хорошо играл в шахматы и просчитывал операцию на 2-3 хода. Все те, кто рассказывает, что он шел по беспределу, сошел с ума и в нем победили амбиции, просто не понимают эту историю. Но, конечно, мы вряд ли ее до конца узнаем. Там много очень разных составляющих.

Что касается его смерти, то он, конечно, был убит, царствия ему небесного. После смерти Пригожина всем его товарищам стало понятно, что всю эту мощнейшую разветвленную систему никто не способен перехватить и возглавить. Часто говорят о том, что роль личности в истории – это ерунда, что незаменимых нет. На самом деле незаменимые, конечно, есть. Погибли Пригожин и Дмитрий Уткин – мощнейшие командиры. И теперь никто не может перезагрузить ЧВК Вагнера хоть в какой-нибудь форме, хоть

частями. Все осыпается то здесь, то там. Они надеялись, что смогут со всем этим справиться. Но не могут. Посмотрите, какая мощнейшая сила была у этого персонажа. В Донбассе, Беларуси, бесчисленном количестве африканских стран, Латинской Америке. Везде были «вагнеровцы». И всеми ими он управлял, они его слушались, беспрекословно ему подчинялись. О системе управления Пригожина надо писать учебник.

– Как думаете, если бы не катастрофа, он бы мог баллотироваться в президенты России и сколько процентов набрал бы? У него же был большой политический рейтинг.

– Пригожин все-таки вывел себя из легальной политической системы и не мог баллотироваться в президенты. Потом, надо понимать, что сейчас медийные возможности государства обладают такой широтой и силой, что они способны любую фигуру, любого персонажа обнулить в течение двух месяцев с помощью контрпропаганды, как было с Павлом Грудининым, а дальше можно приводить примеры еще хуже. Такие выдвижения из разряда начала XX века или XIX, когда на площадях можно было говорить с народом, а на брань в одной газете отвечать в другой.

А сейчас телевидение, интернет имеют 90 процентов покрытия, и страна уже через два месяца считала бы, что Пригожин – это просто исчадие ада. И его бы никуда не выбрали. Если бы власть хотела выбрать Пригожина президентом, его бы избрали с рейтингом 85 процентов. А если бы власть не хотела его выбрать, а он бы все равно пошел на выборы, то получил бы 5 процентов и навсегда исчез бы из политического истеблишмента.

– Какой у вас прогноз по поводу завершения украинского конфликта? Как надолго он может затянуться?

– Предварительная дата – 2028 год. Победим и водрузим российский флаг на Крещатике.

– Захар, большое спасибо за интересный разговор! Здоровья вам, скорее поправляйтесь!

В социализме – будущее

Выступление в ток-шоу В.Р. Соловьева 5.03.2024 г.

Шахназаров К.Г.

Для тех, кто знает историю, любит ее и кто напрягает свои некие мыслительные возможности, им все было очевидно еще 30 лет назад. Это неизбежное столкновение с Западом и оно должно было случиться, и ничего по большому счету нового здесь нет. Уже речь Сталина начали цитировать, кто бы мог подумать. Это не отменяет сложность его фигуры и его проницательности. На фоне драматических событий, мы не очень осознаем, какие интересные изменения в стране происходят, мы тихо вползаем в социализм. Все предприятия это государственные инвестиции, национализация заводов, об этом не говорится, но это происходит, и это не абсолютно та советская модель, которая свою задачу выполнила по быстрой модернизации страны и выиграла в Великой Отечественной войне, но это не единственная модель социализма. Есть и другая, например мы видим Китай.

В России меняется экономическая модель страны, да она сочетает в себе рынок, но еще она сочетает в себе много социализма. В социализме будущее. В бастионе капитализма, законы А. Смита уже не работают, я имею в виду США, там масса примеров, когда уже все по-другому происходит. Мы вырабатываем новую свою экономическую модель, но нам необходимо ее каким-то образом описать и это важно. Если мы сумеем ее правильно описать, то ее можно будет предложить миру. Это важно, чтобы Россия не просто декларировала многополярность, а заявляла, что у нас есть модель, которая выигрывает и поможет вам добиться благополучия.

В свое время Сталин говорил в 1947 году, что без теории мы погибнем. Теория нужна, нужно осознание того, что происходит в стране, как формируется новая экономическая модель, какие в

связи с этим должны быть политические изменения, какая система вырабатывается у нас сегодня и в этом смысле не надо бояться слов – социализм и капитализм. И в том, и в другом случае это не более чем определения той или иной системы.

Запад начал войну, когда уже арестовал наш актив. Это уже война без всяких на то оснований. Допустим, Россия вступила в конфликт с Украиной, но это абсолютно не значит, что другие страны должны арестовывать ваши активы. Второй момент, это подрыв северных потоков – это акт войны. И в общем уже никто особенно не скрывает, что это они и сделали. Другой вопрос, что мы не ответили ни на первый, ни на второй момент, в чем, на мой взгляд, все-таки ошибка. При всей сдержанности и сложности ситуации отвечать надо было, и найти просто формы. Вот хуситы то нашли форму, взяли и перебили кабеля и говорят это не мы. И серьезное это дело, оказывается, эти кабеля связывают всю Азию. Решительность дает результат, на мой взгляд, мы в этом несколько опоздали и проморгали эти моменты. Форму ответа надо было найти. В этом смысле, пример Советского союза в период своего могущества отвечал на любые моменты, на все был ответ – вы сбили самолет и мы собьем, вы нашего разведчика убили и мы вашего. Это был принцип и надо сказать, что он работал и воспитывал. Война очень реальна и любая ошибка может привести к противостоянию.

Настолько уже нет ни малейшего доверия, никаких связующих нитей, что любая ошибка пилота, который выпустил ракету или еще что-то может привести к войне. Это может быть более опасно, чем все остальное. Мы все время слушаем их заявления, читаем их прессу, но мы забываем, что она вся находится под контролем, и мы в этом не сомневаемся. И все что они говорят, это не факт, что делается для того чтобы озвучить некий внутренний посыл, а для того чтобы создать дезинформацию в наш адрес. Война им не выгодна, у них нет той военной силы, которая была раньше и главное, зачем им это нужно, их вполне устраивает затяжная война на Украине. Они заняты – тратят энергию, ресурсы, к сожалению, гибнут наши солдаты. Они нас изолировали со стороны Запада.

Главный их расчет, чтобы со временем это сказалось на настроении населения

С их точки зрения, время поможет в этом, по-нашему, нам поможет. Обе стороны находятся в этом состоянии. Но я имею в виду, что мы то должны понять их мотив, а если их мотивы такие, то им не нужна война, а вот напускать туман, что мы начнем, им нужно разрушить Россию изнутри, им это сделать обязательно надо, так как без России они Китай слопают на раз-два. Ожидать их реальное участие в боевых действиях, мне кажется, этого не будет, но это не значит, что не будет всего остального. Поэтому главное – это консолидация общества и все-таки победа на Украине.

Динамика механизма функционирования общественных отношений

*И.Б. Загайтов,
д.э.н., профессор ВГАУ*

Излагается представление автора о специфике механизмов динамики общественного прогресса – в различных формах физического принуждения и социально-экономического стимулирования. Анализируются закономерности взаимодействия отношений консолидации и отчуждения в процессе воспроизводства общественного богатства. Рассматриваются условия, необходимые для полного и окончательного преодоления капиталистического воспроизводства, а также причины, ограничившие поэтапное решение этих задач после Великой Октябрьской Социалистической Революции. Впервые предпринята попытка обоснования объективной неизбежности формирования специфических пост капиталистических общественных патологий, а также предпосылок их заблаговременной локализации.

Предполагается, что под механизмом функционирования различных объектов Вселенной следует иметь в виду

характеристику способов формирования источников энергии их движения, с учётом направлений и относительной скорости движения.

В полной мере это должно относиться и к механизму функционирования общественных отношений, однако, с акцентом на специфике формирования энергии движения человеческого рода – в системе его внешних и внутривидовых взаимодействий.

Данное отличие видится в особой функции человеческого интеллекта, формирующегося в процессе трансформации части биологической энергии – в объективно необходимые, при изменяющихся условиях пространства и времени, затраты труда на удовлетворение потребностей человеческого рода в воспроизводстве общественного богатства, как суммы материальных, демографических, экологических и интеллектуальных благ.

Эта особая функция человеческого интеллекта видится в развившемся осознании возможности, а затем и необходимости воспроизводства указанных видов благ – в качестве начальных форм целевой функции бытия конкурирующих за улучшение условий жизнедеятельности различных групп гоминидов.

Отмечая, что на уровне трудовой деятельности субъектами общественных отношений могут быть разно размерные коллективы и индивидуальные участники процесса воспроизводства общественного богатства, важно подчеркнуть следующее – предпочтительными возможностями выживания и развития должны были обладать те группы, которые раньше приобретали инстинктивную способность борьбы за приоритетное сбережение более дееспособных коллективов, и лишь позднее – индивидов.

Историческим подтверждением тому являются, в частности, такие бесспорные факты, как долговременно сохранявшиеся традиции отбора и обращения некоторых инородцев – в соплеменников, обряды принесения в жертву слабых детей и эвтаназии утрачивающих дееспособность взрослых.

В качестве объектов общественных отношений могут рассматриваться все природные ресурсы, которые в каждый данный момент находятся в сфере мироощущения человечества. Причём, проявляются данные отношения, с одной стороны, в качестве внешних связей с объектами природы, изначально оказывающих решающую роль в становлении и развитии человеческого рода. Это и сегодня, прежде всего, касается динамики геологических, климатических, погодных, биологических условий жизнедеятельности.

С другой стороны, одновременно речь идёт о системе внутри общественных взаимодействий, влияние которых на развитие человечества в тенденции должно зависеть от направлений и скорости изменений интеллекта субъектов воспроизводства, что проявляется в динамике развития производительных сил и производственных отношений.

При этом нужно учитывать, что в составе производительных сил ведущая роль принадлежит орудиям труда и технологиям их использования, а в системе производственных отношений – сначала экономическим отношениям, и затем – социальным.

Само собой разумеется, что указанная субординация субъектов и объектов общественных связей никоим образом не отрицает существенной значимости обратных связей, в частности, влияния изменений в системе производственных отношений на развитие отдельных элементов производительных сил. И аналогично, изменение социальных отношений (государственных, религиозных, бытовых и др.) – заметно сказывается на динамике воспроизводства социальных благ. Например, таких благ, развитие которых проявляется в коэффициентах межнациональных браков и естественного прироста населения, в динамике миграционных потоков, преступности и др.

Разнообразие субъектов и объектов общественных отношений, изначально, должно было порождать многообразие человеческих потребностей и возможностей их удовлетворения. А это в одних случаях изначально требовало объединения (консолидации)

усилий для достижения общего блага, а в других – преодоления сопротивления тех групп или индивидов, которые предпочитают отдавать приоритет своим эгоистическим потребностям.

Обогащённые интеллектом, механизмы отношений активного взаимодействия субъектов в сфере жизнедеятельности человеческого рода, по способам затрат общественной энергии, можно условно разделить на три группы стимулов – физически силовых, материальных и социальных.

В первом случае имеются в виду действия, опасные для жизни индивида и коллектива – на основе непосредственного насилия, или его угрозы. Например, в результате военных действий, холокоста, заключением под стражу; созданием условий возможной потери доступа к водоисточникам, выбора места жительства, труда и др.

Во втором и третьем случае взаимодействие субъектов общественных отношений изначально предполагает более гибкие механизмы функционирования процесса воспроизводства общественного богатства, позволяющие заинтересовать различных участников процесса воспроизводства в подчинении своих индивидуальных и групповых интересов (потребностей) – потребностям других индивидов, коллективов или общества в целом.

При этом предполагается, что экономические стимулы субъектов процесса воспроизводства ориентированы, на удовлетворение наиболее насущных их потребностей, особенно материальных, тогда как социальные стимулы направлены на реализацию моральных и иных потребностей. Например, тех, которые определяют приоритеты отдельных субъектов и общественных групп – в возможности и очерёдности доступа к различным видам благ.

В качестве инструментов экономического стимулирования динамики общественных отношений может быть использована дифференциация участия отдельных социальных групп и индивидов в присвоении некоторых видов производственных

ресурсов – в натуральной, товарной и денежной форме. В качестве инструментов социального стимулирования используется, прежде всего, способы многообразного воздействия на индивидуальное и групповое сознание, позволяющие морально активировать определённые виды деятельности.

Различия положения индивидов и коллективов в общей системе отраслевого и регионального разделения труда, в зависимости от конкретных условий их жизнедеятельности, могут становиться фактором изменения уровня – как консолидации их совместных действий, так и взаимного отчуждения в том, что касается реализации целевой функции общественного воспроизводства.

При этом очевидно, что тенденция к консолидации должна усиливаться, когда, во-первых, возрастают угрозы реализации объективных потребностей социальных групп, а тем более общества в целом – под влиянием как природных, так и социально-экономических тенденций.

Во-вторых, когда под действием ранее обоснованного нами закона социально-экономического отчуждения, который предполагает, что негативная роль отношений отчуждения должны быть тем больше, «чем больше способность отдельных социальных групп тормозить общественный прогресс и не участвовать в производстве общественного богатства».

В-третьих, в любом случае бытие человеческого рода предполагает определённое сочетание отношений консолидации и отчуждения в процессе воспроизводства общественного богатства что, прежде всего, очевидно в части воспроизводства демографических благ, но в полной мере подтверждается и с позиций тенденции опережающего роста материальных, экологических, а затем ещё более высоких темпов прироста интеллектуальных благ.

В зависимости от конкретных условий, отношения консолидации и отчуждения от процесса воспроизводства, могут оказывать – как положительное, так и отрицательное влияние на динамику общественного прогресса. Причём, характерно, что это

предопределяет объективную необходимость определённого сочетания различных механизмов, призванных специфично стимулировать исторически изменяющиеся отношения, с учётом динамики условий воспроизводства.

Само собой разумеется, что данное положение отрицает оценку отчуждения в качестве однозначно негативного фактора, который, по мнению ряда авторов, является силой «враждебной человеку и унижающей его». Больше того, якобы, «общей тенденцией прогресса цивилизации должно быть признание отчуждения в качестве неотвратимого зла».

С позиций объективных реалий это далеко не так. В данном случае полезно вспомнить, что, согласно материалам исторических исследований, человечество стихийно переживало, как общественное благо, а не зло – долговременные переходы от промискуитета к «недемократичной» моногамии; от сначала освящённого обычаями долгового рабовладения – к законодательно оформленному осуждению и постепенному отчуждению подобной практики.

Примечательно, что и в том, и в другом случае совместно использовались изменяющиеся формы механизмов силового принуждения, материального и морального стимулирования

Это вполне объяснимо в рамках материалистической историографии, предполагающей решающее влияние состояния производительных сил на систему общественных отношений. В частности, применительно к ситуации, когда примитивные орудия труда не способны были обеспечить выживание коллективов, отягощенных содержанием слабосильных и ревнивых.

В данном случае общественные отношения проявлялись в форме половозрастного и родоплеменного отчуждения, но одновременно в форме физического принуждения к консолидации, которое поддерживалось не только страхом перед процессами природного свойства, но и опасностью гибели в войнах с конкурирующими племенами, угрозой быть изгнанным из собственного рода, и др.

Тогда же, в качестве экономических стимулов, должны были существовать некоторые привилегии в питании лучших охотников и собирателей, а позднее – жрецов и управленцев, от особых достоинств которых зависела судьба рода и племени.

Можно предполагать, что проявлениями действительности моральных привилегий были не только награды в виде природных украшений, но и затраты нелёгкого труда на татуировку и украшение ушей, носа, пояса стыдливости.

С другой стороны, много позднее, в условиях более совершенных орудий труда, появляется возможность, путём физического принуждения, мобилизовать прибавочный труд даже ленивых, неумех и обиженных судьбой – в групповую и индивидуальную частную собственность. Это не только позволило привести в действие социально-экономические механизмы стимулирования роста присвоения прибавочного продукта собственниками орудий труда, но и стало фактором дополнения половозрастного и родоплеменного отчуждения – ещё и отчуждением классовым.

Спустя несколько тысячелетий, новый этап в развитии техники и технологии производства, создал ситуацию, при которой рациональное их использование из-под палки становится практически неэффективным, а потому возникает объективная потребность в поиске механизмов личной и групповой заинтересованности производителей в создании прибавочного продукта через различные виды механизмов воспроизводства феодальных отношений.

При этом, поскольку благодаря развитию водного и наземного транспорта, основательно углублялась система межрегионального разделения труда и адекватного отчуждения производства от потребления общественного богатства, активизируется роль отношений рыночного обмена, постепенно достигшего уровня денежного оборота, распространившегося, на рентные и кредитные отношения; сформировался фетишизм товара и денег.

А далее, человечеству потребовалось свыше пяти столетий, чтобы на основе технико-технологического прогресса и

первоначального накопления капитала, у части господствующего класса вышло осознание социально-экономической целесообразности дальнейшего развития своего паразитического бытия. Путём, с одной стороны, самоосвобождения от заботы о личности наёмного работника, а с другой – о повышении социально-экономической заинтересованности рабочего люда – в увеличении производства изымаемой у него прибавочной стоимости.

В итоге сегодня более очевидно, чем когда-либо в прошлом, что мы можем наблюдать, как в дополнение к прежним механизмам физического принуждения в создании прибавочного продукта, используются – угроза голодной безработицы, государственно регулируемой мобилизации и воинской дисциплины труда, разжигание межрегиональной, межгосударственной и межнациональной конкуренции на рынке труда.

Система экономических стимулов пополнилась научно обоснованным маневрированием различными механизмами сдельной, повременной, прогрессивной оплаты труда и формированием рабочей аристократии; хитроумными способами «участия в прибылях», и др.

В социальном стимулировании особо важную роль начало выполнять обслуживающее капитал государство, использующее новые механизмы регулирования кредитной, ценовой, продовольственной, экспортно-импортной политики, а в последнем столетии – растущий потенциал средств массовой пропаганды – без альтернативности капиталистического способа хозяйствования. Больше того, пропагандируется эффективность торговли телом, землёй и другими природными ресурсами; правомерности паразитического существования на средства, доставшиеся по наследству, и т.п.

Всё это сопровождается осознанным стимулированием углубления отношений отчуждения не только на уровне классов, но и конкурирующих между собой частными собственниками – от представителей малого и среднего бизнеса, до национальных и международных монополий.

Масштаб такого рода отношений отчуждения ограничивается целевой функцией специфического основного закона капиталистического воспроизводства, требующего всемерного роста прибавочной стоимости, даже когда для этого необходима консолидация ресурсов в непроизводительные издержки военных действий, в вывод из оборота части функционирующего капитала, в хищническое использование готовой продукции.

Но проблема в том, что со временем, данная целевая функция вступает в противоречие с целевой функцией всеобщего основного закона общественного прогресса, требующего сохранения и увеличения не прибавочной стоимости (в форме частной прибыли), а всемерного роста общественного богатства. Поэтому, по мере ускорения развития производительных сил, и, соответственно, тенденции углубления системы разделения труда, должно усиливаться основное противоречие капитализма – между общественным характером воспроизводства и частнокапиталистическим присвоением.

Не случайно, что наиболее прозорливым умам ещё в середине 19 века удалось предвидеть приближение ситуации, когда пробыёт час капиталистической частной собственности – экспроприаторов экспроприируют.

Сегодня можно констатировать, что:

- ❖ Данное предвидение начало оправдываться.
- ❖ Его реализация осуществляется при сочетании механизмов физического принуждения и социально-экономического стимулирования смены капиталистического способа производства – новым, более соответствующим прогрессу цивилизации.
- ❖ Этот переход осуществляется поэтапно, циклически повторяя периоды кризисного распада и временной частичной стабилизации мирового капиталистического воспроизводства.

В то же время оказалось, что в конкретных условиях исторического времени и пространства процесс смены способов цивилизационного прогресса, а соответственно, отчуждения одних и утверждения содержательно новых общественных отношений – должен иметь свои особенности.

Так, специфика условий строительства социализма в СССР состояла в том, что здесь подавляющее большинство населения было непролетарским. Абсолютно преобладала численность тружеников, которые одновременно являлись одновременно трудящимися и мелкими собственниками средств производства – в форме различного рода материальных, интеллектуальных и демографических благ.

Обеспечение реализации общих интересов таких тружеников требовало устойчивого роста производства совокупного общественного богатства и его пропорционального распределения, соответственно затраченному труду.

В таких условиях, с учётом природных особенностей хозяйственной деятельности в России, тем более перенёсшей трагедии империалистической и гражданской войн, было необходимо не только высококвалифицированное, но одновременно ещё и жёсткое управление процессом воспроизводства.

Больше того, с учётом ожесточённого давления внешних и внутренних претендентов на реализацию эгоистических потребностей, в данном случае, эффективное управление должно было носить характер диктатуры, причём, обязательно в интересах производителей общественного богатства.

А это предполагало всесторонний контроль со стороны сначала немногочисленного рабочего класса – за системой управления социально-экономическим развитием общества. Поэтому В.И. Ленин не случайно обращал особое внимание на опасность развития бюрократизма, являющегося в любом обществе активной формой отчуждения собственников от их собственности, через аппарат государственного управления.

Попытаемся представить начавшийся в 1917 году процесс постепенной смены капиталистического способа производства более совершенным, социалистическим, используя ранее принятую в марксистской литературе последовательность поэтапно циклического чередования приливов и отливов:

Первый этап преодоления капитализма продолжался 26 лет (1917-1943 гг.). В том числе –

а) Период прилива распадов капиталистической системы мирового хозяйства – 20 лет (1917-1937 гг.), что привело к потере капиталистическим миром 15,4 % территории и 8 % населения. Поначалу данный период развивался вширь – на волне общественного осознания порочности капиталистических отношений, повинных в материальных, демографических и экологических издержках империалистической мировой войны. Затем он закреплялся в основном на освоенной территории, подтверждая свои социально-экономические преимущества в сопоставлении прогресса СССР, с Великой депрессией конца 20-х – начала 30-х годов в капиталистических странах.

б) Период временного отлива в бифуркации системы капиталистических отношений – 6 лет (1938-1943 гг.), связанный с укреплением позиций монополистического капитала, на основе его националистического огосударствления, позволившего обрести способность разгромить Народный Фронт в Испании, развязать поначалу успешные войны за передел мировых рынков – в пользу Японии, Германии и Италии.

В вооружённом противоборстве с социально разнородными конкурентами, агрессоры, объективно выполнявшие роль передового отряда мировой контрреволюции, потерпели поражение. А поскольку в это поражение решающий вклад внёс их главный идеологический противник и объект территориальных претензий – строящий социализм СССР, то естественно, что итогом Второй мировой войны стал повсеместный прилив симпатий к перспективе социалистического переустройства мира.

Соответственно, вызревали условия для перехода к следующему, второму этапу сужения капиталистической системы общественных отношений.

Второй этап продолжался более 60 лет после 1943 года, и выразился в новом существенном сужении сферы господства капитала над трудом – до 30 % территории, 32 % населения и 25 % национального дохода.

Как представляется, на данном этапе тоже можно выделить, два периода.

а) Период прилива в распаде капиталистической системы мирового хозяйства – примерно 43 года (1944-1987 гг.), реально подтверждавшие социально-экономические преимущества социалистически организованного воспроизводства материальных, интеллектуальных, демографических и экологических благ, а значит, и потенциал общественного прогресса в целом.

Благодаря этому появились дополнительные возможности внешнего содействия ускорению объективного процесса распада колониальной системы империализма, а значит, ослабления его способностей к самосохранению. Наоборот, более полным стал потенциал цивилизаторской деятельности социализма, укреплявшегося не только ростом союзников СССР, но и расширением числа временных попутчиков.

И хотя последние лишь временно содействовали ослаблению деструктивных функций сохраняющегося мира капиталистических стран, но в ряде случаев, даже оставаясь ненадёжными друзьями, объективно они содействовали локализации цивилизационного ущерба от их возможного бытия в качестве надёжных врагов.

В такой ситуации капитал оказался вынужденным искать и находить новые организационные, экономические, силовые и идеологические инструменты продления своего существования до начала следующего этапа бифуркации.

В этой связи особо отметим новые формы централизации капиталистической собственности, вплоть до превращения её в наднациональную, государственно-олигархическую, захватывающую часть прибавочной стоимости, непосредственно изымаемой компрадорами в менее развитых капиталистических странах.

А это, с одной стороны, создало новые материальные возможности освоения – гибких способов социального маневрирования общественными ресурсами; «демократических» способов смены дискредитировавших себя управленческих элит; разжигания национализма и шовинизма, вплоть до организации небольших «победоносных» войн, и др.

С другой стороны, увеличивались возможности финансирования деятельности, направленной на торможение социально-экономического прогресса в странах, ориентирующихся на социалистический курс развития. В том числе поощряя противоречия между социалистическими странами, финансируя развитие общественных патологий, региональных, религиозных, национальных противостояний, пропагандируя индивидуализм, как предпочтительную форму жизнедеятельности, и др.

б) Всё это, вместе взятое, содействовало подготовке условий для продления периода очередной стабилизации капиталистического способа воспроизводства, который, судя по данным о динамике ВВП в ведущих странах мира, продолжался около 20 лет (1988-2007 гг.).

Заметим, что в отличие от периода отлива на первом этапе бифуркации капиталистических отношений, в данном случае отлив оказался не только более продолжительным, но и начинался без большой войны, в форме реформ, уничтожавших медленное движение вперёд к социализму, ради быстрого скачка назад, в далёкое прошлое капитализма.

В данном случае, реставрация капиталистических отношений была обеспечена, прежде всего, в результате торжества мелкобуржуазного, националистически окрашенного бюрократического отчуждения социалистических отношений на территории стран развалившегося Варшавского Договора и Югославии, с общей численностью населения около 400 млн. человек.

Примечательно, что те страны, в которых некоторые из допущенных в советские годы ошибок были учтены, доказали способность более высокой устойчивости социально – экономического прогресса.

Была такая возможность и в СССР, если бы реформам 80-ых годов предшествовало параллельное испытание нескольких вариантов лечения накапливавшихся социально-экономических болезней.

Первый вариант – использование профилактических, терапевтических и щадящих хирургических методов.

В частности, усилением государственного и общественного контроля меры труда и потребления. В том числе, использованием предлагавшегося нами механизма свободного рыночного оборота только элитной продукции и услуг; привлечением сбережений населения в качестве инвестиционных ресурсов (под рост производства дефицитного ассортимента потребительских благ и услуг); демократизацией управления хозяйственной деятельностью, включая подбор и обновление управленческих кадров всех уровней.

❖ Второй вариант – лечить все болезни отсечением ориентированной на социализм головы и замены научно обоснованных лекарств – наивными надеждами на саморегулирование диспропорций.

Думаю, что если бы выбор предпочтительного из этих вариантов осуществлялся путём их параллельного публичного испытания, преимущества первого варианта, бесспорно, были бы доказаны, и тренд общественного воспроизводства удалось бы выправить с относительно небольшими издержками.

Однако сторонникам второго варианта, под обманными лозунгами «больше социализма, больше демократии», удалось прорваться к власти и временно повернуть колесо российской истории вспять.

В итоге – сначала резкое сокращение пост капиталистических завоеваний, а затем и такое падение темпов мирового развития под влиянием очередного циклического кризиса в большинстве капиталистических стран, которое уже в конце первого десятилетия нынешнего века завершилось новым постепенным снижением удельного веса данных государств в мировом производстве и в численности населения.

Начался третий этап заката капиталистической системы мирового хозяйства, подтверждением чего, в частности, может быть следующий факт: в 2008-2020 гг. прирост ВВП государств, сохранивших курс социалистического развития (Китай, Вьетнам, Куба, Северная Корея), превысил объём прироста ВВП развитых капиталистических стран примерно в полтора раза.

По нашему мнению, данная тенденция будет завершена объективной неизбежностью дальнейшего прилива общественного прогресса, ввиду накопления, прежде всего, внутренних противоречий капитализма, дополняемых его безуспешной борьбой с более прогрессивной системой социально-экономических отношений, необходимых для улучшения условий жизнедеятельности человечества.

А теперь попытаемся рассмотреть дальнейшие перспективы третьего этапа бифуркации капиталистического воспроизводства в двух вариантах – оптимистическом и пессимистическом.

В первом случае, предполагается объективная возможность повсеместного постепенного преодоления капиталистических отношений – без таких экстремальных событий, как третья мировая война или природные катастрофы, способные обратить цивилизацию вспять.

Во втором случае, имеется в виду гипотетическая оценка влияния экстремальных природных и социальных аномалий – на иные сроки пост капиталистического прогресса.

Начнём с оптимистического варианта, который без мировой войны уже демонстрирует себя приливом удельного веса пост капиталистических отношений, примерно с 2008 года.

При этом не будем отрицать принципиальную возможность временного замедления бифуркации капиталистических отношений, если углубление классовых противоречий в группе ведущих капиталистических стран, в сочетании с ростом социально-экономической мощи стран, ориентированных на не капиталистический курс развития – вынудит очищать управленческие элиты от желающих следовать курсом милитаристского варианта получения капиталистической прибыли.

Не претендуя на бесспорную истину, данный вариант необходимо иметь в виду, в частности, при разработке научно обоснованной последовательности реализации мероприятий, предусматривающих адаптацию курса социально-экономической политики – к ожидаемой динамике системы капиталистических отношений.

Характерно, что, как то было в годы первого, а затем второго этапа преодоления системы капиталистических общественных отношений, в настоящее время в окружении возглавляемых Китайской Народной Республикой социалистически ориентированных стран, снова формируется союз многих социально разнородных противников сохранения, а тем более – укрепления государственно-олигархического наднационального капитала.

Безусловно, некоторые из них являются сторонниками не уничтожения капиталистических отношений, а борцами только за улучшение своего места в данной системе отношений, что напоминает позицию правящей элиты Англии, США и гоминдановского Китая, которые в противостоянии фашистской коалиции временно, в годы Второй мировой войны, объединились со своим классовым врагом – СССР.

Реалии таковы, что на нынешнем, третьем этапе антикапиталистической трансформации воспроизводства в мировом масштабе, к лагерю социалистически ориентированных государств, под давлением эгоистических интересов собственного олигархии, оказалась сопричастной капиталистическая РФ.

И это будет определять её специфически позитивную роль в развитии мирового общественного прогресса. Во-первых, в качестве носителя ресурсной базы повышения устойчивости опережающих темпов роста производственного и оборонного могущества группы государств, объективно выполняющих функцию ослабления господства наднационального олигархического капитала.

Во-вторых, самим фактом отчуждения от государств, объективно являющихся противниками общественного прогресса, Россия, будет ограничивать их материально-технические и силовые возможности торможения смены капиталистического способа производства.

В-третьих, в той мере, в какой выполняя указанные общественно позитивные функции, РФ будет всё более основательно включаться в процесс интеграции с социально более

развитыми союзниками, она, с одной стороны, будет вынуждена частично приспособливаться к системе практикуемых ими социально-экономических отношений. А с другой стороны, печальные последствия долговременного движения России вспять способны напоминать её временным союзникам – о «благах» либеральной контрреволюции.

И всё это – дополнительный аргумент к предвидению, что нынешний этап умирания капитализма окажется относительно непродолжительным. Во всяком случае, если в ближайшие годы станет ясно, что в Китае, возглавившем третий этап прилива пост капиталистического производства, прочно утвердилось понимание причин потери завоеваний социализма в СССР, а в Российской Федерации устраняется возможность возврата компрадоров в первые ряды олигархической элиты.

Однако третий этап может и затянуться, если наднациональному олигархическому капиталу удастся осуществить социальное маневрирование в формах, заметно сглаживающих его противоречия не только с растущей массой пролетариев умственного труда, но также и с национальным средним и малым бизнесом, одновременно сохранив благосклонность ряда маргинальных групп.

Тогда процесс дальнейшего увядания капитализма можно будет рассматривать в качестве особого, *четвёртого этапа* бытия капиталистического способа воспроизводства. Следует ожидать, что поскольку под действием основного закона капитализма, конкурентная борьба национального бизнеса с наднациональным капиталом сохранится, а в отдельных районах и отраслях даже усилится, то продолжится и научно-технический прогресс.

Соответственно, продолжится повышение политического веса интеллигенции и пролетариев умственного труда, которым, уже на третьем этапе в странах «золотого миллиарда» удалось добиться частичной социализации общественных отношений. Особенно в образовании, здравоохранении, в регулировании рабочего времени, а также в социальном положении детей и женщин.

Несложно предвидеть, что в таких условиях срок сохранения капиталистической системы отношений окажется тем короче, чем, во-первых, в различных капиталистических странах (включая РФ) быстрее будут нарастать объективные потребности в отказе от частной формы присвоения общественного богатства.

Во-вторых, чем быстрее будет увеличиваться производственный и силовой потенциал развивающихся по социалистическому пути стран – в части содействия реализации мирных и не мирных вариантов социалистических преобразований в масштабах мирового сообщества

При этом, поскольку искренние апологеты капитализма самоуспокаиваются надеждой на возможность продления благоденствия буржуа за счёт войн, заметим следующее.

Памятуя, каким оказалось влияние сначала первой, а затем второй мировой войны на предшествующие два этапа развития социализма в мире, логично предположить, что в случае развязывания третьей мировой войны, капитал подпишет смертный приговор. Либо только себе, как ставшему очевидным врагом подавляющей части социальных групп. Либо – всему человечеству, как жертве биологического, климатического и ядерного оружия.

Поэтому в любом случае ясно, что в современных условиях наиболее надёжным способом защиты общественного прогресса должно стать раскрепощение развития цивилизации от удушливых объятий олигархического капитала. Сначала, в процессе его полного, а затем и окончательного освобождения от нынешних преград на дороге пост капиталистического прогресса.

Но учитывая, что любые гипотезы, по определению, не могут претендовать на безусловное соответствие объективной истине, особенно, когда речь идёт об обеспеченности прогностическим потенциалом, имеет смысл рассмотреть ещё и вопрос о периодичности динамики общественного воспроизводства в случае, если третий этап бифуркации капиталистических отношений пойдёт по пессимистическому варианту динамики нынешней цивилизации.

Ограничимся вариантом не настолько пессимистическим, чтобы рассматривать конкретные условия принципиально возможной гибели всего человечества в междоусобной войне или в борьбе с природой.

В худшем случае, такой пессимистический вариант бифуркации капитализма способен достигнуть периода существенного и долговременного движения вспять, в результате постепенного распространения на все страны мира.

Однако следует ожидать, что, когда тенденция движения в данном направлении начнёт существенно сказываться на ухудшении условий жизни основной массы населения, общество вынуждено будет жестко реагировать на ситуацию, когда, с одной стороны, усиливается олигархическая централизация ресурсов общественного богатства – в частных интересах сужающегося круга собственников, а с другой стороны – существенного пополняется противостоящая им армии пролетариев физического и умственного труда. Тем более, если к ним начинают присоединяться отряды завистливых претендентов на смену состоявшимся олигархам – их друзей и родственников, чиновников и телохранителей, придворных маргиналов, обеспечивающих физические и нравственные утехы паразитической элиты.

В итоге, по мере усиления движения вспять, должен будет всё более настойчиво повторяться общественно значимый вопрос – «быть или не быть человечеству?». И тогда, всё чаще и громче будут звучать адекватные новым условиям лозунги – «Вся власть трудящимся!», «Кто не работает, тот не ест!».

В этой связи особое значение в исследовании перспективной динамики общественного воспроизводства должно получить определение тех социально экономических патологий и непроизводительных издержек, которые предстоит последовательно преодолевать в процессе сначала полного, а позднее – окончательного утверждения пост капиталистических отношений.

Заметим, что в нашем понимании в советские годы полной победы социализма достигнуть не удалось, поскольку сохранялись,

в частности, такие пережитки капитализма, как бюрократизм, теневой оборот капитала, официально признававшееся немалое число «тунеядцев» и тихих обладателей нетрудовых доходов.

Именно это облегчило последующую реставрацию капитализма, причём, в его самых диких формах первоначального накопления капитала. Это уже в те годы могло быть конкретным подтверждением, что об окончательной победе социализма в СССР писали только мечтатели, расчётливые апологеты и профаны.

Как представляется, под окончательной победой социализма следует понимать создание условий, *устойчиво исключаящих возврат к исторически предшествовавшим способам воспроизводства.*

Это требует адекватных достижений в развитии общественного прогресса. В том числе принятия в качестве первоочередной задачи – преодоление буржуазно-олигархической природы государственности в тех странах, где она препятствует использованию силового потенциала ускорения процесса воспроизводства.

Предполагается, что тогда появится возможность преодолеть господство транснациональной олигархической частной собственности и защищающих её компраторов – при участии в решении данной проблемы не только трудящихся, но и многих групп национально озабоченного капитала, включая даже отдельных олигархов, конкурирующих с наднациональным капиталом.

Это должно расширить возможности мелкого и среднего капитала – к политической борьбе за раскрепощение хозяйственной деятельности от гнёта отечественного олигархического капитала в мировом масштабе. Будут созданы политические предпосылки для постепенного экономического подавления крупной частной собственности на основные средства производства и постепенного кооперирования среднего и мелкого бизнеса.

А поскольку предполагается устранение права передачи управления данными ресурсами по наследству, во многом ослабят материальные стимулы развития фетишизма рыночных отношений.

Следует ожидать, что в дальнейшем, на основе сочетания государственных и общественных функций управления ростом

общественного богатства, удастся повысить национальный доход до показателей, как минимум, превышающих экономический оптимум потребностей в потреблении материальных, интеллектуальных, демографических и экологических благ, с учётом формирования научно обоснованных объёмов резервных фондов и запасов.

Тогда появится возможность постепенного преодоления фетишизма не только частной, но частично и личной собственности – на основе социалистически организованного повсеместного сочетания материальных и моральных стимулов общественно полезного труда и быта.

Однако, для достижения окончательной победы труда над реставраторскими возможностями капитала, по нашему мнению, этого будет недостаточно.

Но затем нужно будет ещё освободить общественное сознание от пережитков предшествующих способов торможения роста производства и сокращения непроизводительных издержек – на основе формирования системы отношений, преодолевающих осколки предубеждений классовых, межрегиональных, межнациональных и др. форм отчуждения.

Тогда объективный прогресс цивилизации потребует постепенного достижения более полного соответствия динамики экономики и социальной сферы – в форме коммунистических отношений организации воспроизводства человечества.

Считая бесспорным, что нынешний уровень обществоведческих знаний конкретики грядущего перехода к такой системе отношений нуждается в основательном пополнении, предлагаю начать исследования в данном направлении с признания, что *в пост социалистической перспективе должны будут возникать специфические, пока неведомые социально-экономические патологии и непроизводительные издержки*, негативный потенциал которых желательно заблаговременно минимизировать.

Поиск данных патологий, по нашему мнению, целесообразно начинать с определения тех отношений, которые уже на втором

этапе кризиса капиталистической системы мирового хозяйства тормозили его углубление и стимулировали начало отлива, за счёт негативных тенденций, наметившихся в странах социалистического лагеря.

Поскольку в качестве таких тенденций следует признать, в первую очередь, бюрократизацию управления социально-экономическими процессами, усиление товарно-денежного фетишизма и массовое снижение творческого характера производственной деятельности населения, то можно предполагать, что недопущение свойственных коммунизму деструктивных процессов потребует адекватного изменения механизмов – как физического принуждения, так и социально-экономического стимулирования общественного прогресса.

Гипотетически, в частности, можно ожидать, что в рассматриваемой перспективе будет существенно изменена государственная на общественно регулируемую функцию механизмов физического принуждения, которые должны принимать характер, приоритетной ориентации на гуманистические требования основного всеобщего закона общественного воспроизводства.

В системе экономических отношений следует ожидать замену рыночной конкуренции за присвоение создаваемой стоимости – механизмами производственной и творческой состязательности, направленной, в конечном счёте, на реализацию коллективных интересов.

В развитии социальных отношений главным моментом станет, опять-таки, замена государственно организованных – на общественно регулируемые стимулы морального воздействия в процессы совершенствования межгрупповых и межличностных отношений, целевой функцией которых станет достижение более высокой общественной оценки творческого, гуманитарного вклада в динамику общественного благосостояния.

Проблема в том, чтобы в отношении каждой группы механизмов управления становлением коммунистического способа

общественного бытия заблаговременно был выбран, по возможности, более эффективный вариант.

В этой связи представляется целесообразным приступить к исследованиям в следующих направлениях:

➤ Обоснование возможности практического использования нерыночных способов добровольного привлечения трудящихся к выполнению отдельных видов работ, которые могут оказаться социально не привлекательными в конкретных условиях пространства и времени.

➤ Методы нерыночного (по преимуществу, морального) регулирования общественно рационального спроса отдельных социальных групп.

➤ Методы морального стимулирования, позволяющие преодолевать производственную и социальную пассивность части населения, способную возникнуть, в частности, вследствие объективных противоречий в динамике роста общественных потребностей и в развитии производительных сил.

➤ Нерыночные способы компенсации издержек населения, связанные с дефицитом приоритетных рабочих мест и потребительских благ – в результате действия всеобщего объективного закона неравномерности научно-технического прогресса и неравномерности роста производства различных слагаемых общественного богатства.

➤ Нерыночные методы измерения эффективности функционирования управленческого аппарата на всех уровнях, поиска предпочтительных способов общественного регулирования его формирования и использования сотрудников после завершения ими управленческих функций.

➤ Нерыночные механизмы минимизации материального и морального ущерба различным социальным группам, связанные с эпизодическими несоответствиями управленческих решений – целевой функции общественного прогресса. В частности, ввиду недостатка научно выверенного знания объективных законов и закономерностей развития природы и общества.

➤ Нерыночные способы регулирования межгрупповых и межличностных противоречий, а также стимулирования общественно рациональной динамики демографических процессов.

➤ Способы локализации негативных последствий периодически возникающих дефицитов резервных фондов и запасов, которые связаны с последствиями постоянного сохранения противоречий между целевой функцией общественного прогресса и неопределённостью в том, что касается сроков приближения экстремальных колебаний природных условий воспроизводства.

Следует ожидать, что все эти и другие потенциальные угрозы замедления общественного прогресса, а тем более, эпизодического движения вспять, можно заблаговременно изучать на примере объектов, которые в условиях современной системы разделения труда в большей мере способны содержать «зародыши» опережающего развития пост социалистических отношений.

Таковыми, в частности, могут быть творческие коллективы, находящиеся в сфере объективно вынужденного ограничения рыночных отношений. Причём, в условиях приоритетной роли моральных стимулов ориентации труда и быта – в соответствии с требованиями целевой функции всеобщего основного закона роста общественного богатства.

Итоги анализа данных экспериментов могут и должны быть услышаны в качестве призыва *научной разведки и контрразведки* – к активизации интеллектуального прогресса общества.

Особенно в том, что касается, во-первых, поиска и формирования новых способов морального поощрения высокопроизводительного труда. А во-вторых, в целях дальнейшего совершенствования организации научных исследований, позволяющих заблаговременно вводить в действие систему мер, способных сокращать возможный ущерб от роста объективных угроз рациональному использованию наличного потенциала производства материальных, интеллектуальных, демографических и экологических благ.

Чернозем – важнейший энергетический ресурс

*Владимир Шевченко,
Профессор, ректор ВГАУ (1984-2004)*

Природа подарила только России такое величайшее богатство – лучший в мире чернозем. Кажется, мы этого не понимаем. Иначе чем объяснить варварское отношение к дару Господа, который способен прокормить половину населения земного шара. И чем объяснить нашу неадекватность в выборе жизненных приоритетов. Гибнет чернозем – молчим. На Кипре – кризис банковской системы, под угрозой вклады богатейших людей планеты – поднимаем невообразимую панику. Мы увлеклись уменьем делать деньги и перестали беспокоиться о том, что завтра человечеству нечего будет есть и пить. К сожалению, никакими прибылями от банковских вкладов, акций, супермодных производств мобильных информационных систем, от разработок высокодоходных месторождений не восполнишь исчезновение питьевой воды, гибель плодородия черноземов.

Когда речь заходит о черноземе, то хочется найти такие слова, которые дошли бы до сердца и ума каждого. Для меня отчасти таковой поэзией является сказанное писателем Л. Леоновым в его романе «Русский лес», когда Вихров «любовался в осеннем закате медностволым Хреновским бором на Битюге и почтительно поклонился великому человеческому подвигу в Каменной степи». Мы с вами должны прочувствовать этот подвиг «открытия» русского чернозема и путей его спасения. Продолжаем ли мы этот подвиг во имя жизни на земле?

Открываю тревожный архивный документ 120-летней давности «Записки Воронежского уездного комитета по выяснению нужд сельскохозяйственной промышленности». И вот они, трагические факты: уменьшились площади лесов, реки обмелели и местами совсем исчезли, летучие пески надвинулись на поля, сенокосы; поля поползли в овраги, и на месте когда-то удобных земель появились

рытвины, болота, рвы. Земля обессилила, производительность ее снизилась. Природа померкла, естественные богатства истощены, а естественные условия обезображены.

Население, вчера богато жившее на богатых черноземах, катастрофически нищает. Что же случилось? Это результат первой российской «перестройки», «порекорменного периода» после 1861 года, отмены крепостного права. Ухудшилось состояние именно русских черноземов. Слишком много неконтролируемой свободы во владениях землей получил раскрепощенный мужик. Лучшие земли после реформы получили помещики, худшие – крестьяне. В поисках недостающего клочка земли они стали распахивать крутые склоны, верховья и русла оврагов, легкие песчаные почвы. Помещики, перейдя на новую систему взаимоотношений, усилили эксплуатацию своих земель, не заботясь о повышении их плодородия. Чтобы получить больше товарного хлеба, расширяли посевную площадь.

В степной полосе распахивали целинные уголья, вырубали леса. Хищническая распашка земель и вырубка леса дорого обошлись чернозему. Водный баланс степи резко ухудшился, изменился и ее микроклимат. Продолжительное летнее бездождие стало сопровождаться высокой температурой, угнетающей жарой, низкой влажностью воздуха и знойными суховеями. Особенно трагической стала засуха 1891 года, охватившая многие регионы с населением в 30 миллионов человек. Люди в тот год вымирали селениями, как от чумы.

В этих условиях ученый Василий Докучаев определил векторы и пути спасения государства Российского. Раскрыл суть богатства черноземов и умения этим богатством пользоваться. Он выступил с проектом коренного преобразования сельского хозяйства. Не только ученый, но и отличный знаток российской жизни, В.В. Докучаев понимал: иссушение черноземной полосы – явление не только природное, климатическое, но и в значительной мере социальное. Русское сельское хозяйство, писал он, находится в таком надорванном, надломленном состоянии потому, что зиждется не на

местных физико-географических, исторических и экономических условиях, а уподобляется азартной биржевой игре: выпадает счастливый год – будет хлеб, грядет засуха – снова неурожай и голод.

Исследования в Каменной степи начались летом 1892 года. По мере накопления результатов и их обобщения экспедиция перешла к практической работе: были заложены первые сто гектаров полезащитных и противоэрозийных лесополос, на оврагах и балках созданы каскады прудов и организован первый в этой зоне орошаемый участок.

Нынешняя жизнь вымирающих сел под стать жизни крестьянства, о которой читаем в «Записках». С теми же проблемами отношения к чернозему, его охране, преумножения его плодородия.

Царское правительство обратило наисерьезнейшее внимание к возникшей проблеме. Политики, общественные деятели прислушались к голосу ученых – почвоведов, лесоводов, мелиораторов, экономистов. В народные массы пошли книжечки-пособия по правильной обработке земли, выращиванию зерновых, скота. Государство взяло под контроль сельхозобразование страны. Черноземный край России стал считаться основным земледельческим районом страны. Нам завидовала Западная Европа. В снабжении земного шара пшеницей Россия занимала первое место – более 200 миллионов пудов ежегодно.

После 1917 года Каменную степь – эту мудрую книгу природы – взяли на учет как объект государственного значения. Было принято постановление о неприкосновенности земельного участка Степной опытной станции. Научно-исследовательскую работу, проводимую здесь, очень высоко оценил выдающийся ученый Н.И. Вавилов. В тридцатые и сороковые годы прошлого века ученые докучаевской школы довели до такого совершенства научно обоснованный агролесомелиоративный комплекс в Каменной степи, что он лег в основу Государственного плана преобразования природы, который широко начал претворяться в жизнь в 1948 году, в это нелегкое послевоенное время.

Каменная степь – цитадель спасения русского чернозема. Надо отдать должное панинскому крестьянству, его руководителям прошлых лет. Район, где наиболее удачно реализовывался «сталинский» план «преобразования природы». При всех тех трагических условиях разрушения, в которое попал район в годы «перестройки», в принципе, был спасен чернозем. Его спасали огромное количество прудов, лесополос, которыми, к сожалению, не обладали другие районы.

Вода, влага... С каким уважением и любовью земледелец произносит эти слова! Без воды не взойдет и доброе семя, не покажет свою силу и обильное удобрение, не прибавит хлеба в амбарах даже самая совершенная структура посевных площадей.

Сохранению равновесия в природе водного баланса, влияющего на плодородие почв, предотвращающего засуху, впервые в мире дал научное осмысление русский почвовед Василий Докучаев.

В каждом грамме гумуса содержится 5 калорий. Следовательно, в тонне чернозема 5 миллионов килокалорий энергии. Каждый гектар воронежского чернозема содержит 300-400 и более тонн гумуса. Мы сотворили небывалую сенсацию, когда куб чернозема, взятого на территории нынешнего Панинского района, привезли в Париж на Всемирную выставку.

Примерно восемь тысяч лет понадобилось природе для формирования этих невиданных черноземов. На создание одного сантиметра мощного плодородного слоя в условиях лесов и степей требуется сто лет. И этими черноземами практически в Воронежской области представлено 90 процентов площадей пашни. Но за последние лет 60-65 вследствие нерационального использования земли нависла угроза потери ее плодородия. Засуха 2010 года – тревожный «звонок». Забыты учение Докучаева о сохранении плодородия почв, опыт народных земледельцев.

Казалось бы, простая задача – напоить землю. Но решить ее нелегко. Беда в том, что более трех четвертей сельхозугодий в области распаханы, почвы на больших площадях обесструктурены,

уплотнены и плохо поглощают влагу. Трудно найти поле, которое не имело бы уклона. И, ко всему прочему, сейчас наша земля принадлежит разным хозяевам. Частные интересы стали превыше государственных, общечеловеческих. Повторяется ситуация «воли», обретенной Россией после 1861 года. В черноземах, переуплотненных мощными тракторами и прочими сельхозмашинами, бездумным использованием химических удобрений, снижаются запасы азота, слабеет деятельность микроорганизмов. В некоторых районах в принципе исчезли ставшие бесхозными лесозащитные полосы. Вновь широким фронтом на плодородные поля пошла эрозия почв. В увеличивающиеся овраги ливни ежегодно с каждого гектара уносят более 100 тонн ценнейшего гумуса. Каждый пятый гектар области подвержен эрозии. Овраги растут со скоростью 3-5 метров в год и пагубно влияют на уровень грунтовых вод, «уводят» с полей дождевую и талую снеговую воду, способствуя росту засушливости.

Сейчас в Центрально-Черноземных областях более пяти миллионов эродированных земель. Только в Воронежской области длина оврагов и балок достигает более 63-х тысяч километров. Это полтора земных экватора! Как же превратить воду из врага в друга хлебороба, заставив ее не разрушать, а, напротив, работать на урожай? Один из путей – регулировать и задерживать непосредственно на полях стихийный сток талых и ливневых вод. В НИИСХ им. Докучаева установлено: если задержать в стекающих вод, степных и лесостепных районах страны хотя бы половину это дало бы государству 25-30 миллионов тонн дополнительного зерна.

При смыве 20-сантиметрового слоя чернозема на одном гектаре теряется гумуса 170 тонн, азота и фосфора по 9 тонн, калия и кальция по 60 тонн. Такого количества питательных веществ хватило бы на выращивание двухсот урожаев с этой площади. Один сантиметр утраченного чернозема лишает земледельца десяти будущих потенциальных урожаев. Ни для кого не секрет, что львиную долю ежегодных урожаев мы получаем за счет прямого

уменьшения в черноземе гумуса и питательных веществ. Только с зерном из степных экосистем перекачивается в другие 8 миллионов тонн азота и 160 миллионов тонн углерода.

Следовательно, чернозем – это важнейший энергетический ресурс страны, не менее важный, как говорил Докучаев, чем нефть, уголь, газ и другие полезные ископаемые, которые прямо или косвенно расходуются на создание необходимых продовольственных фондов. Ведь только на одну тонну азотных удобрений идет полтонны нефти.

Следует оптимизировать соотношение между пашней, кормовыми угодьями и лесом. Необходимо провести инвентаризацию овражно-балочных земель, эродированные средне и сильно смытые почвы и пашни, присетевой гидрографический фонд, почвы мелиоративного фонда, почвы солонцовых комплексов и почвы техногенного загрязнения.

Только в Панинском и Верхнехавском районах содержание гумуса в пахотном слое держится на более высоком уровне, нежели в других районах области. «Более высокий» это не значит, что он остался таким же, каким был в начале XX века. Того «золота», о котором писал Докучаев, сегодня мы даже на целинных гектарах Каменной степи не найдем.

В угоду предприимчивым дельцам возникла теория, идущая вразрез с учением основателя почвоведения как науки. Суть ее сводится к следующему: плодородие черноземов неиссякаемо. Действительно, долгие годы на черноземах собирали высокие урожаи без применения удобрений. И вдруг – резкое падение урожайности.

О повышении плодородия почв вновь всерьез заговорили на правительственном уровне в шестидесятых годах прошлого века. Если в 1966-1970 годы в области среднегодовое внесение органических удобрений составило 1, 21 тонны на гектар пашни, а минеральных – 31, 3 действующего вещества, то в 1986-1990 годы – 3,5 тонн и 126 килограммов соответственно. В 1997 году было внесено лишь 1,7 тонны органических и 17 килограммов минеральных удобрений на гектар пашни. За два десятилетия так

называемой перестройки мы приблизились к катастрофической черте, за переходом которой можно забыть о славе русского чернозема. Для бездефицитного баланса гумуса чернозема нам сегодня необходимо вносить 10-12 тонн навоза на гектар. Откуда ему взяться, когда в области практически было уничтожено животноводство. Возрождается оно крайне низкими темпами.

В последнее время мы много говорим об экологии, охране окружающей среды и преумножения дарованного нам природой. В здоровой природе здоровье человека. Кризис, возникший с отношением в России к плодородию почв, можно преодолеть лишь на основе адаптивной интенсификации и биологизации земледелия. Наиболее важными элементами предлагаемой системы биологизации земледелия являются рациональное землеустройство и землепользование на основе агролесоландшафтноконтурномелиоративной организации территории, совершенствование севооборотов (увеличение бобовой группы) и борьба с сорняками, вредителями и болезнями, совершенствование системы применения удобрений. Ничего нового. Просто надо помнить Докучаева, следовать его учению. Должны быть пересмотрены подходы к организации территорий. Ученые Каменной степи давно разработали и проверили на практике ряд эффективных приемов обработки почвы в зависимости от рельефа местности. Хорошие результаты дает пахота по контурам (горизонталям), комбинированная, ступенчатая и гребнистая вспашка, безотвальная, поверхностная обработка почвы с оставлением стерни на полях, полосно-буферное размещение посевов, лункование и щелевание зяби. Сдержат стихию воды могут простые гидротехнические сооружения: террасы, распылители стока, водозадерживающие и водопоглощающие валы и каналы, бетонированные перепады и быстротоки, каменные, деревянные, плетневые и фашинные запруды.

Уместно сказать о значении чистых паров. Паровые поля, особенно в засушливые годы, дают урожай озимой пшеницы – главный хлеб нашей зоны – в полтора-два раза больше, чем непаровые предшественники. Отсутствие чистых паров мешает получить высокие урожаи важнейшей для нас культуры – сахарной свеклы.

Лес – друг хлебороба. Во второй части «Мертвых душ» Н. Гоголя, где писатель пытался показать не «мертвые души», а русского хозяина, который выведет Россию в передовое государство Европы, есть описание земляных угодий помещика Костанжогло. Предполагают, что прообразом этого положительного героя был В.Я. Ломиковский, который еще в начале XIX века посадил в Полтавской губернии полезащитные лесные полосы. Помещик Платонов, сопровождавший Чичикова в поездке по землям Котанжогло, объяснил: «Лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте на столько-то влаги прибавить полям, на столько унавозить падающим листом, на столько-то дать тени... Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая».

Эффективность полезащитного лесоразведения убедительно доказана более чем столетним опытом выращивания леса в Каменной степи. Засуха ее как будто обходит стороной. Лесные полосы, которые В. Докучаев называл магазинами влаги, не только смиряют и разбивают дикую силу ветра. Они снижают испарение влаги с земли почти на треть. Задерживая и уменьшая сток талых и ливневых вод, лес помогает человеку бороться с эрозией почв, с образованием на ней промоин и оврагов. Лесные полосы встают на защиту полей от пыльных бурь.

Кто-то скажет, зачем столь подробно говорить которые мы знаем из школьных учебников?

Но сегодня наши знания ровным счетом ничего не значат. Вопреки здравому смыслу полезащитные насаждения оказались в опале. Тысячи гектаров лесополос, заложенных в Воронежской и других областях Центрального Черноземья в пятидесятых и шестидесятых годах прошлого столетия, в начале этого столетия, точнее, в «перестроечное» двадцатилетие были уничтожены. Нет желания новым «хозяевам» тратить средства на содержание этих полос, тем более на посадку новых. Облесенность пашни во многих районах не достигает и двух процентов. Это значительно меньше необходимой нормы, определенной научными исследованиями.

В Воронежской области, например, чтобы создать завершённую систему полевых защитных полос, необходимо дополнительно к имеющимся лесонасаждениям добавить ещё 60 тысяч гектаров леса.

Если перечитать «Русский чернозем» В.В. Докучаева, познакомиться с составленной им картой черноземных почв, то мы поймем, насколько мы пали в своем земледельческом развитии и что мы почти безвозвратно потеряли. Площади черноземов не только сократились, но повсеместно стали беднее гумусом. Во многих районах ЦЧО содержание его со времен Докучаева уменьшилось на одну треть, а кое-где и на половину. Нарушили и продолжаем нарушать объективные законы земледелия. Человек обязан вернуть земле-кормилице то, что взял у нее с урожаем. Голоса представителей науки общественности, к сожалению, власти и новые «хозяева» земли не слышат. Приближаемся к точке невозврата, когда природа жестоко накажет нас за варварское отношение к ней. Спыхватимся, но будет поздно. Мы продолжаем играть в какие-то преобразовательные реформы, делаем отвлекающие маневры от привлечения внимания к жизненно важным проблемам, выдвигаем на передний план интересы наживы узкого круга бездуховных, алчных лиц.

Российской академией сельхознаук, исходя из опыта защиты чернозема, повышения его плодородия, накопленного в Каменной степи, и ученым-подвижником, профессором Воронежского агроуниверситета М.И. Лопыревым, который более чем за тридцать лет на полях бывшего совхоза «Дружба» Кантемировского района, можно сказать, не повторил, а расширил и преумножил опыт Докучаева, разработана программа по созданию в Поволжье, на Северном Кавказе, в Западной и Восточной Сибири, на Южном Урале и в Нечерноземье эталонных систем агроландшафтов. Прошло почти полтора десятилетия, однако нет никаких перемен в лучшую сторону. Реалии таковы, что «желтый дьявол» и его служители пожирают живую жизнь на земле. Уничтожены десятки тысяч колхозов, совхозов, погребены под обломками псевдоидеологического скепсиса меры

государственного планирования... В тридцатые годы минувшего века в Россию из Франции бежал аграрий Жак Якобин в надежде получить возможность работать на государственных полях, которые «от горизонта до горизонта», чтобы лично убедиться в правоте учения Докучаева. Он эту возможность получил. Коммунисту, другу Марсея Кашена, лидера компартии Франции, было разрешено трудиться на полях Калачеевского района. И он только регулировкой полива добился на трех гектарах опытного поля урожая зерновых в 70 центнеров. Якобин был потрясен возможностями русского чернозема, куб которого он впервые увидел после завершения Всемирной выставки в Париже. Почему нельзя было опыт Докучаева применить в тогдашней Франции? Он отвечал: «Тормозом всего прогрессивного был частник с его малыми полями, на которых нельзя ни севооборот соблюдать, ни лесные полосы высаживать, ни прочие работы по восстановлению плодородия почв проводить». Со временем капиталистическая Франция навела порядок на своих сельхозполях – частник стал подвластен тем программам, которые были в интересах государства. Мы же у Франции взяли только один опыт – опыт губительной революции, который в разных вариациях периодически повторяем со своим народом и его землей. Вновь у нас разгул торжествующего собственника, благодаря которому от наших черноземов останутся вскоре одни воспоминания.

Я не против частника. Пусть существуют разные формы собственности на землю, но при этом все должны подчиняться интересам общегосударственным: каждый владелец земли должен постоянно заботиться о том, чтобы от его хозяйствования она не оскудела. У нас сейчас владеют землей те, которые о ней не имеют ни малейшего представления – ни специального образования, ни производственного опыта. Законодательство таково, что «невмешательство в частную деятельность» безнаказанно позволяет губителям несколько лет подряд сеять подсолнечник по подсолнечнику, ячмень, лук, не соблюдая никаких севооборотов – ему так выгодно. Уже десятилетия идут разговоры о

необходимости принятия такого закона о земле, в котором были бы прописаны права и обязанности владельца земельных гектаров. У России есть свой замечательный исторический опыт землевладения. Есть он и в других странах. В Англии, например, если с гектара поля за год смывается 50 тонн почвы, фермеру запрещается на нем сеять пропашные культуры. В США и Канаде действуют эффективные меры материального поощрения земледельцев за посадки леса на своих угодьях и солидные компенсации за землю, пущенную под них.

Нам в области надо разработать и не на бумаге, а на деле осуществить комплексную программу «Русский чернозем», показать пример хозяйского отношения к земле другим регионам России. У нас для этого есть все возможности. И в качестве «пилотного» проекта может стать Панинский район, чернозему которого в Париже завидовал в начале прошлого века весь мир.

Область, обладающая уникальными плодородными землями, духовным и материальным национальным наследием, должна стать для России эталоном отношения к плодородию, эталоном стремления к спасению чернозема, других видов почв.

Жизнь настоятельно требует усилить государственную службу по охране почв, особенно черноземов, которые дают до 80 процентов продовольственных ресурсов страны, чтобы ежегодно тысячи гектаров этих ценнейших земель не отторгались от поля под добычу не всегда полезных для нас ископаемых, под частные дачи, строительство элитных коттеджей, трубопроводов, полей фильтрации и отстойников, карьеры и прочее.

Нравственный долг живущих ныне – сделать все, чтобы этот драгоценный дар, преподнесенный человеку природой, продолжал верно, безотказно служить внукам и правнукам. Только недалёковидный, глупый человек, уподобившийся пушкинскому скупому рыцарю, чахнущему над сундуками золота, способен оставить о себе недобрую славу, обречь себя на вечное проклятие со стороны будущих поколений.

Право как этносоциокультурный феномен в академических теориях правопонимания

*Первушина В.Н.,
д.филос.н., проф. ВГТУ*

Право можно представить в предельно широком контексте с позиций общеправового подхода как этносоциокультурный феномен. И такой подход вполне оправдан в силу того, что появление зачатков правовых воззрений относится к глубокой древности, когда еще только зарождается род человеческий и априори существуют некие морально-правовые требования, запреты (выражаясь современным языком), определившие позже прогрессивный вектор развития первых цивилизаций.

На выбор авторами темы статьи оказала большое влияние либертарно-юридическая концепция, предложенная академиком В.С. Нерсесянцем. Как любая оригинальная концепция, она вызывает на размышление. Авторам статьи хотелось бы обратить внимание на те методологические подходы, в рамках которых обосновывается либертарно-юридическая модель. Это безусловно выстроенная на формально-логическом, абстрактном уровнях схема объяснения природы права. В качестве «математики права» Нерсесянец берет свободу, ибо право – онтологически, гносеологически и аксиологически – включает в себя свободу [12, с.3]. Право рассматривается как субстанция в единстве трех сущностных черт – «всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости». Право с точки зрения субстанционального подхода выступает как сущность и имплицитно включает существование (правовая онтология), позволяющее с экзистенциально-смысловой стороны выявить ценностное основание прав человека. Субстанция, включающая существование, есть нечто абсолютное, то есть субстанциональный подход предполагает осмысление права с точки зрения целостности системного подхода. Системный

подход для понимания права требует включенности в философско-мировоззренческую картину мира. Кроме того, анализ права с позиции онтологии, гносеологии и аксиологии будет не полным без антропологии.

Для определения внутреннего единства онтологии, гносеологии, аксиологии и антропологии в понимании сущности права обратимся к формально-фактической (терминология В.С. Нерсисянца) стороне понимания права. Для этого необходимо в качестве методологических приемов использовать компаративно-исторический (историко-философская реконструкция) и системный подходы.

Философско-мировоззренческая картина мира и ценностное основание прав человека

В философско-мифологической картине мира представления о праве носят трансцендентный, сакральный характер. Боги воплощают морально-правовые ценности, носившие абсолютный характер, определяют нравственно-правовой порядок в человеческих отношениях, формируют сакрально окрашенные идеи, то есть подлинные представления о реальном мире в сознании человека, о справедливости и возмездии. Представления о праве рассматриваются в терминах порядка, гармонии, меры, справедливости. Мифологическое мировосприятие затрагивает экзистенциальные основы человеческого бытия, отражающие жизненные циклы: рождение, юность, зрелость, смерть, воскрешение. В этом онтологическая глубина мифа, олицетворяющая периодически повторяющуюся смену смерти и жизни в природе.

На уровне мифологического, иллюзорного мировоззрения в первобытном обществе существуют обычаи, которые соблюдаются добровольно, в силу убеждения в их правильности, необходимости и значимости для общины, рода, племени. В этот же период складываются элементарные нормы поведения, которые выражают обычаи, традиции, интересы всех членов первобытного

сообщества. По мере развития общественных структур изменяются и предписания, вырабатываются определенные нормативные требования. Наиболее простыми нормами поведения людей являются единые обычаи и традиции в конкретной общине, племени, которые в большей степени выражают нравственные устои в форме запретов, табу, предписаний. С этой точки зрения мораль возникает значительно раньше, чем правовые нормы, которые, на наш взгляд, выходят из нравственных аксиом и ныне развиваются в русле тесного взаимодействия.

С возникновением государства и его институциональных основ происходит дифференциация социальных норм на правила поведения, обусловленные традициями, обычаями, выработанными определенными социальными группами, различающимися по своему месту в системе общественного устройства, по отношению к себе и другим людям. Господствующими нормами, регулирующими общественные отношения, становятся те, которые наиболее полно отражают интересы не только властных структур, но и тех слоев населения, на которые они опираются. Кроме того, от элементарных, внутренне единых обычаев, существующих в родоплеменной формации в форме запретов, табу, общество переходит к установлению объективно возникших норм и правил, регулирующих общественные отношения, тесно связанных с нравственными постулатами, которые условно можно назвать «предзаконами».

Древнегреческая цивилизация провоцирует появление новых тенденций в философском миропонимании в целом и в правовых воззрениях, в частности. Трансформация мировоззренческих установок, а с ними и правовых представлений происходит в Древнем Риме. Цицерон констатирует, что «высшее благо есть жизнь» [17, с.141]. И далее: «... человек рожден природой для жизни» [18, с.105]. Так, в рамках космоцентризма появляется признание ценности жизни. В XX веке право на жизнь (ст.3 Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.) будет отнесено

к фундаментальным правам человека. Идеи права в космоцентрической картине оказываются безусловными, включенными в космическое мироздание как совершенные. Человек воспринимается как часть этого упорядоченного целого и представляет собой микрокосмос. Хотя в дальнейшем философская рефлексия античности идет от упорядоченности (жесткий детерминизм Демокрита) до признания случайности и свободы воли, понятие «свобода воли» не разрушает целостность мира. Свобода в онтологическом основании мифа и античной культуры существует в хаокосмосе. Оргиастический культ производящих сил природы воплощается в мистериях. Сущность мистерий, связанных с праздником Диониса, сводится к свободе-хаосу, преодолевшему человеческую ограниченность для достижения полного освобождения, «обретения свободы и непосредственности, не характерных для человеческих существ» [19, с.447; 15, с.115]. Свобода-хаос подразумевает свободу от запретов, социального порядка, соединение с жизненными космическими силами. Свобода в рамках космического порядка, целостности (Космоса) предполагает знание и соответствие этому целому, например, судьбе как субстанции мира (стоики). Сакральные, религиозно-мистические представления служат связывающим звеном естественного порядка вещей и общественной жизни людей, способствуя нормативной упорядоченности полиса. Обратим внимание на понимание права (jus) в Дигестах Юстинианина [6]. Трактовка понятия (jus) не выходит за рамки космоцентризма, то есть признания законов природы божественными, поэтому они носят универсальный обязательный характер. Поскольку человек является частью этого целого, то, естественно, и природа человека должна соответствовать этим законам. Природа человека заключается в его разумности и социальности. В рамках этой целостности существует иерархичность законов: божественные природные законы, носящие императивный, обязательный характер и включающие принцип справедливого и доброго; законы собственно человеческие; затем законы конкретного гражданского

общества, которые не отделяются от естественного права и выражают полезность для всех или, по крайней мере, для большинства в обществе, будь то судебное решение, по которому вынесен окончательный судебный приговор или постановление магистрата.

Теоцентристская парадигма по существу уравнивает естественное право античности с *Deusnatura, idest, Deus*, законы природы воплощаются в Божественный промысел. Августин представляет государство и общество как естественные, божественные институты.

Признание ценности личности и ее достоинства находит отражение и в учении об обществе и государстве в средневековой философии. Государство существует на благо его граждан. По существу, повторяется тезис Цицерона о государстве «как народном достоянии», воспроизводится признание социальной природы человека. Человек не может жить вне общества, в этом его *naturalisnecessitas*. И в античности и в средневековье человек рассматривается как родовое существо, хотя этика заботы о себе (эпикурейство) предполагает наличие самодостаточного человека, достигающего атараксии через свободу от внешних сил и страстей, а в христианстве выделение личностного начала – субъекта, обладающего свободной волей, права человека не были обозначены, так как для этого нужно было признать самодостаточность отдельного (человека) и его существование вне целого, развивающееся по своим законам [16, с.170,195,296]. Обязанности преобладают над правами, поэтому в схоластике (Ф. Аквинский) упоминается не о правах человека, а о природной склонности человека, «склонности по природе». Да, человек имеет права, но базисом этих прав выступает закон природы – человеческая сущность и вечный закон. Эти права касаются права на жизнь, права на вступление в брак и воспитание детей, права на обучение, «права знать истину о Боге и жить в обществе» [1, с.47]. Это – своего рода социальные права, провозглашенные схоластикой. Отпадение отдельного от Абсолюта (свободная

воля без Божьей Благодати) трансформируется в свободу произвола (негативное определение свободы, данное Августином).

Антропоцентризм Нового времени и правовая антропология

Антропологический поворот в мировосприятии Нового времени XVII-XVIII вв. обозначает понимание естественного права через призму социального бытия человека. С позиции механистической картины мира общество воспринимается как совокупность атомарных индивидов в их автономном существовании. Происходит смещение вектора с универсального онтологизма, когда естественное право анализируется с позиции сущностных структур космоса или сотворенной природы, в антропологизм в попытке отказа от системного субъективизма. Сохраняется целостное представление о мире (классическая механистическая картина мира с ее жестким детерминизмом). Механистическая картина мира экстраполирует механизм не только в сферу опытной науки, но и видит в нем корреляты природы человека и общества. Идея физического равновесия распространяется и на общество (теория общественного договора), поэтому свобода определяется как познанная необходимость или в духе механики Ньютона как отсутствие препятствий к действию [4, с.608] или как отсутствие «внешних препятствий для движения» [5, с.340]. Философия Декарта, эмпиризм в английской философии (Локк, Юм) обозначает интерес к индивидуализму и концепту «тело» (человек-машина Ламетри). У Локка индивидуальное тело обладает ценностью. Тем самым делается поворот к антропологически обоснованной свободе в обществе и анализу социального бытия в его трансформации от естественного состояния в гражданское. Переход от *statusnaturalis* в *statuscivilis* обеспечивает и гарантирует социальный порядок членов общества. В гражданском обществе возможна «та безопасность и защита», которых ждут люди. Ради этого «оно было первоначально учреждено и ради которого они в

него вступили» [9, с. 316]. Зародившиеся буржуазные отношения строятся на основе менового обмена и уважения к праву собственности, особенно приобретенного благодаря собственным усилиям.

О влиянии протестантизма на ранний либерализм обращают внимание А.Ф. Лосев и Б. Рассел [13, с.719; 10, с.371]. Становится понятным, почему право на собственность стали относить к природным правам человека и неотчуждаемым от него. В «Трактате о государственном правлении» Дж. Локк выделяет три природные права человека (естественное право сводится к естественному закону), признаваемых в естественном состоянии, и гарантируемых государством в *statuscivilis* – право на жизнь, собственность и свободу, составляющие основу правового порядка. Так появляется правовая антропология с ее идеями «неуравнительного равенства», формального равенства, включающего юридическое равенство возможностей и притязаний на основе свободного обмена, равенство без субординации и подчинения. Равенство основывается на равенстве основных прав. Свобода есть там, где есть закон. Закон гарантирует индивидуальное право на то, чтобы распоряжаться своей личностью (тело, сознание, свобода действия) и собственность – «как ему угодно», не испытывая ограничения и насилия со стороны других при условии, если это не запрещено законом [9, с.275]. Правовая формула Локка ложится в основу эмансипирующего законодательства. Правовая доктрина Локка предвосхищает утилитаризм Бентама и включает моральный аргумент – понятие «общее благо», единство индивидуальных и общественных интересов, по крайней мере, в будущем: объединение индивидов как независимых свободных агентов действия в сообщество для удобства и мирной жизни, удовольствие/страдание, достижение счастья, являющееся двигателем желания и т.д. Следует отметить, что учение о правах человека становится ядром правовой антропологии и в англоязычной литературе, понятие право («right») относится

преимущественно к правам человека, иногда к правам органов власти (права Парламента), в остальных случаях используется термин закон («law»), «естественный», «позитивный», но не естественное/позитивное право, включая, философию права [28].

Подчеркнем, что учение о правах человека Локка основывается на их иерархичности и теологическом фундаменте. Понятия «естественные» права, «естественный» закон – теоретическое наследие античности и схоластики. Появляется концепция универсальных прав человека (жизнь и свобода), конкретизированная в правах человека и гражданина (свобода совести, передвижения и т.д.). Впервые речь идет о правах, а не об обязанностях. Понимание прав человека как фундаментальных не рассматривает осмысление человека как единичной субъективности, а определяется всей той же природой человека (разумностью, отождествляемой с благоразумием в экономической деятельности, социальностью), поэтому права человека понимаются все в рамках той же целостно субстанциональной модели мира и воспринимаются как онтологически предзаданные. Конечно, историческое время оказало влияние на концепцию прав человека Локка. Гражданских прав были лишены бедные, не имеющие собственности, женщины, что дало основание рассматривать позднее теорию Локка как маскулинную, а провозглашенные права негарантированными, которые необходимо дополнить социально гарантированными правами [30, с. 112-149].

Такой же универсалистский подход можно обнаружить и у Канта в его «Метафизических началах учения о праве». Право представляет собой априорную систему права: закон, который обязывает нас а priori. через разум, исходит от воли высшего законодателя... (стало быть, от божьей воли) [8, с.592]. Индивидуальная свобода морального агента осмысливается в контексте законопослушания, то есть позитивно, из уважения к закону как таковому, «die Freiheit im positiven Verstand». Свобода мыслится в категориях модальности «du kannst, denn du sollst».

Рассмотрение общества как совокупности партикулярных волей отводит роль фундаментальным правам как базису для «баланса интересов», поддержания плюрализма различных представлений о концепции блага. Фундаментальные права носят абсолютный характер и неотчуждаемы. Требуется веротерпимость к различным философским и религиозным взглядам.

Вместе с тем, доктрина прав человека и теория общественного договора о взаимности власти и юрисдикции, об отношении к власти в случае нарушения ею общественного договора и его невыполнения допускает на законных основаниях сопротивление власти. Наиболее в радикальной форме это выражается в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. во Франции. Дж. Ст. Милль анализирует другую сторону отношений власть-подданные. В каких рамках и при каких условиях государство может вмешиваться в сферу индивидуальной свободы? В либеральную трактовку свободы Милль вводит понятие «harm-principle», обозначаемое как принцип патернализма. Все, что причиняет прямо вред индивиду или обществу, или заключает в себе прямую опасность для них, все это должно быть изъято из сферы индивидуальной свободы и должно быть отнесено к сфере нравственности или закона [11, с.354-355]. В дальнейшем идеи патернализма были проанализированы Г. Хартом и Р. Дворкиным [25; 22, с.65]. Государство и общество, безусловно, на основе закона и общественного мнения может вмешиваться в действие и сферу личных интересов, если подобное вмешательство представляет собой наилучший интерес для индивида – «морально или физически». Принцип патернализма порождает волну критики. Да, с одной стороны, если рассматривать его в тотальности, он воспроизводит ветхозаветную отеческую форму власти, а с другой, – не взятой в его тотальности, выступает оправданием вмешательства государства в различные сферы общественной жизни – экономику, образование, медицину и пр. Такой патернализм является основой формирования социальных прав и

позитивной, гарантированной свободы. Еще во времена Римской империи «богатство и бедность волнуют всех сильнеешим образом» (Цицерон).

С появлением теории марксизма встает вопрос о гарантированных правах: естественные права должны быть гарантированы. А это возможно только при единстве гражданских прав с социальными – право человека на труд, социальную защищенность, социальное обеспечение, помощь семье, матери и ребенку, достаточный уровень жизни, право на образование и приобщение к культурным ценностям, в настоящее время – на экологическую среду обитания. Марксизм способствовал осознанию социальных прав человека, в первую очередь, на достойную жизнь и преодоление нищеты. Какой смысл говорить о свободе, равенстве, справедливости, если твой удел – борьба за выживание? В 3-х томной энциклопедии о правах человека в разделе «Международное право» провозглашается, что нищета («extremepoverty») не совместима с правами человека [29, с. 834].

Глобализация и права человека

В дальнейшем субстанционально-целостная картина мира, в рамках которой человек воспринимается как часть целого, начала пересматриваться сначала с идеи о смерти DeusOmniumCreator у Ницше (еще раньше в идее человекобожества эпохи Возрождения) и появлении Сверх-человека («Uebermensch») с его неприятием «GesetzmassigkeitderVernunft», «законнической» морали Канта. Сверх-человек обходится без сакральных и коллективных санкций, «сам назначает себе меру своего уважения и презрения к другим» [21, с. 30]. Возникает идея богоравной свободы, выступающей против морально-правовых запретов, смешивается «воедино творец и тварь». Провозглашается экзистенциальный бунт (философия абсурда А. Камю), направленный на конечные цели человека и Вселенной, протест против его смертности. Правда, в процессе бунта забываются его истоки и ценности [7, с.135].

Единичная субъективность отпадает от целого, божественно-природного порядка и его проекции на общество и начинает существовать по своим законам. Намечается пересмотр естественных законов и их критика, появляется интерес к патологии и отклонениям всякого рода (многие герои произведений Ж.-П. Сартра страдают психическими заболеваниями, сексуальными отклонениями и т.д.). Такая богоравная свобода есть свобода хаоса («свобода есть ничто в экзистенциализме») без признания живородящих сил природы и связи с сакральным.

Новая антропологическая установка, помещенная в постмодернистский дискурс, провозглашает курс на нонконформизм против доксы и догматизма, а это требует пересмотра границ дозволенного, «греха», нормы и патологии (в социологии вводится понятие *minoritygroup*). В контексте введенного понятия социальная структура измеряется не только в рамках классового, гендерного, расового измерения, а включает группы, чье социальное бытие не отличается устойчивостью и признанием общественного мнения. Необходимо было узаконить их права. Казалось, что в этом плохого. Права узаконены, все должны жить в мире и согласии, как того требуют правовые ценности, но в десакрализованной Вселенной утрачивается тот абсолютный фундамент естественно-божественного, который составляет иерархический порядок прав человека. Происходит «скатывание» в правовой релятивизм. В римском праве к нормам естественного права относится брак между мужчиной и женщиной, рождение и воспитание детей. Теперь происходит легализация однополых браков. Толерантность, существовавшая в раннем либерализме в политико-гражданской сфере, проецируется на естественные законы. А учитывая ремифологизацию сознания современной цивилизации и ее озабоченность проблемами преодоления старости и достижения «вечной молодости», то рано или поздно она попытается нарушить последние табу, связанные с педофилией,

каннибализмом и инцестом. И это нас отнюдь не шокирует – «только смерть и исчезновение ужасают нас до глубины души, особенно в эпоху, когда наука, технологии и генетика все ближе к тому, чтобы искусственно синтезировать жизнь и бессмертие» [2, с.329]. В итоге «либеральный релятивизм с его антропоцентризмом и идеологией прав человека» западной культуры позиционируется как универсальная модель социальной и духовной жизни с попыткой его экспорта в другие страны мира.

Матрица отношений древнегреческого мира – эллины-варвары – воспроизводится и в современном мире. Если ты не принимаешь эту модель, то оказываешься в лагере варваров и попадаешь под санкции: «...пересаженные на другую почву идеи редко бывают такими плодотворными, какими они были на своей родной почве» [13, с. 724]. С этим сталкивается Европейский Союз, в состав которого вошли государства с разным уровнем развития экономики, культурными ценностями, религиозными конфессиями. Возникают проблемы морального, политического и правового характера. На каком основании и как это все объединить? Известно, что экспорт либеральной релятивистской модели в мусульманский мир приводит к разрушению государственности в этих странах (Ливия, Ирак, Афганистан) и огромному потоку беженцев в Европейский Союз. Толерантность становится идеологическим конструктом проводимой политики «открытых дверей». Казалось бы, намечается тенденция к космополису, единению всех и вся в едином глобальном пространстве, к миру и дружбе, усиленной новыми технологическими процессами и верой в реализацию прямой демократии через глобальный коммуникационный процесс, общество и виртуальная демократия существуют рука об руку. Киберпространство поднимает вопрос о старом идеале утопического характера – о прямой демократии через глобальный коммуникационный процесс в масштабе космополиса. Закон играет фундаментальную роль в новом устройстве мира:

граждане рассматривают общество как состоящее из переговорных взаимодействий между свободными, равными индивидами, входящими в добровольные ассоциации. Либеральная модель ориентируется на отдельного индивида, в лучшем случае, являющегося представителем добровольной ассоциации. А народ, представляющий другую культуру? В реальности – рост национализма, экстремизма и терроризма, возврат к архаике, оргиастической вседозволенности, но без ее первоначального орфико-пифагорейского смысла как причастия, очищения души, то есть связи с сакральным. Эта свобода-хаос рассчитана на эпатаж, привлечение публики и денег, вполне в духе рыночной, даже социально ориентированной экономики. Как следствие, наблюдается конфликт культур [20].

Эти противоречивые тенденции нашли отражение в теоретическом понимании власти (теория коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса). Происходит пересмотр значения государства как социального института в сторону его ослабления. В оборот вводится наряду с государством по значимости с ним концепт «Gemeinschaft», «community». Оживляется интерес к республиканской свободе в неоримском варианте: закон имеет силу, когда он возникает в процессе обсуждения, тогда он принят и приобретает обязательную юридическую силу [14]. Почему вводится понятие «сообщество»? На уровне общины (этим отличается традиционное общество) возможно обнаружение той основы, которая объединяет всех, связывая в единое целое. Так легче принимать правила, которые всех объединят. Эти правила должны быть записаны, кодифицированы. Большое место в формировании этого единения отводится киберпространству. В современной философии права и юриспруденции дискутируются вопросы о соотношении либеральной и республиканской свободы, легитимности и эффективности норм [24], мондиализации гражданско-политической сферы, частичной замены пирамидальной модели закона парадигмой сетевой работы (network) [27, с.300-312].

Еще одна проблема кризиса современных правовых систем – это соотношение морали и права, когда они входят в противоречие, или даже отчуждаются друг от друга, что, кстати, было не характерно для первобытного общественного устройства, где мораль и право были слиты и не персонифицированы. В обществе происходит сложный процесс наполнения новым содержанием как норм морали, так и норм права, наблюдается изменение характера взаимосвязи этих норм. Так, принятые в западных странах в последние годы нормативно-правовые акты о легализации однополых браков и в целом сообщества ЛГБТ, вовсе не принимаются как нравственная норма большинством населения в смысле должного поведения и образа жизни. Однако такая позиция навязывается как правовое уложение и норма, не подлежащие обсуждению. Дискриминация теперь уже в США белого большинства приобретает угрожающую тенденцию. Смерть рецидивиста и наркомана Флойда спровоцировала волну насилия по отношению к неафроамериканскому населению, и виновники преступлений против белого населения в большинстве случаев не привлекаются к уголовной ответственности. Налицо кризис понимания единого подхода к нормам морали и права – любой приговор должен быть суров по закону и справедлив по морали. В силу этого проблема соотношения права и морали обретает все новые грани и аспекты исследования и требует дальнейшего анализа социальной значимости нравственных и правовых норм как тесно взаимосвязанных систем в рамках теории комплементарности (как две стороны одной медали). В нормах морали содержатся неписанные общие правила нравственного поведения, в то время как в нормах права в письменной форме фиксируются определенные рамки должного поведения, требующие от личности неукоснительного его выполнения независимо от ее мировоззренческих убеждений, желаний и побуждений. И несмотря на то, что часть норм морали может принимать писаную форму, их требования не выступают в виде должного и необходимого к неукоснительному выполнению.

Налицо кризис с одной стороны современного супертolerантного мировоззрения (легализация однополых браков, сообщества ЛГБТ, преподавание радикальной гендерной теории и т.п.) без оглядки на мораль, с другой – навязывание неорасовой теории в исполнении оголтелых, полуграмотных маргинальных слоев общества большинству населения некоторых западных стран.

Эта замена приводит к признанию того факта, что государство не является единственным источником суверенности, этим правом могут обладать региональные или транснациональные власти, или даже маргинальные группы, которые лишены классической иерархичной суверенности. Как найти согласие между сообществами? Признаются следующие подходы: постоянные переговоры между ними, с одной стороны, и с другой, – взаимодействие с законодательной и исполнительной правительственной властью. В итоге вертикальная модель образования правовых норм дополняется горизонтальной сетевой работой рядовых граждан в обсуждении и переговорных процессах по принятию, пересмотру или отказу от тех или иных правовых норм. Появляется так называемое «переговорное право» («negotiatedlaw»). Наличие подобного права считается признаком ассоциативной демократии и усиливается в результате становления киберпространства. Переговорное право ассоциируется с консенсусом и принятием соглашения в процессе переговоров в постмодернистском обществе, отличающемся практикой интерсубъективности, плюрализма мирного сосуществования противоположных ценностей, релевантных киберпространству. Хотя в Европейской конституции провозглашаются традиционные европейские ценности – человеческое достоинство, свобода, равенство, солидарность, плюрализм, принципы демократии и законности, уважение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности, особенно касающиеся прав человека, включая меньшинства, построены на шатком теоретическом фундаменте морально-правового релятивизма (как совместить свободу выражения (слова) с

богохульством?). Изображение в карикатурной форме пророка Мохаммеда для французской культуры – норма, для мусульманской – оскорбление. Данный эпизод, связанный с журналом «Шарли Эбдо», приведший к конфликту культур и человеческим жертвам, свидетельствует о кризисе европейского права. Или другая крайность – толерантность, не знающая границ, приводящая к иным формам дискриминации и состоянию страдающей жертвы. К этому следует прибавить тенденцию к ослаблению государства как социального института. Б. Рассел заметил в свое время, что теория прав человека, лишенная теологической основы, как в большей части теорий современного либерализма, «лишается всякого логического основания» [13, с.751]. Лишённая надличностных ориентиров и пассионарности, европейская модель не в состоянии обеспечить органическое сосуществование различных культур. Если ранний либерализм был нацелен на соглашение между индивидами, XIX-XX века – организациями, то глобализирующееся пространство XXI века – народами с разными культурами (исламский Восток, Китай, Россия, например). Как сохранить состояние хотя бы мирного сосуществования и сотрудничества? Вопрос остается открытым.

Заключение

В отечественной философской и юридической литературе дореволюционного и современного периода широко применяются термины естественное/позитивное право, философия права, проблема соотношения права и закона и т.д., отражающие влияние немецкой классической философии и общей ориентации русской культуры и философии, в частности, на экзистенциально-моральную проблематику, идею космизма с идеалом вселенского братства «жить со всеми и для всех» (Н. Федоров) и всечеловеческого единства. Христианско-православная идея о равенстве всех народов перед Богом находит отражение в понятии «святая Русь» – сверхэтническом образовании. На этом основании складывается русская государственность. В России в X-XI веках

проживало 22 этноса, в настоящий момент в Российской Федерации их насчитывается более 180. Такого нигде нет. Отсюда терпимость становится естественным основанием и нормой социально-культурной жизни как в дореволюционное время, так и в период существования советской цивилизации. И это находит отражение в юридическом языке и конституционном праве. Если сравнивать все конституции (1918, 1924, 1936, 1977, 1993 годов), существовавшие на советском и постсоветском пространстве, то можно отметить некоторые общие и идентичные положения, касающиеся терпимости в поликонфессиональном и поликультурном пространстве. Базовые ценности – братство народов, социальная справедливость, гендерное и расовое равенство, развитие солидарности, дружбы и сотрудничества с народами других стран – являются основополагающими. Конституция 1918 г. констатировала республиканскую форму правления и прямую демократию. В последующих конституциях речь идет об общенародном государстве («государство создано для народа»). Через все конституции провозглашается признание демократического общества и государства, свободы личности, человека, его прав (социальных, гражданских, политических) и обязанностей. Постсоветская Конституция начинается также с положения о том, что многонациональный народ Российской Федерации объединен на основе принципов равноправия и самоопределения. Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, поддерживается и охраняется государством. Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов, защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ст.69 Конституции Российской Федерации). Далее идет признание социальных, гражданских и политических прав и обязанностей, добавляется право частной собственности, политического многообразия и больше либеральной риторики. Создается впечатление, что на составление Конституции

1993 года оказало влияние раннелиберальная доктрина, которая актуализирует независимость отдельного, атомарного индивида от целого, то есть индивидуализма и свободы от (негативная свобода). В XVII веке это было вполне объяснимо: уход от деспотического государства, давления католической церкви, папизма, во всяком случае, у Локка. Но в XX веке, тем более в XXI – это выглядит анахронизмом, идейной слабостью. В ходу коммунитаристские ценности, актуализируются идеи нео и постмарксизма в связи с возрастающими проблемами бедности, социального неравенства, нестабильности в мире в целом. Поэтому неудивительно, что правам и свободам уделяется 56 статей, а обязанностям – 3 (в Конституции 1977 г. их было 9): платить налоги, служить в армии и охранять природу. Провозглашённая республиканская форма правления предполагает позитивную свободу, то есть добровольно принятые на себя ограничения. Лучше быть нужным государству, обществу, коллективности и т.д., чем свободным, а это требует самоотверженности, приверженности коллективистским ценностям, а не ориентации на потребление и комфорт. Принятое идеологическое многообразие в Конституции 1993 года как раз отвечает интересам разрозненных индивидов. Система ценностей, могущая объединить всех, заложена в русской культуре с ее «сверхнациональным, всечеловеческим духом русского народа» [3, с.13-14].

Индивидуализм негативной свободы трансформируется в Европе в радикальный либертарианизм с его допущением легализации наркотиков, проституции и т.д. Проявляется какая-то идейная безоружность, близкая к позиции «по своей волюшке пожить», поэтому либертарно-юридическая концепция с ее субстанциональным подходом в осмыслении права, предложенная академиком В.С. Нерсесянцем, актуальна и сегодня в плане ее направления на укрепление правовых основ государства, позволяющих избежать опасности как деспотии, так и анархии в обществе.

Список литературы

1. Аквинский, Фома. 2006. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1-64. SanctaThomasAquinas. SummaTheologiae. ParsPrima. Quaestiones 1-64. М. : Издатель Савин С.А.
2. Бауман, Зигмунт, Донскис, Леонидас. 2019. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Изд.-во Ивана Лимбаха.
3. Бердяев, Николай А. 1997. Судьба России. Самопознание. Ростов/Д, изд.-во «Феникс».
4. Гоббс, Томас. 1984. Соч. в 2-х томах. Т.1. М.: Мысль.
5. Гольбах, Поль А. 1963. Избранные произведения в 2-х томах. Т.2. М. : Соцэкгиз.
6. Дигесты Юстиниана. Титул I. О правосудии и праве (Deiustitiaeture). [Электронный ресурс] //https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/01.php(дата обращения 25.12.2021 г.)
7. Камю, Альбер. 1990. Бунтующий человек. М.: Изд.-во политической литературы.
8. Кант, Иммануил. 1999. Метафизические начала учения о праве // Основы метафизики нравственности, М. : Мысль.
9. Локк, Джон. 1988. Соч. в 3-х тт. Т.3. М. : Мысль.
10. Лосев, Алексей Ф. 1982. Эстетика Возрождения, М. : Мысль.
11. Милль, Джон. С., 1900. Утилитаризм. О свободе, СПб. : Изд-во И.П. Перевозникова.
12. Нерсисянц, Владик С. 2002. «Философия права: либертарно-юридическая концепция». Вопросы философии, № 3. С. 3-15.
13. Рассел, Бертран. 2009. История западной философии. М. : Академический проект.
14. Скиннер, Квентин, 2020. Свобода до либерализма. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
15. Трубецкой, Сергей. Н. 2003. Метафизика в Древней Греции, М. : Мысль.
16. Фуко, Мишель. 2011. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в коллеже де Франс в 1982-1983 учебном году. СПб. : Наука.

17. Цицерон, Марк Туллий. 2000. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков, М. : Российский государственный гуманитарный университет.

18. Цицерон, Марк Туллий. 1999. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М. : Мысль.

19. Элиаде, Мирча. 2009. История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М. : Академический Проект.

20. Barber, Benjamin. 2001. Jihad vs. McWorld, 2-nd edn N.Y. Ballantine Books.

21. Behler, Ernst. 1988. Derrida – Nietzsche. Nietzsche– Derrida, Munchen: Ferdinand Schoningh..

22. Dworkin, Ronald. 1972. Paternalism// Monist.56. January; Dworkin, R., 1986. Law's Empire, Cambridge MA Harvard University Press.

23. Golding, Martin. 2006. The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. London: Forman.

24. Habermas, Jurgen. 1996. Between Facts and Norms. Boston: MIT Press. <https://mitpress.mit.edu/books/between-facts-and-norms>

25. Hart, Herbert. 1961. The Concept of Law, Oxford: Clarendon Press.

26. Hart, Herbert. 1983. Essays in Jurisprudence and Philosophy, Oxford: Clarendon Press.

27. The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. 2006. Ed. By Martin P. Golding and William A. Edmundson. Blackwell Publishing.

28. The Philosophy of Law: An Encyclopedia, 1999, vol.1, 2, Christopher Berry Gray (ed.), N.Y. and London: Garland Publishing Inc.

29. The Human Rights Encyclopedia.. Vol3. 2001. Ed. James R. Lewis, Carl Skutsch. M.E. Sharpe, Inc.

30. Tudor, Jones, 2002. Modern Political Thinkers and Ideas: A Historical Introduction.-London; N.Y. : Routledge.

ЧЕН ЭНЬФУ О КИТАЙСКОМ НОВАТОРСКОМ МАРКСИЗМЕ

Рудаков С.И.
д.ф.н., профессор

В 2021 г. в издательстве «Родина» вышла фундаментальная книга ведущего китайского обществоведа, академика китайской АН Чен Эньфу. На центральном сайте РУСО, в 15-16 выпусках наших АПМ [2] уже публиковались материалы из этой книги. В данной статье рассматриваются главные моменты концепции китайского ученого о современном марксизме.

Академик Чен Эньфу подчеркивает, что «существует заблуждение, что марксизм устарел, малопригоден или не имеет теоретической конструкции» [6, с. 88]. На самом же деле «только марксизм, касающийся убеждений и основных ценностей в жизни, является научным(! – С.Р.) и передовым, и должен и обязан в конечном итоге быть популяризирован и реализован во всем мире» [6, с. 89]. Для китайского исследователя марксизм есть единство материализма и диалектики, теория исторического материализма и научного социализма. Таков метод «Капитала» К. Маркса. Более того, Чен Эньфу говорит об «академической колонизации»: «...Марксизм – это не только общая академическая идея, но, что более важно, это относительно наиболее научная академическая система. Таким образом, рассматривать современный западный капитал или буржуазную науку как научную теорию и требовать от наших ученых и преподавателей гуманитарных наук получать образование у немарксистских или антимарксистских ученых в этих странах или публиковаться в научных журналах под редакцией этих ученых – это явный случай «академической колонизации» [6, с. 124]. Какой резкий контраст с российским общественным сознанием последних 30 лет, когда стали шарахаться от марксизма, как от проказы.

Подход Чен Эньфу не просто ценностно-догматическая защита близкого сердцу мировоззрения. В духе материалистической диалектики он исходит из необходимости развития самого марксизма. Китайский академик, опираясь на решения КПК, исходит из тезиса о том, что китайский марксизм – новейшая форма научного социализма: «Путь к социализму с китайской спецификой и великое новаторство марксистской теории сделали древний Китай родиной развития марксизма XXI века, а Коммунистическую партию Китая, пережившую столетие молодости, – главной силой в развитии марксизма XXI в. Китай в XXI в. не потерпел поражения в марксизме, а Коммунистическая партия Китая в XXI в. не потерпела поражения в священной миссии, возложенной на марксизм временем» [6, с. 111]. Он пишет, что в условиях глобального капитализма создается уникальная возможность «посредством реформ и открытости полностью использовать производительные силы, созданные капитализмом, впитать все плоды цивилизации, созданные капитализмом и избавиться от недостатков капитализма, таких, как слепота производства, поляризация, экономические кризисы и т.д. для динамичного развития производительных сил социалистического общества...» [6, с. 36].

И теоретически, и практически китайский теоретик исходит из понимания глобального капитализма как особой исторической стадии развития общества, создающей небывалые возможности для развития. Автор подчеркивает, что поскольку сам Маркс жил на ранней стадии капитализма, в условиях свободной конкуренции, «некоторые проблемы капитализма еще не были полностью разработаны. С глобальным проникновением и расширением современного капитализма он фактически достиг или достигает новой стадии» (подчеркнуто мной – С.Р.)[6, с. 152].

Здесь следует подчеркнуть следующее. Китайский марксизм не имеет такой богатой истории в XX веке, какая была у нас в Советском Союзе. В советской философии на основе открытий в логике «Капитала» в итоге в начале XXI века была сформулирована

концепция глобального капитала как новой исторической фазы в развитии капитализма (см. работы Вазюлина, Пателиса, Рудакова). С этой точки зрения глобализация – это не просто расширение капитала по всему миру, но особая историческая стадия капитализма, связанная с появлением ТНК и доминированием финансового капитала. Академик ЧенЭньфу, с одной стороны, улавливает, что глобализация – новый этап в развитии буржуазного способа производства, позволивший выдвинуться Китаю в мировые лидеры, а с другой, он толкует глобализацию как экономический процесс, возникший с началом промышленной революции и делает вывод, что «нынешняя глобализация лишь добавляет некоторые нововведения в содержание по сравнению с эпохой «Коммунистического Манифеста» [6, с. 152]. Такая двойственность – результат смешения этих двух аспектов. Улавливая чисто эмпирически новую историческую стадию капитала, китайский марксист не до конца осознает ее самостоятельное значение.

Феномен китайского «экономического чуда» сводится к двум фундаментальным моментам. Во-первых, глобальная экономика в XXI веке создает принципиально новые возможности для экономического подъема отстававших в XX веке стран, и в том числе Китая. Во-вторых, преимущество планового хозяйства под руководством Компартии позволяет максимально выгодно для себя использовать особенности глобального мирохозяйства. Объясняя особенности подхода Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, академик Чен Эньфу выделяет несколько моментов. Прежде всего, начиная с Дэн Сяопина, китайские марксисты пришли к выводу, что «нет фундаментального противоречия между социализмом и рыночной экономикой» [6, с. 229]. Во-вторых, в такой рыночной экономике, тем не менее, определяющую роль играет сектор государственной собственности [6, с.231]. В результате действует механизм двойного регулирования: «важность рынка и превосходство планирования» [6, с. 232]. В китайской экономической модели («социализм с китайской спецификой») работает формула «34111»:

30 % государственной собственности, 40 % коллективной, 10 % индивидуальной, 10 % частной и 10 % частной иностранной собственности. При этом экономика должна избавляться от низкого качества открытости внешнему миру, опираться на собственные силы и одновременно планомерно использовать иностранный капитал.

Чен Эньфу подчеркивает, что после Ленина была допущена догматизация марксизма. Он пишет: «Но, к сожалению, после смерти Ленина определенные принципы марксизма были догматизированы и смоделированы. Например, отказ от товарной экономики, введение системы строго государственной собственности и единой командно-плановой экономики привели к созданию довольно жесткой советской социалистической модели» [6, с. 242]. Дэн Сяопин, пишет академик, подчеркивал, что бедность это не социализм, слишком медленное развитие это не социализм, что эгалитаризм и поляризация это не социализм. Поэтому если для решения задач развития производительных сил, повышения уровня жизни народа требуется включение в мировую глобальную экономику, то надо это делать.

Говоря об идеях Си Цзиньпина в теории социализма с китайской спецификой, академик Чен Эньфу выделяет следующее. Во-первых, основой китайской социалистической системы является сектор государственной экономики. Ликвидация бедности – важнейшая задача такой экономики. Ядром политической и экономической системы с китайской спецификой является Коммунистическая партия Китая. Она опирается на марксизм и ориентируется на человека. Важнейший тезис Си – идея о единой человеческой судьбе. В условиях нарастающего торгового протекционизма и антиглобализационного мышления Си подчеркнул, что «мир «глобальной деревни» определил, что интересы всех стран все больше переплетаются, а их судьбы являются общими» и что «открытость и сотрудничество являются неизбежной логикой научно-технического прогресса и развития производительных сил» [6, с. 310]. По мнению Си, «это закон экономики, который не зависит от воли человека» [6, с. 310]. Чен

Эньфу, обсуждая идеи Си, подчеркивает, что «создание сообщества человеческой судьбы может не только поддерживать мирное развитие планеты, но и способствовать дальнейшему развитию многообразия человеческой цивилизации. Судьба человечества должна совместно контролироваться человечеством» [6, с. 310].

Развивая положение о новаторском марксизме, академик Чен Эньфу (а он экономист по специальности) выделяет 10 инноваций неомарксистской школы. Первая и главная связана с выделением трех стадий социализма. Китайские марксисты традиционно выделяли первичную стадию и стадию социалистической рыночной экономики. Чен Эньфу предлагает выделять еще третью стадию, продвинутую: «продвинутый этап = единая государственная собственность + товарное распределение труда + полностью плановая экономика» [6, с. 335]. Характеристика продвинутой стадии остается не до конца раскрытой у китайского марксиста. Более того, представляется, что невозможна полностью плановая экономика в условиях товарного распределения труда.

Вторая инновация сводится к тезису о совместимости планирования и рыночного хозяйства.

Спорной предстает третья инновация. Чен Эньфу утверждает, что весь труд, «включая внутренний управленческий и научно-технический труд физических и юридических лиц, может быть использован для создания стоимости. В духе науки можно сделать вывод, что весь труд, который непосредственно производит материальные и духовные товары для рыночного обмена, является трудом, создающим стоимость, или производительным трудом» [6, с. 336-337]. Маркс, как известно, подробно анализировал проблему производительного и непроизводительного труда. Он относил к производительному труду и духовный труд, если он приносит товаровладельцу прибавочную стоимость. Например, владелец частного театра получает прибыль, эксплуатируя артистов и публику. Однако если говорить о природе стоимости, она может создаваться только материальным трудом, поскольку

стоимость – материальное отношение. Прибыль же владельца театра возникает из перераспределения материального дохода, которым владеют субъекты материального труда и материальных производственных отношений.

В качестве четвертой инновации автор вводит положение о том, что субъекты человеческой деятельности имеют как корыстные интересы, так и альтруистические, и ведут себя как рационально, так и иррационально. В таком подходе, как кажется, содержится определенная уступка буржуазному утилитаризму Бентама, которого критиковал К. Маркс. Корыстные и альтруистические интересы не заданы изначально природой человека. Их соотношение есть результат конкретно-исторического соотношения форм собственности и технологических укладов.

Пятая инновация есть возражение на тезис буржуазной политэкономии об ограниченности ресурсов и безграничности потребностей. Китайский марксист показывает, что на самом деле ресурсы и потребности диалектически взаимосвязаны друг с другом.

Шестая инновация, по Чен Эньфу, утверждает, что справедливость и эффективность способствуют друг другу и изменяются в одном направлении. В противоположность западным теориям китайский марксист утверждает, что эффективность внутренне связана со справедливостью.

Седьмая инновация говорит о высокой эффективности государственной собственности.

Восьмая – закрепляет механизм двойного регулирования рыночного государства – товарно-рыночный и плановый.

Девятая инновация утверждает о преимуществах интеллектуальной собственности и культурной деятельности.

И последняя – связана с новой доктриной империализма. Чен Эньфу пишет: «...Новый империализм – это новый этап в развитии капитализма от свободной конкуренции, всеобщей частной монополии и государственной монополии к международной

монополии...XXI век – это эпоха господства неоимпериализма, эпоха новой «великой революции» и строительства мирового рабочего класса, эпоха перехода от капитализма и неоимпериализма к социализму» [6, с. 345-346].

Как видим, Чен Эньфу вплотную подходит к идее глобального общества как новой исторической фазе буржуазного общества. С этим он закономерно связывает социализм с китайской спецификой. И потому мы должны самым внимательным образом изучать труды наших китайских товарищей.

Список литературы

1. Актуальные проблемы современного марксизма. Вып.15.– Воронеж, 2023. – 127 с. ; Вып.16. –Воронеж, 2023. – 121 с.

1. Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. 2-е изд. \ Вазюлин В.А.–М., 2002. –280 с.

2. Пателис Д. Философско-методологический анализ становления экономической науки \ Пателис Д. – М. , 2000. –185 с.

3. Рудаков С.И. Глобализм – новая и последняя стадия капитализма \ Рудаков С.И. – Воронеж – изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2011.–107 с.

4. Рудаков С.И. Диалектическое противоречие в методологии теории стоимости \ Рудаков С.И. – ВГУ, 1992 – 212 с.

5. Чен Эньфу Китайский новаторский марксизм. Избранные произведения Чен Эньфу. Перевод Ли Чжожу \ЧенЭньфу.– М., «Родина», 2021.–1054 с.

К вопросу о генезисе и смыслах теории общего блага

Чигарев Г.Г.,

канд. ист. наук, доц. ВГУ

Для понимания актуальности и значимости данной статьи следует обратить внимание на скупую аннотацию журнала относительно публикуемого текста лекции Ж. Тироля, которая

свелась практически к следующему суждению: «...автор описывает миссию социолога и то, как экономика может принести общее благо»[1, с.6]. Не удивительно, что данный текст не получил видимого резонанса в среде научной общественности: по меньшей мере автору статьи не известны следы критического анализа основных идей Нобелевского лауреата на страницах последующих номеров журнала. Публичный характер лекции не лишает её содержание концептуального теоретического характера и альтернативного видения трендов развития экономической мысли и, в общем, нашей цивилизации. И более того, мы уже стоим на краю «цивилизационного разлома» и не совсем понимаем его характер и масштабы. Даже робкие попытки критического осмысления новой либеральной парадигмы Ж. Тироля позволяют хоть как-то продвинуться в этом направлении. Наша цель заключается в том, чтобы дать взвешенную оценку «нобелевскому феномену» на основе достоверной интерпретации его образа, генезиса, его внутренних смыслов, адекватной методологии критического анализа, позволяющей найти его истинное место в противоречивом концепте будущего нашей цивилизации.

Методы и результаты анализа

Методология проводимого исследования определяется его теоретическим характером, что предполагает высокий уровень абстракции, постоянной смены (манипуляции) приемов индукции и дедукции, восхождения от частного к общему и обратно, сочетания логического и исторического, аналогии и сравнительного анализа. Последовательное применение диалектического метода в исследовании «нобелевского феномена» позволяет нам воспринимать его через призму единого целостного и противоречивого мира, через понимание относительности любой умозрительной конструкции, как и экспертных оценок по поводу её истинности.

О сущности и миссии теории общего блага

В лекции Ж. Тироля присутствуют свидетельства того, что он вносит новации в сложившейся формат либеральной парадигмы

рыночного хозяйства, рыночной экономики в виде верховенства общего интереса, тем самым, наделяя экономическую теорию (Economics) новыми компетенциями, требующими междисциплинарного синтеза и нового уровня обобщения глобального развития. Основной труд Ж. Тироля («Economics for Common Good» – «Экономика ради общего блага»), по утверждению самого автора, «развивает видение экономической теории как нравственной и философской науки» (“develops a vision of economics as amoral and philosophical science»), «объясняет, как экономическая теория может помочь нам понять мир и проводимую политику» (“it explain how economics can help us understand the world and guide policy”) [1 с. 6].

Сущность любой экономической категории, концепции раскрывается в её целевых установках, функциях. Нобелевский лауреат определил миссию (амбиции) теории общего блага как помощь обществу в создании институтов, работающих на общий интерес (“The ambition of the economics for common goodis, in short, to help build institutions that wil lwork in the general interest”). Для автора статьи даже эти «научные пассажи» Ж. Тироля выглядят некой фантасмагорией. Еще большее недоразумение может вызвать, как говорится, руководство к действию, или миссионерские наставления для апологетов экономики для общего блага. У нас нет возможности (скорее, мы не готовы это сделать) останавливаться на полном алгоритме подобных действий: достаточно привести первоочередное.

Ж. Тироль констатирует, что все экономические субъекты, включая граждан и государство, действуют в логике индивидуального интереса без всякого присутствия каких-либо мотивов, связанных с общим, как-то объединяющим их, интересом. Он обращается к потенциальным сторонникам теории общего блага с риторическим вопросом – что мы можем сделать? Затем отвечает на него следующим образом: «первое, что мы можем сделать, так это попытаться оказывать влияние на граждан, компании, регионы и государства таким образом, чтобы они вели

себя лучше: принимали в расчет не только свои собственные интересы, но и также – общий интерес» (“The first thing we can do is to try to persuade citizens, firms, states, countries to behave better and take into account not only their own interests but also the general interest”) [1, с.7].

Можно быть уверенным, что три-четыре года назад подобные проекты большинством отечественных профессионалов воспринимались как умозрительная экзотика, не имеющая серьезных шансов на практическое воплощение. Хотя нобелевская премия по экономике заставляла относиться к постулатам Ж. Тироля со всей серьезностью. Отсутствие какой-то полемики по этим постулатам вряд ли можно использовать в качестве критерия их научной значимости. Скорее это свидетельствовало о серьезном расхождении векторов научных исследований в области экономической теории в России и за рубежом, что станет достаточно очевидным ближе к завершению данной статьи.

Причем здесь глобализация и неолиберальная парадигма

Первая эмоциональная реакция на лекцию Ж. Тироля не должна нас вводить в заблуждение относительно непредсказуемости его постулатов в среде отечественной научной мысли и экономической жизни как таковой. Описание данного явления в виде расхожей фразы – «как гром среди ясного неба» – было бы явным преувеличением: во втором десятилетии текущего века «атмосфера» международных отношений не сулила ничего хорошего, как говорится – «сгущались тучи». Не «с бухты – барахты» наметился кризис либеральной парадигмы рыночного хозяйства, который приводил в смятение её апологетов и являлся серьезным вызовом для мировой научной мысли, мировой научной общественности.

Самое парадоксальное в этом явлении то, что институциональная угроза, так сказать, «прокатанной» либеральной парадигме надвигалась не с Востока, откуда, казалось бы, следовало её ожидать (имеем в виду коммунистический Китай), а с Запада с его (в недавнем прошлом) настойчивым требованием

проведения либерализации экономических отношений в странах с развивающимися рынками. Примечательно, что сигнал «отбой!» прозвучал тогда, когда главное детище либеральной парадигмы – это глобализация достигла своего апогея. Действительно, свободное международное движение товаров и капиталов через рыночные институты обмена привело к таким механизмам перераспределения национального дохода между странами, которые сейчас некоторые серьезные политики относят к проявлениям «неоколониализма». Действительно, парадигма глобализации (использование дешевого труда и дешевого капитала) привела к высокому уровню взаимной и односторонней зависимости, к появлению и обогащению транснациональных компаний, к определенной выгоде от международного разделения труда как стран развитых, так и развивающихся.

Глобализация с ее аполитичным транснациональным капиталом, самонадеянность Запада в своем институциональном и технологическом превосходстве – все это «убаюкало» геополитические амбиции и интересы стран Запада и породила парадоксы, составляющие им потенциальную угрозу. Неожиданно для себя, Запад обнаружил, что либеральная модель рынка способна принести дивиденды не только ему, но и странам, стоящим за очерченным кругом «западных ценностей», западной демократии. Китай, принявший предложенные Западом рыночные правила хозяйственной деятельности, с невиданной по меркам исторического времени скоростью, поглощал западные инвестиции, наращивал экспорт в условиях низких издержек производства и высоких гарантий внутривнутриполитической стабильности, так важных для иностранного инвестора. Из нищей аграрной страны Китай превратился в «мировую фабрику», в мирового кредитора и инвестора, серьезного геополитического игрока с развитой конкурентной экономикой, с глобальным влиянием которого приходится считаться.

Перспектива конкуренции с Китаем в рамках сложившейся практики мирового хозяйства не сулила коллективному Западу

очевидного успеха. Переход от торговых и валютных войн к политике прямого сдерживания России и Китая на началах экономического, политического, военно-политического, информационного и идеологического давления на эти страны означал переформатирование политики, прежде всего, США и невольное признание Западом, тем самым, несостоятельности для него прежнего экономического рыночного формата указанного противостояния. Предсказуемые потребительские и внутривнутриполитические издержки такого перехода выставляли запрос на социально-политические и нравственные начала консолидации западного общества с учетом его духовных гуманистических традиций и сложившихся демократических институтов. Нельзя недооценивать идейные «мобилизационные» ресурсы коллективного Запада, включая социальное проектирование идеалистического экзистенциального характера.

Безусловно, «китайский контекст» не дает нам полноценной верификации системной трансформации мирохозяйственных связей и отношений и может скрыть более глубокие её причины. Необходимо понимать, что создание и развитие транснациональных компаний в формате неолиберальной парадигмы стало главной причиной процессов глубокой и всеобъемлющей мировой интеграции, получившей название глобализации. Банальный коммерческий интерес и понятный в этой парадигме стимул к увеличению прибыли национальных компаний, национальные различия в стоимости капитальных и трудовых ресурсов, ограниченность внутреннего рынка и соответственно выпуска продукции – все это провоцировало трансграничное движение национального капитала с образованием ТНК. Вместе с этим возникали потребности ТНК в создании новых и в либерализации действующих институтов обеспечения свободного трансграничного движения товаров и капиталов. Например, образование транснациональных банков, рынка производных финансовых инструментов, рынка евровалюты являются прямым следствием указанного процесса. Не трудно

понять, что глобализация как естественное порождение рыночного хозяйства, характеризуемое стоимостными количественными показателями и прогнозируемыми пределами своего развития, неминуемо должна была подойти к кризисному периоду своего жизненного цикла.

Главным противоречием, способным, если не похоронить глобализацию в ее неолиберальной версии, то, по меньшей мере, затормозить или обратить вспять ее развитие, было противоречие между нею и национальными интересами. В условиях болезненной трансформации мировой экономики, а именно, образования двух полюсов – это «полюса инвестиций» (страны с развитой экономикой) и «полюса сбережений» (развивающиеся страны) процесс либерализации валютного рынка, внешнеэкономической деятельности и движения капиталов «открывал шлюзы» для утечки капиталов за рубеж. Россия в отличие от Китая постоянно испытывала «инвестиционный голод» при положительном сальдо платежного баланса и преодолела инвестиционный порог по методологии международных рейтинговых агентств только в 2003 году.

Глобализация породила институты «производства спекулятивного капитала», паразитирующего на процессах свободного движения товаров и капиталов и создающего «финансовые пузыри». «Финансовые пузыри», образующиеся в активах крупнейших западных компаний, в условиях беспрепятственного движения капиталов несут серьезную угрозу экономической финансовой безопасности других стран, в том числе России. Характер и масштабы этой угрозы уже идентифицированы в исследованиях отечественных ученых-экономистов, заслуживающих доверие. С.Ю. Глазьев обращает наше внимание на то, что в крупнейших (top-5 и top-25) американских финансовых холдингах деривативы многократно (соответственно по состоянию на 2019 год, в 21 раз и в 15 раз) превышали активы [2, с. 8]. Мы склонны предположить, что такое нынешнее финансовое состояние американских финансовых

холдингов является следствием замеченного в научном мире постепенного перехода в США от менеджеральной корпоративной модели управления в ранние послевоенные годы к настоящей корпоративной «модели максимизации акционерной стоимости». Не стоит недооценивать и роль начавшейся в 80-е гг. прошлого века либерализации финансовых рынков, позволившей финансовым компаниям проводить рискованные операции с инструментами хеджирования «без особого надзора со стороны регулятора» [3, с. 40-41].

Предыдущий контекст провоцирует запрос на научное обобщение и научную оценку подобных явлений реальной экономической жизни. Понимая ограниченные возможности такого экскурса, хотелось бы выйти на самое существенное и релевантное с точки зрения авторских замыслов. Не лишним будет заметить, что после критического для мирового социалистического общественного уклада 1991 года заметно снизился интерес в экономической социологии и политической экономии к поиску институциональных социалистических альтернатив капиталистическому укладу. Акцент в научных исследованиях, как за рубежом, так и в России переместился на анализ «институционального разнообразия в самом капитализме», что, в конечном счете, привело к появлению «тезиса о множественности эмпирических моделей капитализма». Даже, если он не является свидетельством определенного консенсуса, его можно воспринимать как предостережение от абсолютизации определенной модели. Весьма знаменательно, что (выражаясь нашими словами) «неолиберальный протокол институционального оздоровления капиталистической системы» (больше рынка – меньше государства) является (выражаясь словами отечественных аналитиков) «худшей из действующих альтернатив» [4, с. 151].

Очевидный страновой риск требовал и требует принятия определенных мер и инструментов хеджирования со стороны мегарегулятора. С.Ю. Глазьев уже в тот исторический момент

времени оценивал, на наш взгляд, состояние мирового финансового рынка как критическое. В этой связи он указывал на признаки формирования институтов нового мирохозяйственного уклада, ссылаясь на опыт Китая по жесткому ограничению вывоза капиталов из страны (механизм регулирования капитальных потоков по принципу действия ниппеля – вход свободный, а выход на условиях и требованиях государственного регулирования). Главное, на что мы хотели бы обратить внимание, так это возможность этого механизма блокировать спекулятивные атаки против национального валютно-финансового рынка. Россия в то время была не готова идти по такому пути, находясь, по мнению С.Ю. Глазьева в плену системных требований «Вашингтонского консенсуса» [2, с. 9].

Что касается последнего, то речь идет о либеральном формате (пакете мер либерального толка), разработанном американскими аналитическими центрами и рекомендованном МВФ и Всемирным банком для внедрения экономической политики системных преобразований в деятельность стран, ставших на путь рыночного хозяйства. Негативные последствия ее применения, включая последующие кризисы, показали определенную несостоятельность такого рода проекта. Как говорится, критика не заставила себя долго ждать: были сформулированы (П. Кругманом, Дж. Стиглицом и др.) его главные пороки – это а) рыночный фундаментализм (радикальное дерегулирование экономики) и б) абсолютизация экономического роста при недостаточном внимании к проблемам распределения доходов и социальной политики. СВО и связанные с ней западные санкции и контрсанкции, по сути дела, разрушают «вашингтонскую конструкцию», по меньшей мере, в ее российском варианте и ставят перед политической элитой и экономической наукой России решение вопроса об институтах того вышеназванного «нового мирохозяйственного уклада» в непосредственную практическую плоскость.

Финал неолиберальной парадигмы и начало сомнительных альтернатив

Прикладной смысл нашего пространного пассажа о судьбе неолиберальных нарративов экономического мышления заключается в том, чтобы показать драматическую картину их разрушения, истоки академического разочарования, а вместе с этим, побудительные мотивы поиска новой оригинальной парадигмы развития цивилизации. Не будет выглядеть абсолютной выдумкой наше предположение о том, что Ж. Тироль, отдавший много времени поиску институтов «нейтрализации» финансовых пузырей, однажды обнаружил себя в положении «рыцаря печального образа». Порожденный на почве финансовых кризисов и неудачных экспериментов институционального совершенствования скепсис относительно неолиберальной модели рыночного хозяйства и, в общем, социально-экономического развития, усугубляется нынешней политизацией экономической жизни.

Глобализация, выстроенная в неолиберальных канонах рынка, только полвека смогла играть роль слегка затушеванного доводами рациональности и здравого экономического смысла инструмента реализации геополитического интереса глобального доминирования. Когда стало понятным для субъекта этого интереса, что этот инструмент начал приобретать свойства обратного негативного для него действия, а значит, исчерпал себя, достаточно было одной программной декларации претендента на пост президента США, чтобы неолиберальный мирохозяйственный уклад, поддерживаемый коммерческими интересами ТНК и потребительскими интересами их «глобальных клиентов», превратился в свою противоположность.

Цель достижения глобального лидерства, превосходства одной сверх державы оправдывала самые сомнительные средства ее достижения, включая погружение мирового порядка в состояние неопределенности, взаимного недоверия и откровенной конфронтации. Как неизбежный итог все этого на ближайшем

небосклоне цивилизации «замаячил» риск распада глобальной экономики на отдельные фрагменты по национальному признаку. В условиях такого мира военно-политические аргументы сверхдержавы приобретают больший вес, нежели сравнительные экономические преимущества национальной экономики, а жесткая протекционистская практика, «политический окрик», «политическое табу» становятся повседневными актами современных мировых экономических реалий. Явления и факторы политического свойства, даже вербальная и виртуальная эквилибристика влиятельных политиков (например, Д. Трампа), т.е. все то, что совсем недавно имело второстепенное конъюнктурное значение, теперь приобретает такую силу воздействия, что «путает карты» фундаментального и технического анализа и повышает статус сиюминутного решения. Если принимать это как данность современности, то (приведем слова В. Миловидова), «о рациональности и эффективности современного финансового рынка нужно просто забыть» [3, с. 24].

Оставляемые неолиберальной парадигмой позиции достаточно быстро занимают новыми идеями, вместе с которыми приходят новые нарративы, новые понятия такие, как «перформативная экономика», «перформативная трампономика» и тому подобное, которое может восприниматься как нечто экзистенциональное. Все это, однако, является, помимо уже обозначенных выше обстоятельств и условий, следствием стремительного развития информационных технологий, их возможностей придавать информации свойство, если можно так выразиться, побудительного мотива (императива) к заданному в ней действию. Чтобы не было ощущения при этом далекого будущего, скажем, что уже достаточно давно существует акторно-сетевая теория (АСТ), которая занимается созданием институтов реализации таких возможностей. Указанная выше неопределенность «среды обитания» экономических субъектов провоцирует и усиливает их иррациональное поведение, открывая для экономической науки новую, практически прикладную, область.

Не удивительно, что в таких обстоятельствах информационно-технологического, экономического, научного и социально-психологического характера является (мы намеренно использовали этот глагол) «концепция перформативности экономической науки» [3, с. 25]. Картина мироздания, миропонимания и преобразования мира, заключенная в смыслах данной концепции восходит, по нашим представлениям, к духовным откровениям Нового завета («в начале было слово») и абсолютной идеи Г. Гегеля. Вера в научное знание, в научную идею, способную преобразовать мир, казалось бы, не несет в себе ничего «крамольного». Однако, матрица научного знания, в которой содержание если не обнуляется, то приводится к значению погрешности, а решающее значение приобретает форма (если сказать просто, презентация идеи, а если использовать перевод с английского ‘performance’ в разговорном варианте, то это будет «работа на публику»), несет в себе определенные цивилизационные угрозы. Экономическая наука, преисполненная духом перформативности, готова воспринимать экономическую реальность как результат (репрезентативного с точки зрения массового восприятия) своего мыслительного эксперимента. Выстроенную в формате вторичности бытия идеалистическую конструкцию преобразования (более того, создания пусть даже иллюзорного) мира не следует недооценивать, имея в виду опыт «цветных революций».

Некоторые представители отечественной экономической науки связывают сворачивание проекта глобализации (со всеми вытекающими из этого процесса последствиями) с началом системного кризиса капиталистического мира. При этом, «главной неудачей глобализации в ее неолиберальной версии» объявляется то, «что она не смогла привести к общему знаменателю модели экономического развития даже большинства ведущих мировых держав» [4, с. 6]. С последним трудно согласиться, поскольку произошло именно сворачивание указанного проекта «его кураторами» в логике, как уже отмечалось нами, геополитического интереса глобального доминирования сверхдержавы. Как это ни

парадоксально, но объекты «неоколониального господства», тот же Китай, «подтянулся» к экономическому уровню «метрополии», стал ее кредитором и был не прочь и дальше «эксплуатировать» либеральный механизм международного движения товаров и капиталов.

Мировая экономическая конъюнктура времен глобализации обладала хоть какой-то линейностью и признаками, так сказать, предиктивности, чего не увидишь в наше время, когда политический императив возобладал над здравым экономическим смыслом, а неопределенность порождает турбулентность. И это в условиях, когда, по мнению известного немецкого экономического социолога В. Штрика, «капитализм богатых демократических обществ переживает тройной кризис» (банковский, государственных финансов и реальной экономики), конца которому «пока не видно» [5, с. 89].

Вместе с этим, не следует питать иллюзий относительно «окончательного заката» либеральной идеи, пока не сформировалась альтернативная парадигма общественного, социально-экономического развития, готовая трансформироваться в некий национальный проект, конкурентоспособный по отношению к ней во всех смыслах современной цивилизации. Более того, в течение последних нескольких десятилетий наблюдалось проникновение «рыночных механизмов в устройство социального порядка», приобретая форму «государственного вмешательства рыночными инструментами» [6, с. 154].

Тем не менее, именно в такие времена растет спрос на образ будущего и, более того, разочарованные прошлым готовы воспринимать любой его проект, пусть даже идеалистический или экзотический. В России политическая элита оформила, по сути дела, «заказ» отечественной науке гуманитарного направления, предав гласности неожиданный для многих тезис относительно того, что «капитализм в его нынешнем виде исчерпал себя». Готовы ли отечественная наука «расшифровать» это послание и представить адаптированную для широких масс картину глубокой

оценки прошлого, настоящего и будущего России, сказать трудно. Можно только утверждать, опираясь на рассуждения эксперта в области взаимосвязи экономической теории, идеологии и экономических интересов [7, с. 87], что ожидать появления адекватного указанному вызову, и привлекательного для всего российского социума, феномена экономической теории вне внятного идеологического концепта, мягко выражаясь, неоправданно. Логика текущего исторического момента не оставляет российской политической элите комфортного времени для уточнения своего идеологического кредо. Становится очевидным, что запрос на будущее является планетарным явлением. Но в конструировании образа будущего мы не видим общей закономерности, скорее свидетельства открытого (вплоть до военного) противостояния разноликой ментальности.

Теория общего блага – продолжение вековой европейской традиции?

Обусловленные «цивилизационным разломом», кризисами неолиберальной хозяйственной и общественной системы, поиски Запада новой философской доктрины общественного развития разворачивались не на пустом месте. С этим может согласиться и Ж. Тироль, который не отрицает идейное влияние на свое мировоззрение мыслителей и философов прошлых, начиная с 17-го века, столетий таких как, Джон Лок, Иммануил Кант, Жан Жак Руссо, Джон Роулс, Джон Харсани. Тем не менее, решающее воздействие на Ж. Тироля оказывали текущие экономические явления и тенденции в научном познании и трактовках этих явлений. Мильтон Фридман, например, заметил признаки трансформации экономической теории (economics) скорее в «мистическую отрасль математики», нежели в ту, которая связана с реальными экономическими проблемами (“...economics has become increasingly anarcane branch of mathematics rather than dealing with real economic problems”). Марк Блауг указывал на болезненное (можно понимать, как кризисное) состояние современной экономической теории, которая все больше «превращается в

интеллектуальную игру ради себя самой, а не ради смыслов понимания экономического мира» (Economics has increasingly become an intellectual game played for its own sake and not for its practical consequences for understanding the economic world) [3]. В такой «научной ауре» и могла совершиться «миграция» научных интересов Ж. Тироля в область междисциплинарных исследований и поиска «общего блага». Кстати заметить, в отечественной науке исследуются противоречивые последствия формализации и этической нейтральности экономической теории [5, с. 563].

Подпитываясь европейскими философскими традициями, нарративами теории общественного договора, «архитекторам» общего блага, предстояло решение непростой задачи, – найти модель консолидации разнородного по всем признакам общества на основе консенсуса его индивидов (уникальных в своей индивидуальности). Речь идет о консенсусе по поводу понимания справедливости и восприятия её в таком «освященном виде» как системообразующей клетки нового общественного организма, пронизывающей все его составляющие, включая, конечно, и экономическую. Выходя на такую высокую (пока можно сказать, футурологическую) траекторию, они должны были понимать, что тем самым они отрицают (вот вам и закон диалектики – отрицания отрицания) действующую либеральную парадигму рыночного хозяйства в качестве материальной основы воплощения общего блага. Во всяком случае, она должна была быть подвергнута «ревизии» («аудиту») по принятым в процессе консенсуса канонам общего блага и обрести должную модернизацию, а точнее, пройти иммунизацию, так сказать, «вакциной» общего блага.

Если обратиться к реалиям западного общества, то, «навскидку», покажется, что обозначенная выше задача не имеет рационального решения, а иное другое решение будет либо иррациональным, либо смахивать на утопию. Хотя, если хорошо подумать, то это тот случай, когда мы можем отдать должное признание противоречивым, но великим страницам собственной отечественной истории. Как бы мы ни относились к советскому

эксперименту, но он открыл миру альтернативу развития нашей цивилизации и стал серьезным фактором и невольным критерием оценки любого последующего социального эксперимента. Существование и самобытное развитие Китая не позволяет утвердиться мысли о его бесславном завершении. Более того, нынешнее состояние человечества, которое может быть определено как «стояние на краю пропасти» уже очевидным образом показывает нам, какого шанса на будущее существование оно (человечество) лишилось, отказавшись от продолжения этого эксперимента.

Ж. Тироль, конечно, не мог не высказать свое отношение к советскому эксперименту, к феномену нового (по его мнению, гипотетического) советского человека. Низкая мотивация индивидов по логике его рассуждений обрекала советский эксперимент на неудачу вместе с тоталитарной организацией общества. Можно слегка «потрафить» нобелевскому лауреату и одновременно (и даже метафорично) уточнить истинную причину такого исхода: закат, а точнее, «рукотворное затмение» идеала «растворило» советского человека в агрессивной среде житейских неурядиц. Как говорится, никуда не деться от материалистической сентенции – бытие определяет сознание.

Наступила пора задаться вопросом: какова же природа того нового человека, который будет адекватен (релевантный) идеалу «общее благо» и каков режим его мотивации, позволяющий выйти западному обществу на траекторию устойчивого и справедливого развития? Не случайно в хронологический ряд своих идейных предшественников Ж. Тироль поместил И. Канта с его идеалистической философией. Трансцендентальное априорное происхождение такого человека было вполне предсказуемым. И действительно, он должен был стать главной фигурой «мыслительного (даже правильным будет, умозрительного) эксперимента» под названием «покров неведения (или невежества)» (the veil of ignorance thought experiment). Именно такой «абсолютный» (по сути, вне времени и пространства)

априорный коллективный индивид, не обремененный опытом социальной жизни и признаками какой-либо идентичности, должен будет определять, что есть общее благо и каковы границы социальной справедливости. Если перевести только что изложенное на более адаптированный для студенческой аудитории язык лекции Ж. Тироля, то это будет звучать следующим образом: представьте себе, что вы еще не рождены (понимай, находитесь под «покровом неведения») и задаёте себе вопрос, какого рода общество вы предпочитаете для своей будущей жизни. В таком умозрительном эксперименте никто не может стать в позицию реального индивида с реальными потребностями и интересами, что и открывает возможность безграничной западной толерантности, то есть двери в «страну общего блага» и согласованной справедливости открыты для индивида любой идентичности.

Внешняя привлекательность такого проекта не снимает проблемы «примирения» трансцендентального когнитивного продукта с реальными институтами организации рыночного хозяйства, институтами государства и госрегулирования, гражданского общества, культуры и морали. Вот здесь западным интеллектуалам следует уповать на креативность западной демократии, что они, собственно говоря, и делают. Именно демократические институты и свободы они рассматривают как серьезный мобилизационный ресурс, способный обеспечить консенсус по поводу формата социальной справедливости и консолидации справедливости как нормы права и справедливости как нормы нравственности (justice as fairness). В теории Д. Роулса такая конструкция справедливости является продуктом мыслительного эксперимента под названием «исходная позиция», или «исходное позиционирование» (“theory ginalposition”) и объявлена как лучшая концепция для демократического общества [2, p. 889]. Не вдаваясь (вслед за Ж. Тиролем) в подробности этой теории, следует, все-таки, заметить, что демократические процедуры выбора концепции справедливости и их конечный результат – консенсус, не исключают правовой формат поведения

граждан демократического общества согласно требованиям данной концепции (имеем в виду, прежде всего, их обязанности). Наверно, будет здесь уместна такая ирония: трансцендентальный дух обретает очертания «сурового закона» (ну разве что его «суровость» смягчена нравственным кодом).

В идеалистической конструкции познания общего блага «мыслительный эксперимент» порождает образ будущего, можно сказать образец того, «как общество должно быть организовано» (“how society should be organized”). При этом Ж. Тироль ограничивает горизонт официального властного социального прогнозирования ведомственными прагматичными соображениями, жесткими требованиями момента, конкретными условиями принятия властных решений, а научному видению, научным идеям отдает долгосрочную перспективу развития общества. Можно сказать, философская традиция продолжается: сначала появляется идея, а затем она разворачивается в практику своего материального воплощения (в философии Г. Гегеля абсолютный дух (идея) порождает практику (историю) своего, так сказать, материального освоения).

«Нобелевский феномен» – это революционный вызов или декларация об институциональных изменениях?

Мы испытываем, как становится очевидным, определенные трудности в том, чтобы найти «революционные идеи» «революционное зерно» создателя экономики общего блага. Приходит на ум то, что в лице Ж. Тироля интеллектуал-гуманист сфокусировал критический взгляд на либеральную, в общем-то, экономику под влиянием гуманизма, идеи равных возможностей. Речь идет, по сути дела, о гармонии общества, экономики и государства, сознательная целеполагающая деятельность субъектов которых и должна привести к желаемому синергетическому эффекту – общему благу. Утопическая, на первый взгляд, но привлекательная идея не лишает её создателя здравого смысла и рационального восприятия действительности.

Математик-исследователь теории игр, в дальнейшем экономист, автор учебника по теории корпоративных финансов (2005 год) не мог совершить поворот в своих взглядах без серьезных на то причин, без вмешательства, так сказать, бескомпромиссной и жесткой по отношению к теории экономической реальности. Не совсем (мягко выражаясь) плодотворная формализация экономической науки, приводила в известной мере к отчуждению от практики и к возрастанию спроса, научного интереса к совершенствованию институтов рыночной экономической системы, включая и институты её государственного регулирования. Такое целеполагание порождало определенную проблематику научных исследований, сфокусированной на идентификации специфических изъянов рынка и создании институциональной основы предупреждения кризисов.

Именно вера в институциональное оздоровление рыночного капиталистического хозяйства формировала исследовательские горизонты и, в качестве научного обобщения, когнитивные модели (можно сказать, надежды) будущего мирового развития. В 2001 г. результаты исследований еще давали надежду Ж. Тиролю на то, что произойдет смягчение циклов деловой активности, что обновленный режим управления ликвидностью поддержит инвестиционную активность и обеспечит экономический рост, а заодно, переход полюса сбережений от стран с низким доходом к странам с высоким доходом. Указанный переход должен был поднять рост мировой экономики и предоставить шанс роста стоимости трудовых ресурсов и уровень жизни в странах с низким доходом [3, с.22].

Финансовый кризис 2007-2008 г. шокировал западное научное сообщество, показав несостоятельность научных предположений и необходимость пересмотра главных направлений и акцентов исследования закономерностей рыночной экономики, восстановления макроэкономической теории. Западная академическая наука, по признанию Ж. Тироля, была не готова дать рекомендации органам власти, (вводившим в разгар кризиса

нормативные требования по ликвидности) по таким, например, вопросам как размер запасов ликвидности и их распыление в разнообразных деловых связях, оздоровление процессов секьюритизации наследуемых активов. Кризис сместил фокус исследований на болевые точки – на проблемы регулирования ликвидности, образования финансовых пузырей, на оптимальный пруденциальный контроль управления ликвидностью финансовых институтов, суверенный долг.

Возникает справедливый вопрос: могут ли эти меры быть панацеей от финансового кризиса и составлять содержание адекватной финансовой политики? Не имея быстрого законченного ответа на этот вопрос, следует отдать должное тем западным аналитикам и экспертам, которые не испытывают особого оптимизма при оценке значимости этих мер, но испытывают сомнения относительно понимания первопричины финансового кризиса в научном сообществе. При таком положении вещей академическая наука не может дать убедительную долгосрочную парадигму будущего развития, но при этом открываются двери для научных идей и экспериментов краткосрочного характера. Идеалистическая иррациональная в известном смысле альтернатива Ж. Тироля (экономика для общего блага) вряд ли может рассчитывать на быстрый успех. Создается впечатление, что она не до конца понята и принята западным научным сообществом, поскольку, как нам кажется, не подвергнута тщательному критическому анализу. Ей скорее уготована судьба постепенного встраивания в мощный инерционный поток идей маржинализма и общего макроэкономического равновесия.

Идея общего блага, как любая другая вера, имеет определенную каноническую основу, т.е. неделимое единство его составляющих. В формате данной идеи – это триптих: рынок – государство – социальная ответственность. Здесь Ж. Тироль вряд ли проявил исключительную изобретательность: разве что «социальная ответственность» несет в себе новизну междисциплинарного научного подхода и функцию катализатора в

горниле «страстей по общему благу». Дихотомия экономики в виде рынок – государство на протяжении столетия будоражила умы экономистов и политиков, признающих их сосуществование в воспроизводственном процессе, понимающих причину такого симбиоза (каждый обязан своим существованием несовершенству другого). Оптимальные величины присутствия в этом симбиозе каждого из них стали объектом научного исследования, научных дискуссий, что порождало надежду на устойчивое экономическое развитие через процесс совершенствования их институтов. Финансовый кризис, как уже отмечалось, разочаровал исследователей, и они были предрасположены к поиску новых не тривиальных идей.

«Экономическая данность», безусловно, не устраивает адептов общего блага, но «политико-экономический образ» этой категории Ж. Тироль готов был выстраивать на реалиях экономической жизни, имея опыт и компетенции критического анализа. Он не собирался желаемое выдавать за действительность, скорее желаемое (идеи общего блага) обращалось в инструмент такого анализа. На реальные институциональные несовершенства рынка и государства, хорошо известные экономической теории и представленные в учебной литературе, Ж. Тироль смотрел сквозь призму трансцендентальной парадигмы общего блага, отбирая для конструкции осязаемого образа общего блага подходящие элементы. В этой конструкции он не находит место для государства как хозяйствующего субъекта. Вместе с этим, финансовый кризис 2008 года он характеризует как кризис государственного регулирования: именно мягкое регулирование и такой же надзор мотивируют недобросовестных хозяйствующих субъектов, которые прямыми и косвенными последствиями своей деятельности угрожают нанести ущерб, вред не только отдельным гражданам, но и всему обществу, национальным интересам. В условиях такого изъяна рынка как отсутствие полной и симметричной информации подобные угрозы без особого труда реализуются.

Ж. Тироль понимает, что качество государственного регулирования, надзора и контроля порой зависит не только от применяемых методов и инструментов, а от состояния самого государства как политического института, от предрасположенности государственных служащих к коррупционным сделкам. Государство независимое от лоббизма, имеющего иммунитет от коррупции, может исполнить свою истинную роль (по канонам общего блага) в качестве не только игрока, но и рефери в современной и будущей общественно-политической и экономической системе. Правило поведения государства в системе координат общего блага – это не осуществлять того, что оно не в состоянии сделать ввиду отсутствия должной информации и риска коррупции. Оно должно объединять интересы компаний с более обширными интересами общества. Вторым канонem общего блага является воздержание от «политического верховенства». Наиболее понятным проявлением этого правила будет, пожалуй, установление независимой от «власти предержавных» судебной системы, лишаящей их иммунитета от судебного преследования.

Создавая конструкцию осязаемого общего блага, нобелевский лауреат не собирается проводить ревизию финансовой системы: он сохраняет финансовый сектор, его инфраструктуру, отстаивает институт центрального банка, его политическую независимость. Он признает, что ошибки в денежно-кредитной политике некоторых центральных банков подвергает риску эту независимость, но он несопоставим с риском использования этого института политиками непосредственно перед выборами для денежной эмиссии (дословно, первоначальной накачки – “pump-priming”). Ж. Тироль озабочен (надо полагать, западным, прежде всего) опытом политического вмешательства в деятельность органов денежно-кредитного регулирования, каковыми являются центральные банки [1, с.10].

Главная проблема реформирования институтов власти и институтов рынка по духу общего блага (верховенства общего интереса над частным (личным или корпоративным)) – это поиск

надежных и эффективных инструментов этого перевоплощения. Современная глобальная политическая и экономическая ситуация, безусловно, не вносит ни должной ясности, ни оптимизма относительно судьбы идеалистических построений Ж. Тироля.

Заключение

Первое, что должно быть отмеченным в заключении, это то, что все, представленные в данной статье, оценки и комментарии относительно публичной лекции Жана Тироля носят (за ничтожным исключением) авторский характер и, безусловно, могут быть подвергнуты научному критическому анализу. К тому же данная статья носит характер начального опыта подобного критического анализа, можно сказать, эксперимента, результаты которого изначально было трудно предположить. Исходный авторский замысел ограничиться исключительно текстом публичной лекции «нобелевского феномена» очень быстро обнаружил свою несостоятельность: поместить, пусть даже нескупые оценки и комментарии, в некую недоступную для внешнего мира скорлупу было бы неуважительно к нобелевскому лауреату и недостойно серьезного научного анализа, не игнорирующего диалектику.

По ходу исследования становилось очевидным, что без установления причинно-следственных связей между генезисом «нобелевского феномена» и происходящими в мире процессами мировоззренческого, геополитического, экономического, социального и нравственного порядка понять и объяснить явления подобного рода просто невозможно. Чтобы не опуститься в решении этой непростой задачи до образцов популизма, требовалось вовлекать в научный оборот источники смежных отраслей научного знания и образования. Все это придавало авторским умозаключениям и выводам более доказательный и доверительный характер, а также позволило выйти на глобальный уровень научного обобщения.

Безусловно, окончательный вердикт относительно теоретической и практической значимости любого исследования

выносит читатель, в каком бы ранге он не находился. Тем не менее, автор исследования просто обязан сообщить научной общественности об оставшихся научных проблемах, ждущих своего разрешения. Например, нам остается неясным, как идеалистическая по своему происхождению конструкция Ж. Тироля, реализуется через номинально существующие институты рыночного хозяйства, иными словами, какова когнитивная модель ее существования и функционирования? Каким образом нобелевский лауреат разрешает противоречие между коммерческой природой этих институтов и гуманистическими запросами, ценностями общества, порожденного «мыслительным экспериментом»?

Имманентно присущий теории общего блага Ж. Тироля общественный и научный резонанс должен был проявиться в запросах общества относительно научной идентификации нашего настоящего и образа нашего будущего. В этом глобальном контексте российское общество не может быть исключением: не зависимо от готовности российской науки ответить на эти вопросы в мире уже развернулось жесткое идейное противостояние по этому поводу и победить в нем не менее важно, чем победить на поле брани. Данная статья явилась для ее автора определенным триггером в организации своих дальнейших исследований. Уже ведется работа над исследованием концептуальных методологических основ государственного финансового менеджмента, которая позволит уточнить потенциал отечественной науки в решении обозначенных выше судьбоносных для нашей страны вопросов.

Список литературы

1. Тироль Ж. Глобальные задачи, профессия экономиста и общее благо. Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2019; 23(1):6-12. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-1-6-12>.
2. Глазьев С.Ю. Проблемы и перспективы российского финансового рынка в условиях структурных изменений мировой

экономики // Финансы: теория и практика. – 2020. – Т. 24. – № 4. – С. 6-29.

3. Флигстин Н., Фогель С. Политическая экономия после неолиберализма // Экономическая социология. – 2021. – Т.22. – № 4. – С. 35-45.

4. Жихаревич Д., Хумарян Д. Пересобрать капитализм: экономическая социология и её «политическое бессознательное» (О статье Н. Флигстина и С. Фогеля «Политическая экономия после неолиберализма» // Экономическая социология. – 2021. – Т.22. – № 4. – С. 149-154.

5. Штрик В. Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма // Экономическая социология. – 2019. – Т.20. – № 2. – С. 86-99.

6. Лебедева Д.Р. Гид по рыночным инструментам государственного вмешательства и решения общественных проблем // Экономическая социология. – 2022. – Т.23. – № 1. – С. 154-165.

7. Кирдина-Чэндлер С.Г. Экономическая теория, идеология и экономический интерес // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 71-92.

8. Миловидов В.Д. Перформативная трампономика и финансовый рынок // Мировая экономика и международные отношения. – 2020 – Т. 64. – № 2. – С. 24-33.

9. Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2020 – Т. 64. – № 2. – С. 5-14.

10. Нифаева О.В. Противоречивые последствия этической нейтральности и формализации экономической теории // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19. – № 4. – 563-583.

11. Von Platz, Jeppe. “The Veil of Ignorance in Rawlsian Theory”. In SAGE Encyclopedia of Political Behavior, edited by Fathali M. Moghaddam, 889-92. Los Angeles, CA: Sage Reference., 2017.

12. Mierzwa Z. Jean Tirole: Mathematician-Economist-Humanist. Finansy: teoriyaipraktika = Finance: Theory and Practice. 2019;23(1):13-26. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-1-13-26.

Без марксистского подхода получите Гомункула. Выступление на круглом столе в Мосгордуме на тему нового школьного учебника по истории 14 ноября 2023 года

А.А. Брагин

– Я знаю, почему правящая партия «Единая Россия» решила переписать учебники истории. Это вовсе не связано со Специальной военной операцией (СВО), как заявляют некоторые граждане.

Правители могут год-два обманывать свой народ, но тридцать лет вранья – это уже предел. И такой предел наступил. Российские граждане, прежде всего молодежь, полностью разочаровались в правящей власти. Они не верят лживым учебникам, они не смотрят новостные передачи по ТВ. Они отказываются смотреть лживое историческое кино. Они не доверяют институту выборов.

Современные ученики в школах напрямую говорят учителям-историкам: «Вам как рассказать? По вашему учебнику? Или как на самом деле было?».

Я тоже был школьным учителем. В 90-е годы мы, советские учителя, оставшиеся верные Красному знамени, подверглись сильному административному давлению. Нас вынудили либо уволиться из школы, либо закрыть рот. Лично я ушел в партийную журналистику.

Когда утверждают, что в России якобы нет государственной идеологии – это откровенная ложь. Государственная идеология в буржуазной России – это антикоммунизм. Антисоветизмом наспигованы российское образование, российское телевидение, буржуазная пресса.

В прошлые годы на проявления антисоветизма наши люди возмущались, а сегодня мы просто отключаем телевизор. Шаблонность мышления антисоветчиков нам давно известна. Нет никакого смысла вести с ними дискуссию. Они нас не слышат. Наши дедушки шутили: «Антисоветчика невозможно исправить, но его можно насадить на штык».

В советское время, если в учебнике находили ошибку, всю партию этих учебников выбраковывали. Моя позиция, что в данном вопросе компромисс невозможен. Либо вы напишите учебник, который нас устроит на все 100 %, либо мы никогда не примем этот учебник.

Мы уже давно от этой власти ничего не ждем, а сами действуем. Не сидим, сложа руки.

Для своих детей-внуков мы покупаем репринтные издания советских учебников. Чтобы они знали историю из правдивых источников.

По линии РУСО и Московского горкома КПРФ мы издали «Начальный курс Марксизма-Ленинизма». В отличие от авторов нового учебника по истории мы работали без спешки. В таких вопросах спешка не нужна. Вначале создали рабочий вариант учебника. Отдали его на рецензию нашим ученым. Они дали рекомендации. Мы учли все замечания: внесли правки в наш учебник. Затем обкатали наш учебник на разных аудиториях. Учли замечания и просьбы учеников.

И только после этого мы запустили наш проект. Собираем группы молодежи, человек по пятьдесят, проводим для них занятия, аттестуем их. Наши курсы особенно популярны среди двадцатилетних. Молодежь не верит «Единой России» и официальной пропаганде, поэтому советские учителя по общественным наукам теперь снова востребованы.

Считаю, что не надо питать никаких иллюзий насчет нового учебника по истории. Как бы они там не рассаживались, в авторы учебников они не годятся. Алхимик Парацельс смешивал разные жидкости, в результате получился гомункул. Вот и у авторов нового учебника, поскольку у них отсутствует марксистский подход, может родиться только гомункул.

Никаких надежд с «Единой Россией» не связываем. Мы будем и дальше настойчиво и активно развивать и продвигать наш проект «Начальный курс Марксизма-Ленинизма», как альтернативу буржуазной пропаганде.

Проблема преодоления противоречия между физическим и умственным трудом в теории и практике французских маоистов

*А.А. Дубровских,
старший научный сотрудник ВОКМ*

Социальная специфика второй волны французского маоизма

Маоизм как идейное течение являлся заметным явлением французской культурной и политической жизни в хронологических границах от преддверия Красного Мая 1968 г. до середины 1970-х гг. Даже самый поверхностный обзор литературы, кинематографа, публицистики и философии этого переломного для послевоенной истории Франции периода показывает, какое значительное общественное внимание было приковано к практической деятельности и идеям маоистских групп, особенно если взять в расчет малочисленность их состава и реальную степень влияния на политические процессы.

В значительной мере это обстоятельство объясняется тем, что, в отличие от первой маоистской генерации, сформировавшейся на волне несогласия части членов ФКП с десталинизацией и осуждения позиции КПК в конфликте с КПСС и не внесшей заметного теоретического вклада, представители второго маоистского поколения, ядро которого образовали ульмары, были вдохновлены Культурной революцией и Красным Маем, подтолкнувшими их к оригинальным теоретическим изысканиям, направленным на пересмотр идей китайского вождя с целью придания им формы, способной дать ответ на вопросы, поставленные новыми мощными социально-политическими тенденциями [1].

Ульмарами называют в обиходе студентов Высшей нормальной школы (располагается на улице Ульм), являющейся одной из самых престижных и привилегированных высших учебных заведений Франции, обучение в котором гарантировало

начало удачной бюрократической карьеры и быстрое включение в ряды политического класса страны. Более того, уверенность в профессиональной подготовке ульмаров была столь твердой, что их с большой охотой брали на государственную службу, не дожидаясь окончания полного курса обучения. Статус выпускника Высшей нормальной школы имел вес в глазах как представителей официальной элита Франции, так и приверженцев социально-критических идей [2].

Положение и репутация ульмаров позволила маоистам второй волны вести разговор на равных не только со своим учителем Альтюссером, но и с другими определяющими духовной климат конца 1960-х – начала 1970-х гг., авторитетными фигурами: Беттельгеймом, Сартром, Делезом и Фуко. Принадлежность к корпорации выпускников Высшей нормальной школы сыграет свою роль и позднее, когда разочарованные в идеях китайского вождя участники подпольных групп смогут не только вернуться к обычной жизни, но и сделать образцовые карьеры в политике, науке, искусстве и бизнесе. В этой же специфической социальной ситуации обнаруживается исток радикального характера обсуждения проблемы противоречия между физическим и умственным трудом и направленность на экстремальные формы его практического разрешения, которые стали отличительной чертой второй волны французского маоизма.

Проблема противоречия между физическим и умственным трудом в идеях Мао Цзэдуна

Вполне ожидаемо, что парадигмой для размышлений французских маоистов послужили идеи китайского вождя, которые воспринимались в их кругу не только как адекватное резюме локального исторического опыта, но и в качестве обладающих универсальной значимостью эскизов революционного действия.

По поводу проблемы противоречия между физическим и умственным трудом и способов его разрешения Мао Цзэдун высказывался неоднократно. Собрав и обобщив его

многочисленные прямые и косвенные суждения по этому вопросу, мы обнаружили два фундаментальных контекста, в которых они возникали: общеметодологический и социально-практический.

Первый контекст связан с прояснением значения непосредственной духовной и теоретической деятельности в научном познании и эстетическом отображении реальности, второй предполагает исследование общественного положения и исторического смысла форм участия социального носителя научной и культурной деятельности в процессе революционного преобразования общественных отношений.

Рассматривая науку и искусство с точки зрения общей теории познания, Мао Цзэдун видел в них исключительно подчиненные практике моменты и отрицал наличие у них автономного содержания. Научная истина и эстетическая достоверность, считал он, не являются продуктом развертывания духовной диалектики, а производятся посредством массивированного расширения масштабов и качественной трансформации практического горизонта.

Конечно, китайский вождь не отрицал, что восходящая цепь практического освоения природного бытия и мира общественных отношений требует включения в свою структуру момента теоретической приостановки, во время которого реализуется систематизация и проводится обобщение нового знания. Но это обстоятельство не может изменить положения о принципиальном отставании теоретического разума от возможностей интенсифицированной практики.

«Практика – познание, вновь практика – и вновь познание, – эта форма в своем циклическом повторении бесконечна, причем содержание циклов практики и познания с каждым разом поднимается на более высокую ступень» [3], – так сформулирована общеметодологическая модель процесса познания. Среди многообразия форм социально-исторической практики Мао Цзэдун выделял в качестве основополагающей классовую борьбу. Адекватное познание истины общественных отношений и подлинные эстетические идеалы рождаются на основе

систематизации и обобщения революционной практики восходящего класса.

Интеллигенция при стабильном состоянии общественной структуры осуществляет идейное и эстетическое обслуживание интересов господствующего класса, но в условиях революционного разлома значительная часть представителей этого социального слоя делает выбор в пользу поддержки народных масс. Однако простой переход под знамя народных сил добросовестных ученых и талантливых писателей не может запустить процесс разрешения проблемы противоречия между физическим и умственным трудом.

Мао Цзэдун считал, что духовная культура интеллигенции на первых этапах борьбы за социализм будет продолжать воспроизводить модели мышления эпохи господства эксплуататорских классов, для слома которых необходимо предпринять дополнительные меры по политическому перевоспитанию работников умственного труда. В свою очередь, ученые и писатели, сделавшие шаг от социалистических симпатий к сознательной борьбе за социализм, должны взять на себя задачу по трансформации научной рациональности и эстетического канона.

Китайский вождь был убежден, что исторические формы науки и искусства, сформированные на основе социально-экономических отношений эксплуатации, должны быть подвергнуты массовому критическому пересмотру не только в плане идейного содержания, но и с точки зрения обнаружения моделей мышления, способствующих консервации противоречия между физическим и умственным трудом в условиях борьбы за социалистическое будущее.

Только в этом контексте становится понятен подлинный смысл постоянных призывов Мао Цзэдуна к интеллигенции учиться у рабочих и крестьян. «Пролетариат не будет приспосабливаться к вам» [4], – прямо утверждал он, обращаясь к писателям, журналистам, литературным критикам и работникам искусства задолго до образования КНР.

При поверхностном подходе может показаться, что речь идет о требовании всеобщего бытового опрощения и понижения уровня культуры. Но мысль Великого Кормчего имеет иную направленность, доказательством чему служит его идея о необходимости новой научной рациональности и новых эстетических форм. Разоблачая ложность взгляда на интеллигенцию как на воспитателя и учителя народа, Мао Цзэдун не хотел обесценить социальную и политическую значимость работников умственного труда. Напротив, его призыв к интеллигенции стать коллективным систематизатором опыта классовой борьбы народных масс указывал на возможность активного соучастия в процессе практического познания истины общественных отношений. Таким образом, интеллигенция мыслилась не как творец идей и эстетических образов, а как коллективный обобщитель идей и эстетических образов народных масс. Умственная деятельность в социально-политическом отношении является моментом революционной практики масс или реакционной практики эксплуататорских классов.

Культурная революция обнажила переплетение целого ряда противоречий, среди которых противоречие между физическим и духовным трудом занимало заметное место. Достаточно отметить, что начало революционного процесса было положено учащейся молодежью, выступившей массовым критиком элементов феодальной и буржуазной культуры. Представление Мао Цзэдуна о необходимости трансформации научной рациональности на основе революционной практики масс как условия, благоприятствующем движению по социалистической линии, имело последствия в области репрессивной политики. Разоблаченные противники Великого Кормчего из числа интеллигенции лишались возможности занятий умственным трудом и направлялись на фабрики или ссылались в сельскую местность, где им предстояло заняться крестьянским трудом. Подобный подход приводил не к ожидаемому переустройству структуры научного знания и художественной культуры, а

замиранию этих видов деятельности, что в свою очередь приводило к разрыву в цепочке революционной практики масс.

Авторитет Мао Цзэдуна играл двойную роль в судьбе Культурной революции: с одной стороны, он позволил запустить процесс самоорганизации революционной молодежи, минуя государственные и партийные органы, с другой – стремительное и неконтролируемое обрушение наличных образовательных и научно-исследовательских институтов не могло привести к предполагаемому восстановлению единства революционной практики и трансформации научной рациональности в ближайшей перспективе. Дальнейшая эскалация политической и идейной борьбы в поздние годы руководства Мао Цзэдуна лишь усугубила проблему нехватки научных кадров.

От ульмаров к маоистам

Культурная революция была воспринята ульмарами с большим воодушевлением. Распространенные в их среде прокитайские симпатии быстро перерастали в сознательный маоистский выбор. В 1966 г. ученики Альтюссера создают Союз марксистско-ленинский коммунистической молодежи (Union des Jeunes Communistes Marxistes-Léninistes), являющийся первой маоистской организацией нового типа. Стремясь преодолеть ограничения, обусловленные незнанием китайского языка и обрывочным характером поступающих сведений, представители организации, заручившись рекомендациями Беттельхайма, заслужившего к тому времени признание официального Пекина, смогли сформировать делегацию и посетить КНР. Реалии маоистского Китая, и особенно эксперименты в области рабочего самоуправления и молодежного движения, произвели на французских сторонников идей Мао Цзэдуна неизгладимое впечатление [5]. Революционные туристы вернулись домой с уверенностью в необходимости переноса китайского опыта на французскую почву.

Одним из важнейших аспектов революционного процесса в Китае, который особенно привлек внимание молодых

интеллектуалов, являлся призыв к созданию новой научной рациональности и новой популярной культуры на основе непосредственного единства работников умственного труда и бунтующих народных масс. Так, например, Жейсмар в своей речи на суде в октябре 1970 г. высказал ряд маоистских соображений относительно вопроса об общем направлении социалистических преобразований в области высшего образования во Франции. Главным элементом подготовки молодых интеллектуалов должна стать обязательная трудовая практика на производстве и сельском хозяйстве. Образцом для размышлений лидера французских маоистов послужила политика по созданию и внедрению так называемых «школ кадров 7 мая», начатая в КНР в 1968 г.

Жейсмар говорил: «Реальная проблема заключается не в том, чтобы отправить пролетария в университет, где ему будут промывать мозги, а в том, чтобы уничтожить как университетскую систему, так и деспотизм фабрики, в том, чтобы преодолеть принцип разделения труда, без чего рабочий класс не сможет осуществлять свое руководство во всех общественных сферах» [6]. В качестве конечного итога провозглашалось объединение подготовки научных кадров и производственного процесса в единую систему. Слова, сказанные Жейсмаром, были не только утопическим эскизом будущего, но и резюмировали реальную общественно-политическую практику французских сторонников идей Мао Цзэдуна. С самых первых дней существования Союза марксистско-ленинской коммунистической молодежи его активисты задумывались о желательности налаживания прямой связи с рабочим классом или даже непосредственной интеграции в его ряды. Наиболее последовательным и влиятельным проводником последнего варианта являлся Линар.

Однако между декабрем 1966 и летом 1967 гг. возобладала менее радикальная линия на кратковременные активистские интервенции. Маоисты, принявшие решение раз и навсегда порвать с книжным знанием, осуществили серию масштабных опросов среди рабочих и фермеров с целью ознакомления с их

мировоззрением, интересами и требованиями. Этот, казалось бы, крайне ограниченный опыт столкновения с жизнью и мыслями пролетариата без всяких преувеличений открыл для молодых интеллектуалов новый, прежде неизвестный им континент [7]. Первое знакомство с людьми, занятыми физическим трудом, давало основание полагать наличие у них готовности к самым радикальным действиям в борьбе за свои права. 1968 год маоисты встретили с ощущением необходимости идти по заветам китайского вождя к массам и учиться у них. Чем дальше, тем больше точка зрения Линара одерживала верх.

Маоистские хождения в народ

Влияние маоистов на события Красного мая, вопреки стереотипам, было ничтожным. Радикальность студенческого восстания и размах забастовочного движения стали серьезным вызовом не только для сторонников голлистского режима, но и для его противников и критиков. Так, например, Союз марксистско-ленинский коммунистической молодежи, поставленный президентским указом 12 июня 1968 г. вместе с несколькими другими левыми организациями вне закона, с трудом смог просуществовать до конца лета, после чего был распущен. Но уже в сентябре 1968 г. сторонники линии на радикальную интеграцию в ряды рабочего класса образовали Пролетарскую Левую (*Gaucheprolétarienne*).

Наиболее четко позиция новой маоистской группы было сформулирована в вышедшей в 1969 г. совместной работе Жейсмара, Жюли и Морана под красноречивым названием «На пути к гражданской войне». В этой книге утверждалось: «Май во Франции – это начало затяжной классовой борьбы» [8]. Что касается университетов, бывших движущей силой майских протестов, то с развитием ситуации они утрачивают этот статус и могут одержать победу лишь при условии пролетаризации студенческого движения. Маоистские прогнозы основывались на двух моментах: высокой оценке готовности рабочего класса к самоорганизации в постмайский период и критическом анализе

феномена партии ленинского типа, выявившего его исторические пределы и практическую исчерпанность. Оптика идей Мао Цзэдуна позволила увидеть в партийном и профсоюзном аппарате не только инструмент классовой борьбы народных масс, но и опасность реакционного разворота. Лозунг «Огонь по штабам!», провозглашенный в Пекине, был услышан и в Париже.

Осуждение профессионализации революционной деятельности как зародышевой формы бюрократизации стало общим местом для всех маоистских групп второй волны. Иллюстрацией этой политической интенции является обширная маоистская пресса и агитационные материалы, на страницах которых дискурс разъяснения ситуации и популярных экскурсов в теорию вполне осознанно заменялся набором текстов, призванных передать напрямую голос рабочих и фермеров.

С лета 1968 г. активисты Пролетарской Лево́й, а чуть позже и представители других маоистских групп, предприняли масштабную для их численности попытку внедрения в ряды рабочего класса. Яркой чертой этого движения была его аскетическая этика. В готовности к жертве и восторженности маоистов мемуаристы и исследователи часто слышали отзвуки религиозных настроений [7].

Молодым интеллектуалам, являющимся, по всеобщему признанию, солью французского общества, предстояло отказаться от блестящих социальных перспектив, пережить осуждение родственников, совершить радикальный разрыв с буржуазным кругом общения. Необходимо было научиться подавлять бытовые привычки, в том числе страсть к чтению и глубокому и всестороннему обсуждению социально-политических, научных и культурных проблем.

Линар в своей известной книге «Внедренный» дал яркое описание опыта попытки маоистской интервенции на производство [9]. Молодому, но уже отличившемуся рядом публикаций социологу пришлось скрывать свою истинную биографию, особенно наличие высшего образования, чтобы получить возможность без

дополнительных расспросов и проверок устроиться на автомобильный завод Ситроена в Шуази. На заводе, помимо ожидаемой адаптации к сложностям физической работы, Линар столкнулся с несколькими непредвиденными обстоятельствами, разрушавшими привычный книжный образ пролетариата. Речь идет о конвейерном производстве, современных на то время системах рационализации труда и контроля за рабочим процессом, а также интернационализации рабочего класса.

Переплетение объективных и субъективных факторов ставило под вопрос единство трудового коллектива и его способность к солидарным действиям. Однако даже в этих неблагоприятных условиях Линару удалось сплотить инициативную группу и организовать забастовку, направленную против получасовой ежедневной переработки в счет простоев периода майских волнений. В противодействии менеджменту завода и профсоюзному руководству приняло участие до четверти трудового коллектива завода.

Стоит особенно отметить, что участники забастовки отказывались продолжать работу только в дополнительные полчаса и их основной мотив был вдохновлен не коммунистическими идеями, а стремлением к защите своего человеческого достоинства. Запаса моральных сил у забастовщиков хватило на неделю. Возмездие не заставило себя ждать: наиболее упорные из них были уволены. Что же касается Линара, то он был перемещен на четыре месяца в отделенный от общего производства склад, где подвергался издевательствам со стороны мастеров, после чего был уволен под предлогом сокращения персонала.

Практический провал и теоретическая приостановка

Мы особо остановились на опыте Линара по причине типичности не только его удач и сложностей, но и теоретических последствий, которые он имел. Напомним, что все политические расчеты и этика активистов Пролетарской Лево́й строились вокруг идеи скорого революционного взрыва, по мощи подобного маяю 1968 г., но с эпицентром в промышленных пригородах и районах.

Однако, несмотря на значительные усилия маоистов, результаты их деятельности хотя и привлекали общественное внимание, но все-таки были несоизмеримы с возлагаемыми на них ожиданиями. Маоистская интеграция в ряды рабочего класса была мотивирована желанием восстановить единство теории и практики, но произошло нечто непредвиденное: политическая практика пролетариата и фермеров не вышла на принципиально новый уровень, а перегруженные в физическом и моральном отношении немногочисленные активисты так и не смогли перевести свой опыт на язык теории.

К ноябрю 1973 г. истощенность политических интенций, которыми руководствовалась Пролетарская Левая, стала очевидной для большинства ее членов. Было принято болезненное решение о самороспуске организации. Часть рядовых активистов связала свою дальнейшую жизнь с работой на фабриках и общественной и профсоюзной деятельностью, в то время как набор идейных траекторий руководства Пролетарской Левого оказался крайне разнонаправленным. Леви (Пьер Виктор) переоткрыл свою принадлежность к еврейскому народу и обратился к иудаизму, Глюксманн под влиянием Солженицына перешел на резкие антикоммунистические позиции, Жейсмар сделал в министерстве образования, чему не помешало наличие тюремного срока. Перечисление можно продолжить. Правилком для наиболее авторитетных маоистов второй волны стало возвращение к интеллектуальному труду.

Отход от коммунистических идей бывших маоистов второй волны имел и исключения. Опыт внедрения в ряды рабочего класса подтолкнул Линара к теоретическим исследованиям в области проблем организации труда и вопросе преодоления противоречий внутри народных масс, и эти труды получили признание и за пределами круга французских марксистов. Такие его книги, как «Ленин и крестьянство» и «Ленин и тейлоризм» имели не только историческую мотивацию, но и прямое отношение к опыту французских маоистов второй волны [10].

Феномен движения по интеграции в ряды рабочего класса и его неудача в 1970-е гг. стали предметом критических разборов Бадью, возглавлявшего в то время другую маоистскую организацию – Союзкоммунистов Франции (марксистов-ленинцев) (L'Union des communistes de France marxiste-léniniste). Французский философ считал, что активисты Пролетарской Лево́й были правы в общей оценке исчерпанности ленинской формы партийной организации и желании установить непосредственную связь с народными массами, но впадали в ошибочный анархический оптимизм, вследствие чего пренебрегали теоретической работой и идеологической борьбой, без которых заявленное стремление реализовать единство теории и практики и осуществить первые этапы социалистического по своему содержанию процесса преодоления противоречия между физическим и умственным трудом останется пустой декларацией. Бадью вполне справедливо отмечал, что излишние надежды могут быть чреватые сильным разочарованием.

Позитивная программа, по мнению Бадью, заключается в формировании автономных организационных центров, которые являлись бы коллективным накопителем и систематизатором энергии возмущения народных масс. Обязательным условием функционирования организационных групп является выработка твердой классовой позиции посредством теоретических исследований и идеологической борьбы [11]. Впрочем, организация, возглавляемая Бадью, хотя и пережила Пролетарскую Левую, но, как и абсолютное большинство маоистских групп, пала под ударом общего кризиса левых движений конца 1970-х–1980-х гг., вызванного успехами неокapиталистической модернизации Франции.

Даже самый поверхностный обзор многочисленных публикаций, посвященных как феномену французского маоизма в целом, так и отдельным аспектам этого движения, таким как вопрос преодоления противоречия между физическим и умственным трудом, выявляет доминирование, а часто и переплетение исторического и мемуарного подходов. Полноценное

теоретическое исследование достижений и неудач этого замечательного явления еще предстоит осуществить.

Список литературы

1. Общий обзор истории французского маоизма см.: Alexander R. J. Maoism in the Developed World. – London: Praeger Publishers, 2001. – p. 67-78

1. О роли студентов Высшей нормальной школы в майских событиях 1968 г. см.: Вайнен Р. Долгий 68: Радикальный протест и его враги. – М.: Альпина нон фикшн, 2020. – с. 214-215

2. Мао Цзэдун. Относительно практики http://library.maoism.ru/on_practice.htm

3. Мао Цзэдун. Выступления на Совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани (май 1942 г.) http://library.maoism.ru/literature_and_arts.htm

4. О значении феномена революционного туризма в маоистский КНР см.: Wolin R. The Wind from the East French Intellectuals the Cultural Revolution and the Legacy of the 1960s

5. Déclaration d'Alain Geismar à son procès. Octobre 1970 <http://archivescommunistes.chez-alice.fr/gp/gp36.pdf>

6. Smith J. E. Smith From Établissement to Lip: On the Turns Taken by French Maoism <https://viewpointmag.com/2013/09/25/from-etablissement-to-lip-on-the-turns-taken-by-french-maoism/>

7. Introduction et Conclusion de «Vers la Guerre Civile» (1969) <https://materialisme-dialectique.com/introduction-et-conclusion-de-vers-la-guerre-civile-1969/>

8. Linhart R. L'Établi. Paris: Les Éditions de Minuit, 1978. – 180 p.

9. Итальянское издание двух книг под одной обложкой: Linhart R. Lenin, i contadini e Taylor. Roma: Coinesedizioni, 1977. – 180 p.

10. Элементы критики Пролетарской Лево́й содержатся во всех работах Бадью 1970-х гг., но прежде всего в «Теории противоречия», «Об идеологии» и «Текущая ситуация на философском фронте: Против Делеза и Гваттари» <http://archivescommunistes.chez-alice.fr/ucfml/ucfml.html>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО МАРКСИЗМА**

Сборник статей

Выпуск 17

Научный редактор – д.ф.н., проф. С.И. Рудаков
Редакторы – Т.Г. Солодовникова, Е.С. Карасева

Подписано в печать 15.04.2023 г.
Формат 60x84/16. Объем 9,32 п.л. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ № 0000.

Издательство ООО «Цифровая полиграфия»
394018, г. Воронеж, ул. Куколкина, д. 6.
Тел.: (473) 261-03-61, e-mail: zakaz@print36.ru
<http://www.print36.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Цифровая полиграфия»